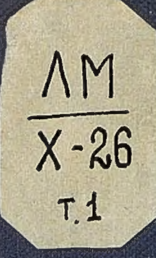
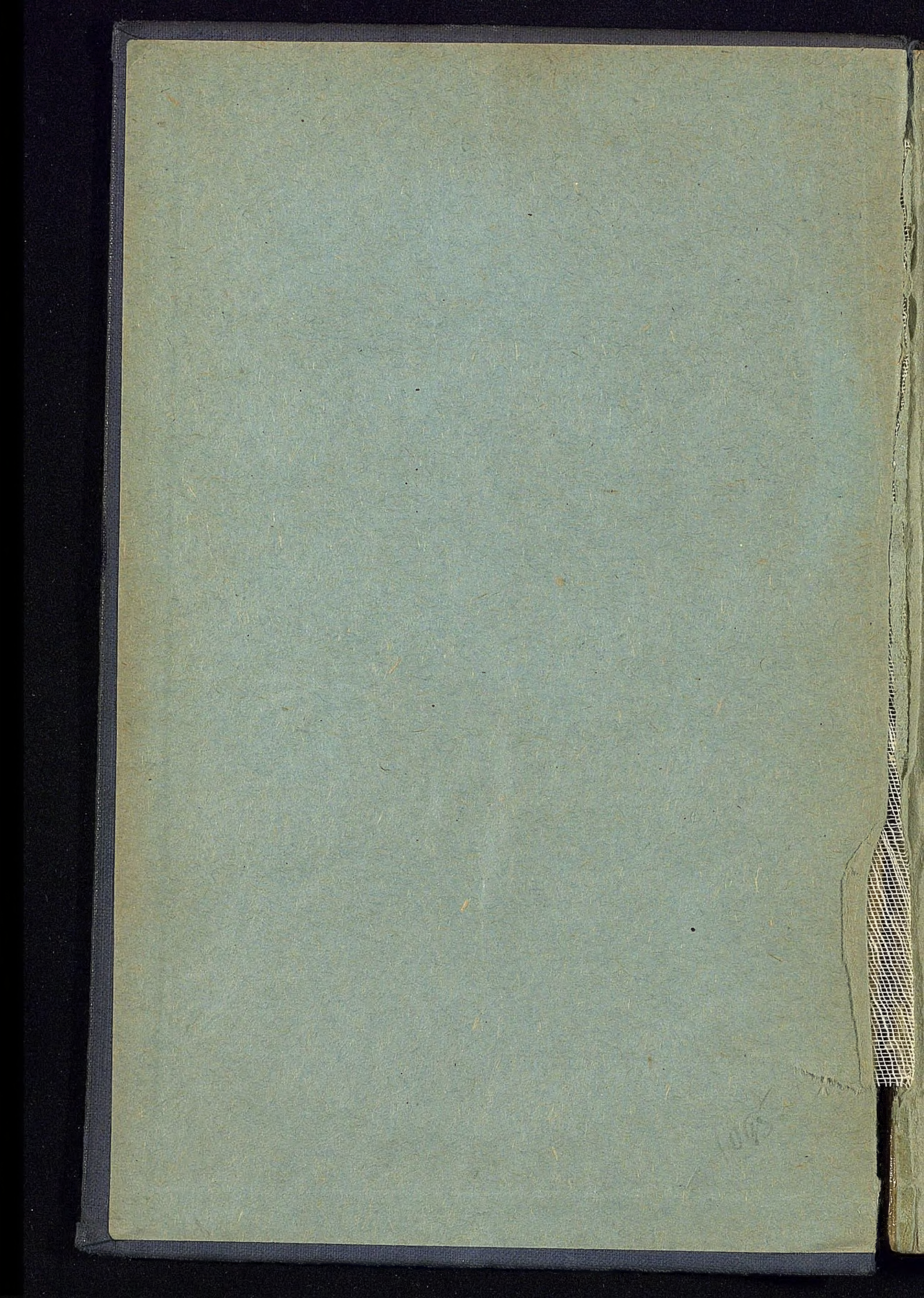

АРХИВ ПОЛКОВНИКА ХАУЗА

ТОМ
I

15/IV

АРХИВ
ПОЛКОВНИКА ХАУЗА

ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ
ПРОФЕССОРОМ ИСТОРИИ
ИЭЙЛСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЧАРЛЗОМ СЕЙМУРОМ

ТОМ I

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1937

В первом томе архива бывшего советника президента США Вильсона — полковника Хауза — собраны дневники и переписка последнего с президентом Вильсоном и другими политическими деятелями за первые годы (1914 и 1915) мировой империалистической войны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор *Я. Георгиади* Техред *В. Морозов*

Сдано в набор 3/III—1937 г. Подписано в печать 23/VII—1937 г. Тираж 5 000 экз. ОГИЗ № 1890. Зак. № 470. Формат бумаги $60 \times 92^1/_{16}$. $13^3/_4$ п. л. 48 000 зн. в печ. л. Уполномоченный Главлита № Б—12548. Цена книги 3 руб. 60 коп. Переплет 1 руб. 25 коп.

16-я типография треста «Полиграфкнига», Трехпрудный пер., д. 9

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Полковник Эдуард Хауз был видным политическим деятелем США в период президентства Вудро Вильсона. Хауз являлся крупным землевладельцем провинции Техаса. Свою служебную карьеру он начал в качестве железнодорожного строителя. С начала 90-х годов прошлого века Хауз становится профессиональным политиком, особенно проявляя себя в качестве закулисного деятеля. На двух президентских выборах в 1912 и 1916 г. полковник Хауз организует кампанию за избрание президентом Вильсона.

После избрания Вильсона президентом США Хауз выступает в роли крупного закулисного политика США, связанного лично с Вильсоном. При ближайшем участии Хауза был составлен кабинет правительства Вильсона. Накануне империалистической войны Хауз выступает в качестве сторонника активного вмешательства США в мировую политику, в борьбу за новый передел мира. Перед самой войной в 1914 г. Хауз по директиве Вильсона отправляется в Европу для создания блока империалистических государств (США, Англия, Япония и Германия) по регулированию сфер влияния в колониях и особенно в Китае.

В годы империалистической войны Хауз совершает поездки в воюющие страны Европы с целью пропаганды вильсоновского пацифизма и ведения тайных переговоров с английским и французским правительствами об условиях вступления США в империалистическую войну на стороне Антанты.

В выпускаемых двух томах архива Хауза, содержащих переписку и дневники, подготовленные к печати и прокомментированные профессором истории Иэйлского университета Чарлзом Сеймуром, преимущественно освещается тайная дипломатия Вильсона в годы империалистической войны.

Само собой разумеется, архив Хауза не вскрывает действительных устремлений политики Вильсона, маскировавшейся пацифистскими фразами.

Ленин о вильсоновском пацифизме писал как об одной из форм буржуазного лицемерия, направленного к обману трудящихся.

Архив полковника Хауза дает яркую иллюстрацию использования Вильсоном пацифизма в интересах американской империалистической буржуазии.

Том I архива Хауза издается в несколько сокращенном виде. Издательство нашло возможным опустить первые шесть глав т. I архива, чтобы не перегружать книгу излишним материалом и рассуждениями, не представляющими особого интереса и не имеющими непосредственного отношения к выявлению политической обстановки, предшествовавшей мировой войне.

Перевод II тома архива дается издательством без сокращений.

Для изучающего историю возникновения империалистической войны, тайной дипломатии и роли вильсоновского пацифизма как одной из форм обмана трудящихся масс архивные материалы полковника Хауза будут являться необходимым пособием.

Изучение документов, подобных архиву полковника Хауза, приобретает особое значение в настоящее время, в период бешеной подготовки новой империалистической войны за передел мира, особенно со стороны фашистских стран—Германии, Японии и Италии, готовящих войну в первую очередь против страны победившего социализма—СССР.

Международный пролетариат может выполнить великую миссию, поставленную современной историей,—спасти человечество от варварства фашизма, от ужасов новой империалистической бойни—только на основе борьбы за создание и укрепление единого боевого рабочего и народного антифашистского фронта.

Борьба за мир, использование мирных настроений масс против войны являются боевой задачей всех тех, кто желает спасти человечество от новой мировой катастрофы.

ГЛАВА I (VII)

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

«Если бы кто-нибудь из старых дипломатов услышал нас, он бы упал в обморок».

(*Из письма сэра Уильяма Тиррела Хаузу 13 ноября 1913*).

1

Нет ничего более странного, чем та цепь обстоятельств, которая в конечном счете привела к тому, что президент Вильсон стал играть исключительно важную роль в мировых вопросах и сосредоточил всю свою деятельность на международной политике. В начале его политической карьеры и даже в течение первых двух лет его президентства, дипломатические вопросы занимали его гораздо меньше, чем законодательные планы. Очень медленно развивал он то, что можно было назвать его собственной политической линией, и предоставлял своим послам самостоятельно разрешать возникавшие перед ними проблемы. Полковник Хауз рассказывает, что вскоре после назначения Пэйджа послом в Англию он спросил Вильсона, дал ли тот Пэйджу какие-либо специальные инструкции. Оказалось, что никаких; но Вильсон считал само собой разумеющимся, что Пэйдж будет вести себя дипломатично и миролюбиво.

Это может показаться случайностью, но надо помнить, что ни традиции демократической партии США, ни вся предыдущая работа Вильсона не давали основания ожидать с его стороны глубокого интереса к иным делам, кроме внутренних. Платформа демократической партии в вопросах внешней политики касалась только краткой ссылки на Филиппины, а сам Вильсон в своей вступительной президентской декларации ограничился только вопросами социальных и промышленных реформ.

Для Хауза, наоборот, проблемы внешней политики всегда были наиболее интересными и важными. Когда он говорит, что начал в молодости строить свою карьеру так, чтобы получить подготовку и иметь возможность удовлетворять свое влечение к политике, то термин «политика» он понимает в самом широком смысле слова, включая и международные отношения. За время

работы в Техасе он не переставал изучать текущие дипломатические вопросы, и во всей его деятельности в 1913 г., в качестве советника президента, видно стремление освободиться от мелочей внутренней политики и найти время для того, чтобы способствовать выработке определенной линии внешней политики. После проведения законодательной программы 1913 г. Хауз решил, что для Вильсона наступил момент заложить основы иностранной политики. Спустя полтора года, 24 июня 1915 г., он записывает: «По-моему, президент никогда не сознавал важности нашей иностранной политики и поэтому излишне подчеркивает важность внутренних дел. Я целиком поддерживал это до окончания чрезвычайной сессии конгресса, на которой разбирались вопросы тарифов, банковские и другие мероприятия...»

С какой бы медлительностью ни формулировал президент Вильсон свою собственную иностранную политику, он всегда остро чувствовал опасность, угрожающую американским интересам при сменах правительств в других странах, и, к чести его, он также неустанно боролся со вторжением в область дипломатической службы США системы раздачи должностей в награду за партийные заслуги (spoil system). Еще до официального вступления в должность президента[1] он высказал Хаузу свое желание «поднять дипломатическую службу США назначениями людей, подобных д-ру Элиоту, если только ему удастся найти подходящий материал». Прежде всего им были выбраны для наиболее важных дипломатических постов: президент Элиот[2], Ричард Олни, профессор Файн—из Принстаунского университета. Задача была не из легких; трудно было найти выдающихся американцев, в которых сочетались бы интеллектуальные качества с материальной обеспеченностью. Кроме того преобладал узкопартийный взгляд на дипломатическую службу, которую считали в первую очередь созданной для того, чтобы дать работу политическим единомышленникам. Из-за своего непреоборимого благодушия Брайан[3] с трудом решался отказывать в просьбе о дипломатическом или консульском назначении, особенно когда это касалось какого-нибудь лойяльного соратника по битве 16 января 1896 г. По его мнению такой человек заслуживал награды[4].

---

[1] Выборы президента в США происходят каждые 4 года в первых числах ноября; его официальное вступление в должность совершается лишь 1 марта следующего года.

[2] В США звание «президент» присваивается председателям учебных советов высших учебных заведений.

[3] В то время министр иностранных дел США.

[4] Вот что писал государственный секретарь (министр иностранных дел США) таможенному сборщику в Сан-Доминго, назначенному благодаря влиянию Мак-Комса: «Теперь, когда вы уже прибыли на место и ознакомились с положением, можете ли мне сообщить, какие в вашем распоряжении должности, которыми можно будет вознаградить достойных демократов?..

Хауз целиком разделял мнение президента. Он настаивал на том, чтобы даже высшие консульские должности замещались согласно «правилам гражданской службы», и по его настоянию такие дипломаты-специалисты, как Уильям Филиппс и Х. П. Флетчер, проявившие свои достоинства при правительстве республиканской партии, были возвращены на дипломатическую службу и даже получили повышение. Он также предостерегал президента от назначения лиц, явно связанных с торгово-промышленными интересами.

«*18 апреля 1913 г.* Я рассказал м-ру Брайану,—записывает Хауз,—о своем разговоре с президентом о назначении консулов в соответствии с «правилами гражданской службы»... Президент заметил, что в вопросе назначения консулов он будет придерживаться рузвельтского приказа. М-р Брайан—сторонник дележа «общественного пирога» и стоит за удаление республиканцев и замену их демократами. Он настойчиво и красноречиво защищал свою точку зрения. Я молчал, так как сочувствовал политике президента, хотя она и не совпадает с желаниями кое-кого из наших весьма близких друзей...»

«*16 января 1914 г.* Мы обсуждали,—писал Хауз о более позднем разговоре с министром иностранных дел,—точку зрения президента о гражданской службе, которая, конечно, не совпадает со взглядами м-ра Брайана. Я предвижу между ними разногласия... в вопросе о протежировании. М-р Брэйан не может примириться с применением «правил гражданской службы». Он заявил, что президент говорил ему о моей рекомендации N[1], и президент желает его назначить. М-р Брайан заметил: «Конечно, он может поступить, как ему угодно, но я уверен, что N один из тех надменных людей, которые всегда будут смотреть на меня сверху вниз».

Письмо полковника Хауза президенту

Нью-Йорк, 8 октября 1914 г.

«Дорогой начальник!

Два-три человека просили меня предложить кандидатуру Х. для нашего посольства в Мексике.

Не думаю, что было бы необходимо предупреждать вас об этом, но пожалуй лучше это сделать.

Х., как мне всегда говорили, связан с нефтяной компанией YZ и ближайший друг Z. Из того, что вы ему предложили Арген-

---

Вы достаточно опытны в политике и знаете, как ценны работники во время избирательной кампании и как трудно дать награду всем, кто ее заслужил... Сообщите мне, какие работники требуются, укажите оклады и когда можно было бы произвести назначения» (письмо от 20 августа 1913 г., напечатано в нью-йоркской газете «Сан» 15 января 1915 г.).

[1] Хауз опустил в записи имя рекомендованного им человека.

тину, они полагают, что у него есть шансы и на этот пост, который, я не сомневаюсь, он примет с чрезвычайной готовностью.

При назначении на этот пост я бы позаботился, чтобы назначенное лицо было химически чисто и от нефти, и от руды.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Когда дело шло о более важных дипломатических назначениях, Вильсон постоянно обращался к Хаузу за сведениями и советом. Однажды президент поручил ему выяснить отношение одного нашего кандидата к религии, так как речь шла о назначении в Китай и президент хотел узнать, ортодоксальный ли христианин этот кандидат или нет[1]. Хауз взялся за это деликатное поручение и на другой день подверг предполагаемого кандидата форменному экзамену по вопросам религии. «У него, повидимому, нет никакой религии»,—заключил Хауз, и назначение не состоялось. С Хаузом президент обстоятельно обсуждал выбор людей для Лондона, Берлина, Рима, Вены и Парижа.

Для представительства в Лондоне Вильсон выразил желание подыскать человека, способного продолжать традиции Адамса, Байарда и Хэя. Но сперва президент Элиот, а затем Ричард Олни отказались от этого поста. Хауз, которого самого раз намечали на этот пост, настаивал на выборе Уолтера Хайнса Пэйджа, который обладал личным обаянием, добродушным и проницательным остроумием и мог похвалиться выдающейся карьерой журналиста. 20 марта Хауз, отмечая свой разговор с президентом, когда Вильсон выразил разочарование по поводу недостатка кандидатов для важных посольских назначений, записывает: «Я думаю, что в конце концов он предложит назначение в Лондон Уолтера Пэйджа».

«*24 марта 1913 г.* Раньше всего мы поговорили о назначениях за границу,—отмечает Хауз разговор с Вильсоном.—Он полагает, что Уолтер Пэйдж, пожалуй, наилучший из оставшихся кандидатов на должность посла в Великобританию. Я не только первый предложил эту кандидатуру, но, после отказа Элиота и Олни, я настаивал на ней. Он спросил, рассчитываю ли я, что Пэйдж примет это предложение. Я уверил его, что примет, и обещал точно выяснить это назавтра.

Мы говорили о множестве других кандидатов в иностранные послы... Я сказал, что Томасу Нелсону Пэйджу следовало бы дать Италию, президент согласился...»

«*26 марта 1913 г.* Я вызвал по телефону Уолтера Пэйджа и сказал: «Доброе утро, ваше превосходительство!» Он спросил,

[1] Интерес к этому вопросу со стороны Вильсона был продиктован настояниями Брайана на том, чтобы посланником в Китай был назначен только ортодоксальный христианин.

что это значит? Я ответил, что это означает многое. Пэйдж очень взволновался и спросил: не шутка ли это. Я ответил, что нет и что президент уполномочил меня спросить, примет ли он пост посла в Великобритании. Мы условились, что он заедет ко мне в 4 ч. 30 м.

Пэйдж приехал точно в условленное время. Он был очень возбужден сообщенной мною новостью. Попросил меня рассказать ему подробно, как это произошло. Я рассказал, что предложил его кандидатуру президенту два месяца назад... От времени до времени говорил с президентом по этому вопросу, и во вторник за обедом президент поручил мне узнать: примет ли он, Пэйдж, это предложение.

Пэйдж был весьма польщен честью, но выразил сомнение в своей способности занять такой пост. Это было настолько отлично от того, чем он до сих пор занимался...»

«*28 марта 1913 г.* Уолтер Пэйдж позвонил около девяти часов: «Я решил повернуться лицом к востоку». Иными словами, он готов принять пост посла в Великобритании. Спросил, что ему делать дальше. Я ответил, что дам знать президенту и тот пришлет официальное письмо с предложением посольского поста.

После девяти часов я созвонился с президентом в Вашингтоне и сообщил ему о согласии Пэйджа. Он ответил: «Это хорошо, я очень рад», и обещал тотчас же написать ему.

Я позвонил Пэйджу, чтобы рассказать, как доволен был президент. Пэйдж выразил глубокую признательность за все мои действия...»

Поручив Хаузу сообщить Пэйджу о своем выборе, президент больше об этом, казалось, не думал и, повидимому, не торопился снестись лично с кандидатом, что очень удивило и обеспокоило нового посла и напомнило обстоятельства назначения Хустона членом кабинета.

«*30 марта 1913 г.* Уолтер Пэйдж и министр Хустон пришли к обеду,—пишет Хауз,—и мы превосходно провели время. Хустон и я пытались внушить Пэйджу, что он почувствует удовлетворение на новом поприще деятельности. Пэйдж опасается, что у него нехватит средств на личное содержание[1], но все-таки он чувствует в себе достаточно горячей крови, чтобы взяться за дело. Он несколько обеспокоен долгим отсутствием сообщения от президента и спросил меня, считаю ли я вопрос действительно решенным.

Хустон тогда рассказал о своих перипетиях: «Я по сей день,—

[1] Послы США получают сравнительно небольшие оклады, но обязаны исполнять весь дипломатический ритуал, который требует крупных расходов. Именно поэтому послами США обычно являются богатейшие люди, вроде Эндрю Меллона, которые используют пребывание в посольстве для расширения своих международных связей, для прямого давления в области внешней политики и т. д.—*Ред.*

сказал он,—не получил от президента никаких уведомлений о моем назначении министром земледелия, кроме того, что мне об этом сообщил Хауз. Я не был уверен, надо ли мне ехать в Вашингтон, но решил, что лучше будет поехать. Поехал, но и там не получил никакого подтверждения. Наконец, мне и жене после церемонии вступления Вильсона в должность президента прислали карточки с приглашением в Белый Дом к обеду. Мы отправились. Президент пожал мне руку, сказав, что рад меня видеть. И все. Секретарь президента сообщил мне, что тот приглашает меня на другой день в 11 часов на неофициальное заседание кабинета в Белом Доме. Я подумал, что дела начинают итти быстрей и что я уже близок к назначению. Я пошел на заседание и, убедившись, что там меня ждали, решил, что вскоре меня официально известят о назначении. Но и этого не произошло. Лишь потом я прочитал в газетах, что моя кандидатура внесена на обсуждение сената, и, наконец, я получил приказ о назначении...»

«*12 апреля 1913 г.* Я завтракал в Белом Доме,—записывает Хауз.—Кроме меня были: Лули, супруги Пэйдж и супруги Уоллэс. Тотчас после завтрака я позвонил Брайану и передал, что Пэйдж желает засвидетельствовать ему свое почтение. Он попросил нас тотчас же приехать в министерство иностранных дел. Брайан был очень любезен с Пэйджем, что тому очень понравилось, тем более, что он сам до этого не особенно почтительно отзывался о Брайане. Пэйдж сказал Брайану, что надеется быть помещенным в «детский сад», где его научат основам его новой работы. Брайан ответил смеясь: «Меня первого надо начать обучать...»

В то время у Хауза было много дел. Он старался сосредоточиться на разработке закона о федеральной резервной системе банков. Но президент, с одной стороны, и искатели дипломатических постов—с другой, постоянно обращались к нему за советом и помощью[1].

«*10 марта 1913 г.* Весь день занят приемом потока посетителей и междугородными телефонными вызовами из Вашингтона и других пунктов. Работа «советника президента», быть может, имеет свои хорошие стороны, но она определенно имеет и свои недостатки...»

«*11 марта 1913 г.* Опять день искателей должностей. Заходил Томас Нелсон Пэйдж. Он не стал говорить о своих чаяниях, но я сам завел об этом речь. Я сказал ему, что президент намеревался назначить его во Францию или в Италию. Но теперь, когда Вильсон в Вашингтоне, я почти уверен, что он будет осажден всеми, кто добивается назначения своих кандидатур.

[1] Характер и количество работы, проделанной Хаузом, подчеркивает целесообразность включения его в кабинет министром без портфеля.

Пэйдж ответил, что предпочитает Италию Франции, хотя дипломатический пост во Франции—бóльшая честь...»

«*12 апреля 1913 г.* Обед в честь французского посла м-сье Жюссерана прошел оживленно. Я говорил с сенатором Лоджем. Он хотел, чтобы должность в бостонской таможне дали человеку из Наханта. Я обещал это устроить, если кандидат окажется компетентным.

Томас Нелсон Пэйдж тоже был на обеде, и я сообщил ему, что если не случится никаких перемен, он в Италию поедет. И посоветовал ему не попадаться на глаза президенту...»

«*16 апреля 1913 г.* За утренним завтраком меня поймал полковник, который хотел стать бригадным генералом, и секретарь посольства, выражавший желание перевестись из Японии во Францию. Дипломат—богатый человек, я реквизировал его автомобиль и заставил возить меня по разным местам, вплоть до ленча...»

«*20 апреля 1913 г.* Судья Джерард зашел ко мне узнать о шансах на получение места посла. Я сказал ему, что шансы невелики, но теперь их все же больше, чем раньше. Он рассмеялся и ответил: «Я думаю, что до самого последнего времени у меня шансов вовсе не было». Это верно, сказал я. Кроме того я сообщил ему, что если Мак-Комс и Моргентау получат заграничные назначения, то выйдет, что пять—из девятнадцати—крупных постов будут замещены нью-йоркцами, а это вне всякой пропорции к доле Нью-Йорка. Он согласился с этим, но не верит, чтобы Мак-Комс согласился на назначение.

Очевидно, он не знает Мак-Комса: тот одинаково может и отказаться и принять...»

«*29 сентября 1913 г.* Х. снова сидит у моего порога. Слухи о том, что Мак-Комс не принимает поста посла во Францию, вновь пробудили его надежды...»

2

Благодаря своему интересу к внешней политике и к дипломатическим назначениям Хауз установил тесный контакт с послами. Создавшиеся в результате этого хорошие отношения очень помогли ему в выполнении специальных поручений в Европе во время войны. После своего назначения Томас Нелсон Пэйдж писал Хаузу:

«Ни в письме, ни в телеграмме я не смогу выразить, какую признательность я питаю к вам за вашу любезность ко мне с начала нашего знакомства. Пусть долг будет за мной, я буду считать нас старыми друзьями, общность чувств и симпатий которых переживет время».

Брэнд Уитлок писал из Брюсселя:

«Мой дорогой друг! Надеюсь, что мы расстались с вами на короткое время. Ваше последнее письмо принесло мне радость.

Оно усилило, если это только возможно, мое желание видеть вас и снова вести с вами долгие беседы... Я чувствую потребность в таком задушевном обмене мнений...»

Уиллард из Мадрида, Пенфилд из Вены, Моррис из Стокгольма часто писали ему, и Хауз, повидимому, не жалел ни времени, ни энергии на то, чтобы информировать их о политическом положении на родине.

Переписка Хауза с Джерардом из Берлина и Уолтером Пэйджем из Лондона была очень обширна.

«Я сказал Джерарду,—записывает Хауз,—что из министерства иностранных дел он будет получать только скудную информацию о том, что делается в правительственных кругах, и обещал до известной степени держать его в курсе событий, так что он сможет беседовать с кайзером или с министром иностранных дел, не попадая в неловкое положение. В свою очередь он обещал писать мне каждые десять дней».

Общение Хауза с Джерардом приобрело большое политическое значение в наступившие впоследствии бурные времена, ибо Джерард сдержал свое обещание. Его письма во время войны были проницательными и пророческими, через них президент Вильсон был точно осведомлен о тех сложных силах, которые управляли Германией. Ничто не далеко так от истины, как легенда о том, будто у президента не было достоверных сведений о закулисном политическом мире на европейском континенте. Никто не мог превзойти Джерарда в том достоинстве и умении, с какими он поддерживал интересы и проводил политику правительства в военной зоне в наиболее трудном дипломатическом положении. Он знал, как устанавливать хорошие отношения с берлинским правительством и вдумывался во все мелочи, которые способствовали укреплению дружественных отношений. Но он не забывал афоризма Бисмарка: «Хороший посланник не должен быть слишком популярен в стране, где он аккредитован».

Письмо посла Джерарда Хаузу

Берлин, 4 ноября 1913 г.

«Мой дорогой полковник!

Теперь, после вручения моих грамот кайзеру, я могу кое-что сообщить.

По вашему совету я заехал в Лондон повидать Пэйджа. Пришлось дожидаться его почти неделю, так как он был в Шотландии с Карнеджи. Я нашел в нем весьма приятного и привлекательного человека и, судя по тому, что я слышал в Лондоне, он добился большого успеха.

Остаток времени я провел в Париже, главным образом—в мебельных магазинах, и прибыл сюда 6 октября. Кайзер был

в отсутствии, и я был принят только в среду на прошлой неделе.

Кайзер разрешил мне быть в обычном костюме, так что проклятый вопрос о форме отпадает. В этом отношении мне лучше, чем Пэйджу, который для придворных церемоний должен надевать короткие панталоны.

Перед представлением кайзеру я заехал к имперскому канцлеру фон Бетман-Гольвегу; он высокого роста, приятный человек типа Линкольна. Он один из немногих высших чиновников, не говорящих по-английски, но мы хорошо объяснялись по-французски и немного по-немецки. Министр иностранных дел в отсутствии; но с его заместителем Циммерманом, рослым и веселым немцем, который был раньше судьей, мы сразу стали друзьями. Остальное время я отдавал работе в посольстве, визитам к различным посланникам и приему их у себя. Я полагаю, что вопрос о помещении закончен и мы займем старое респектабельное здание, ранее принадлежавшее князю Хацфельду, затем—фон Швабаху, и только недавно купленное соседним банком. Ремонт здания обойдется в большую сумму, но оно достаточно велико для размещения всего посольства, так что, если я буду получать те же ассигнования, что и прежде, я буду платить за аренду меньше, чем платят в Париже, или Пэйдж—в Лондоне, который, кстати сказать, занял очень подходящий и «фешенебельный» дом на Гросвенор-сквере.

Я взялся за ряд дел, которыми не занимались мои предшественники. Я принимаю активное участие в американском благотворительном обществе, в американской церкви (где мы с Ланьером каждое воскресенье сидим на передней скамье), в американском институте, в американском объединенном клубе, в американской ассоциации коммерции и торговли и т. д. Жена моя будет президентом американского женского клуба, очень почтенного благотворительного учреждения, заботящегося о многочисленных студентках в Берлине.

Мы, наверно, являли собой живописную картину при представлении кайзеру. За нами были посланы придворные кареты с лакеями в напудренных париках, с форейторами и т. п.,—хотя мы выглядели, пожалуй, непрезентабельно в наших фрачных костюмах. В этих стеклянных каретах мы походили, наверно, на похоронную процессию. Кайзер оказался гораздо более величественного вида, чем я ожидал... Мы, главным образом, говорили о делах и о спорте. Он спросил, почему мы не построим в Берлине здания для нашего посольства, и поздравил меня с тем, что мы наконец, заняли приличное здание. При представлении ему персонала он спросил: почему мы не катаемся верхом в Тиргартене; я ответил, что мы готовы состязаться с любым посольством в Берлине в любом виде спорта.

В пятницу я поехал в Потсдам поездом, в королевском военном вагоне, и был привезен в новый дворец, где был один представлен императрице. Она высокая, красивая женщина; ни о чем особенном мы с ней не говорили, разговор был «салонный».

Я произнес речь на банкете в честь германского искусства и много делаю для Панамской выставки. Есть договоренность между Англией и Германией, что одна без другой не будет участвовать в выставке...

Всегда ваш *Джэймс У. Джерард*».

С Уолтером Хайнсом Пэйджем, как и с Джерардом, Хауз поддерживал постоянные и тесные отношения. Новый посол в Великобритании был рад корреспонденту, которому он мог писать откровенно и через которого он мог влиять на президента. Когда Хауз в 1913 г. приехал в Лондон, Пэйдж тепло встретил его и делился с ним своими надеждами и опасениями.

«Вчера я обедал с Пэйджем,—записал Хауз 19 июня,—мы просидели с ним до половины первого ночи... Он проводил меня до нашего отеля. Рассказал много интересного и курьезного и был очень расстроен по поводу некоторых своих ошибок. Что его больше всего расстроило—это случай, происшедший с ним недавно на вечере у герцога норфолкского. Пэйдж вошел в обеденную залу в паре с принцессой..., а потом в гостиной оставил ее, не испросив ее разрешения. Поступил он так потому, что его предупредили, что он должен уйти первым. Но он совсем забыл, что в присутствии члена королевской фамилии следует поступить наоборот.

Пэйдж считает, что занимать за обедом герцогиню или члена королевской фамилии—очень нелегкая задача. Они совсем не хотят затруднять себя поддержанием разговора, и он утверждает, что это самое трудное дело, с которым встретился при исполнении своих обязанностей посла. В особенности это относилось к герцогине... Насколько он мог судить, она умная женщина, но была сдержана в разговоре с ним. Он сблизился с герцогом Коннаутским и делает все возможное, чтобы завоевать симпатии всех важных персон в Англии.

Пэйдж просил меня сформулировать для него какую-нибудь конструктивную политику, которая оставила бы в анналах посольства след правления президента и деятельности посла. Он сказал, что в этом отношении я могу для него сделать больше, чем кто-либо другой. Он все время щедро расточал мне похвалы. Я попробую наметить какой-нибудь план до отъезда, так как у меня есть кое-что на уме, что может принести выгоду обеим странам».

Пэйдж имел большой успех и завоевал уважение и внимание англичан и правительства, при котором он был аккредитован. Его приятные манеры, очевидная честность его намерений и ме-

тодов, видимое его желание найти пути к укреплению англо-американской дружбы скоро поставили отношения между обоими правительствами на базу сердечных персональных связей, которые Пэйдж, как и Хауз, считали единственным твердым фундаментом отношений между странами. Посол и его жена завоевали сердца англичан еще до начала войны, во время которой ненависть Пэйджа к германскому милитаризму еще более усилила любовь англичан к нему. 12 июля 1914 г. Хауз отмечает свой разговор с английским журналистом Сиднеем Бруксом: «Говоря о Пэйджах, Брукс заметил, что м-сс Пэйдж пользовалась бо́льшим успехом, чем жена какого-либо другого посланника на его памяти... Это было очень приятно слышать».

Пэйдж, однако, как он сам в этом признавался, был подвержен переменам настроения. «Временами я думаю,—писал он Хаузу,—что в моей жизни господствует настроение нежелания какого бы то ни было официального положения вообще... Я так долго был совершенно свободен и независим, что официальные стеснения до сих пор еще кажутся мне неестественными». Он находил трудным поступаться своими личными убеждениями при выполнении инструкций из Вашингтона. Ему нравилась его работа, но постоянно связанные с жизнью американского посланника за границей затруднения раздражали его, и он страдал от таких неприятностей, которые другие посланники вряд ли замечали. Хаузу он изливал свою душу. Письмо от 12 декабря 1914 г. он заканчивает так: «Я не хотел вообще писать вам обо всех этих вещах..., но время от времени мне нужно перед кем-нибудь высказаться. Вы имеете несчастье быть единственным человеком, перед которым я могу это сделать». Посол вполне определенно давал понять Хаузу, что он считает поведение министерства иностранных дел, под управлением Брайана, более чем неудачным. И все-таки почти каждое письмо заканчивалось уверением в том, что в общем и целом он доволен своей работой и что все беспокойства являются мелкими и побочными. «Что касается посольства,—писал он 27 апреля 1914 г.,—то мы работаем лучше. Мы получаем теперь ответы на запросы, и если я когда-то был расположен жаловаться, то в настоящее время у меня нет для этого оснований».

Все затруднения, с какими приходилось сталкиваться министерству иностранных дел, как объяснял Хауз, заключались в следующем: время, необходимое для приобретения опыта, влияние политических факторов и недостаток ассигнований. «Пожалуйста, имейте в виду также,—писал он Пэйджу,—что как раз теперь министерство иностранных дел работает днем и ночью и ему нехватает людей. Оно надеется в ближайшее время получить от конгресса добавочные средства, тогда и у вас будет больше секретарей и министерство увеличит свой персонал».

В ответ на отрицательные суждения Пэйджа об отдельных

лицах в Вашингтоне, он со змеиной мудростью передавал Пэйджу хвалебные замечания о нем, услышанные от этих самых лиц. Так, 29 октября 1914 г., он замечает в письме к Пэйджу: «Ваши жалобы на X. получились как раз в тот день, когда Уоллэс рассказывал мне о своем разговоре с X-ом, во время которого тот заметил: Y и Z—вместе взятые—не сделали столько, сколько сделал Уолтер Пэйдж, между тем они так умело рекламируют себя, что американская публика думает, будто кроме них никто вообще ничего не делает. Это—между нами...»

Отношения Хауза с американскими послами за границей можно сравнить только с отношениями, которые он установил с иностранными дипломатами в Вашингтоне. До начала войны он был в дружеских, почти конфиденциальных, отношениях со Спринг-Райсом, Бернсторфом, Жюссераном и Думбой. Он, таким образом, был исключительно хорошо осведомлен для изучения планов развития конструктивной внешней политики, которой, как он надеялся, президент Вильсон вскоре займется.

3

Представление Хауза об этой политике имело глубокие корни. Он считал, что прошло уже время, когда Соединенные штаты могли с каким-нибудь успехом выступать в качестве покровителя всех американских государств, поэтому он хотел добиться установления определенных дружественных соглашений с крупными южноамериканскими государствами на базе равноправного сотрудничества. Он ясно понимал враждебные Соединенным штатам чувства Южной Америки, вытекавшие из сознания, что доктрина Монроэ (как ее понимали в Южной Америке) была сугубо односторонней и поэтому оскорбительной для чувства латино-американцев. Если бы эту доктрину можно было претворить в формы объединенной политики и общей ответственности с участием всех американских государств, то, настаивал Хауз, это послужило бы на пользу Соединенным штатам столько же в материальном смысле, сколько и в моральном. Такое соглашение, надеялся он, могло бы быть началом лиги сохранения мира и спокойствия обоих американских континентов и могло бы сослужить большую службу в урегулировании таких ситуаций, какая, например, создалась в Мексике.

Из этого, преисполненного великих намерений, плана, напоминавшего панамериканские предложения Блэйна, неизбежно вытекал другой, еще более значительный. Общий панамериканский пакт должен был заинтересовать и европейские державы, часть которых, например Великобритания, имеет владения на американском континенте. Хауз был в числе тех немногих людей в Соединенных штатах, которые еще до войны сознавали, насколько

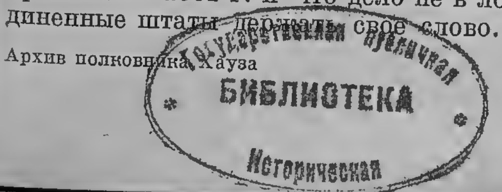
истекшие тридцать лет глубоко изменили наши отношения с Европой и сделали Соединенные штаты и духовно и экономически членом семьи мировых держав. Он был убежден, что вслед за этим должно народиться политическое содружество. Не страдая отсутствием смелости, он был готов принять все последствия точно так же, как—он это чувствовал—и то, что мифический протекторат доктрины Монроэ должен быть перестроен в содружество американских стран. Он также считал, что политическая изоляция от Европы—это пережиток минувших времен.

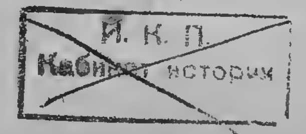
Хауз стремился к установлению взаимопонимания, основанного на сотрудничестве с великими европейскими державами, которое помогло бы сохранению мира во всем мире, жизненно важного для Соединенных штатов. Это убеждение не было ослаблено сознанием того, что положение в Европе критическое и может в любой момент перерасти во всеобщую европейскую войну.

Такая политика предполагала откровенное признание того, что факторы, на которых покоились американские традиции, теперь исчезли. Для успешного развития этой политики нужно было оперативное соглашение с Великобританией, потому что было бы неразумно игнорировать присутствие англичан в Латинской Америке, а также потому, что участие Великобритании необходимо во всяком реальном плане международного сотрудничества.

К началу президентства Вильсона англо-американские отношения были достаточно дружественными, но сердечное и более тесное понимание могло быть достигнуто только после устранения двух затруднений, из которых наиболее важным, по крайней мере в глазах общественного мнения, было—недоразумение по вопросу взимания сборов при прохождении судов через Панамский канал. В течение последнего года президентства Тафта конгресс провел закон, освобождавший от сборов, при проходе через Панамский канал, каботажных судов Соединенных штатов, несмотря на то, что еще в договоре Хэя-Понсефота от 1901 г. имелся параграф, предусматривавший, что канал должен быть открыт для судов всех стран, на «условиях полного равенства».

В Соединенных штатах, в особенности в ирландских кругах, было много сторонников сохранения этой, установленной конгрессом (при Тафте), привилегии; они считали, что она вполне «целесообразна» и обеспечивает «свободу канала». В избирательной платформе демократической партии также был пункт, одобрявший этот закон. В Великобритании же с неменьшим пылом настаивали на том, что независимо от целесообразности или нецелесообразности такой меры, она непосредственно нарушает обязательства, принятые в 1901 г. и что дело не в логике, а в том, будут ли Соединенные штаты держать свое слово.

Еще до вступления Вильсона на пост президента, он и Хауз считали, что, несмотря на то, что подавляющее большинство в конгрессе стояло за освобождение американских судов от сборов, в этом вопросе не следует настаивать[1]. Крайне необходимо было отстоять международную этику доводом о святости договоров.

24 января 1915 г. Хауз обсуждал этот вопрос с Вильсоном:

«Я спросил его мнения относительно разногласия с Англией по этому вопросу. И был очень обрадован тем, что он придерживается того же взгляда, что и я, т. е. что этот закон должен быть отменен».

Президент не мог начать действовать во время чрезвычайной сессии конгресса. Ему нужно было прежде всего укрепить свое руководство, для чего требовалось не более и не менее, как полностью повернуть партию в вопросе, к которому были примешаны сильные антибританские настроения, характерные для многих опорных организаций демократической партии. Поэтому во время чрезвычайной сессии вопрос не поднимался. Но посол Пэйдж непрестанно привлекал внимание к важности этого вопроса, распространяясь в обещаниях выгод, которые последуют за отменой закона о сборах. Эти выгоды можно считать весьма преувеличенными.

Письмо У. Х. Пэйджа Хаузу

Лондон, 28 августа 1913 г.

«Мой дорогой Хауз!

...Если Соединенные штаты... отменят различие в сборах на Панамском канале, мы сможем распоряжаться английским флотом, английскими фабрикантами—чем мы только пожелаем. А пока мы этого не сделаем, они будут считать нас дурными, мелочными, порою—нечестными скрягами, а потому—смешными и подверженными странным капризам. Они любят нас, но удивляются нашему правительству. К нему они не питают ни доверия, ни восторга...

Сердечно ваш *Уолтер Х. Пэйдж*».

Если англичане имели основание жаловаться на американское правительство по поводу панамских сборов, то американское правительство, с другой стороны, считало, что англичане мешают вильсоновской политике в Мексике. Английский посол в Мексике, сэр Лайонел Карден, был известен как сторонник Хуэрты[2].

---

[1] Отмена закона об освобождении судов США от сборов оспаривалась почти всеми демократическими лидерами конгресса. Для того, чтобы провести эту отмену через палату представителей и сенат, Вильсон должен был прибегнуть к помощи членов кабинета, в особенности Бэрлесона и Мак-Аду (примечание Хауза).

[2] Хуэрта—президент Мексики с 19 февраля 1913 г. по 15 июля 1914 г., ставленник английского империализма. Осуществлял свирепый террор против мощно развивавшегося в стране революционного движения. Прославился как реакционнейший военно-феодальный диктатор Мексики.—*Ред.*

Кроме того, его считали представителем английской нефтяной фирмы лорда Каудрэй. Предполагали, что Хуэрта дал обещание предоставить концессии исключительно этим кругам в случае, если он прочно укрепит свою власть в Мексике. Американское правительство считало, что за английскими нефтяными кругами стоит английское министерство иностранных дел и что временное признание Хуэрты Великобританией означает ее решимость бороться против вильсоновской политики непризнания.

Очевидно было, что затруднения с Великобританией проистекали от недоразумений и неправильной информации с обеих сторон. Был необходим откровенный обмен мнениями, и Хауз был рад представившемуся ему летом 1913 г. случаю войти в контакт с английским министром иностранных дел сэром Эдуардом Грэем.

В первый раз они встретились 3 июля 1913 г. на немноголюдном завтраке у сэра Эдуарда, в его доме на Экклзтон-сквере. При этом присутствовали только посол Пэйдж и лорд Крю, тогдашний министр по делам Индии. Хауз несомненно считает этот завтрак важным моментом своей карьеры, ибо он потом возымел к Грэю уважение и симпатию, каких он не проявлял в отношениях с прочими иностранными государственными деятелями. Это чувство явилось в большой степени результатом исключительной общности личных вкусов и идей, которые с момента их знакомства произвели глубокое впечатление на Хауза. Он нашел в сэре Эдуарде философа, как и он сам, пренебрегавшего условными почестями, человека без самомнения, отдававшего, быть может, слишком много тому, что он считал своим долгом, и не ожидавшего за это никакой награды. Более того, как государственный деятель английский министр иностранных дел приближался к идеалу Хауза, особенно отличаясь честностью своих целей и методов, как дипломат, который считал дипломатию не искусством таинственной интриги, а, прежде всего, средством, с помощью которого представители разных стран могут откровенно обсуждать совпадения или столкновения их интересов и достигать соглашения мирным путем. Хауз тогда, как и всегда, считал, что внешнюю политику надо вести так же, как ведут личные дела, от которых она отличается только степенью своей важности, и он хотел ввести в дипломатию методы личных отношений, с их законами личной честности и дружественности. В Грэе он нашел человека, с которым он мог вести дела таким образом. И мы видим, что они обсуждали наиболее деликатные вопросы национальной политики с такой же откровенностью, какая допустима для чиновников одного и того же министерства какой-либо страны.

Первый их разговор имел важное значение, так как осенью он привел к соглашению по обоим спорным вопросам. Хауз объяснил мексиканскую политику Вильсона и его отношение к вопросу об освобождении от сборов по каналу. Грэй дал понять, что под-

держка Хуэрты Великобританией—не принципиальная и не окончательная.

«*3 июля 1913 г.* Пока лорд Крю и Пэйдж говорили о борьбе с глистами в Индии и других странах,—записывает Хауз,—мы с сэром Эдуардом перешли к разговору о положении в Мексике. Я сказал ему, что президент не желает вмешиваться в дела последней и предоставляет различным фракциям все возможности сговориться между собой. Он спросил, не является ли президент противником какой-либо определенной фракции. Я сказал, что поскольку дело касается нашего правительства, для нас безразлично—какая фракция будет у власти, лишь бы был установлен порядок. По моему мнению, наше правительство признало бы временное правительство Хуэрты, если бы он сдержал свое письменное обещание назначить в ближайшее время выборы и считаться с результатом этих выборов.

Сэр Эдуард заявил, что его правительство признало правительство Хуэрты только временно и что если Хуэрта выставит свою кандидатуру в президенты, несмотря на обещание не делать этого, признание его Великобританией станет опять совершенно новым вопросом. И он дал понять, что в последнем случае Хуэрта не будет признан.

Он пожелал выяснить, что случилось бы, если бы мы вмешались, и высказал предположение, что произойдет то же самое, что и на Кубе. Я ответил, что это—вопрос будущего, но лично я считаю, что интервенция будет не такой серьезной, как многие думают.

Мы потом перешли к вопросу о панамских сборах. Он сказал, что его правительство намерено прямо обратиться к нашему правительству с двумя запросами: желаем ли мы обсудить текст договора, или мы предпочитаем передать его на арбитраж. Его правительство согласилось бы с бесплатным пропуском через канал каботажных судов США, если бы это не мешало интересам английского судоходства и не было бы неблагоприятно для него; но сейчас он не знает, какой следует избрать путь для осуществления этого шага. Если же освобождение от сборов не будет отменено законом, который в настоящее время будет предложен сенату, он, Грэй, все же готов начать переговоры с нашим правительством.

Я предложил, чтобы Грэй в настоящий момент на этом вопросе не настаивал и отложил его до декабрьской сессии конгресса. Я объяснил, что президент на ближайшей чрезвычайной сессии особенно озабочен проведением своей законодательной программы, что снижение пошлин и реформа денежной системы абсолютно необходимы для успеха нашего правительства и что в сенате в настоящее время по вопросу о пошлинах можно рассчитывать только на очень незначительное большинство. Поэтому, пока не

будут разрешены основные вопросы, президент не пожелает ставить перед сенатом каких-либо иных.

Сэр Эдуард сказал, что он хорошо понимает положение президента и вполне сочувствует ему и что его правительство согласно оставить вопрос пока открытым».

Письмо посла У. Х. Пэйджа Хаузу

Лондон, 8 июля 1913 г.

«Дорогой м-р Хауз!

Сегодня я говорил с сэром Эдуардом Грэем по одному государственному делу. Когда я собрался уходить, он проводил меня до дверей и, остановив, сказал, что очень обязан мне за удовольствие, которое я ему доставил, познакомив его с вами. Он просит меня передать вам, что надеется увидеться с вами по вашем приезде. «Слова Хауза вызвали у меня глубокий интерес; вот человек, знакомству с которым я очень рад»,—сказал Грэй.

Передаю вам эти слова, которые еще свежи в моей памяти...

Сердечно ваш *У. Х. П.*»

Таким образом, в момент, когда англо-американские отношения грозили испортиться из-за настроений общества по вопросу о панамских сборах, личное вмешательство Пэйджа и Хауза очень много дало для обеспечения полной сердечности при официальных переговорах. Грэй, очевидно, убедился в дружественности президента, высказанной через его личного советника. С другой стороны, проявленное англичанами отсутствие настойчивости в вопросе о сборах убедило Вильсона в том, что подчеркивали Хауз и Пэйдж, а именно, что Грэй хочет работать в согласии с Соединенными штатами и сердечное соглашение вполне возможно после откровенного обсуждения всех неразрешенных вопросов.

О том, какое впечатление произвели эти разговоры с Хаузом на сэра Эдуарда, можно судить по его решению послать своего секретаря, сэра Уильяма Тиррела, в Соединенные штаты для обсуждения с президентом и его советником всех вопросов, касающихся англо-американских отношений. Это было тем более важно, что новый английский посол Сесиль Спринг-Райс заболел и не мог активно приняться за свою работу. Тиррел идеально оправдал свое назначение. Он располагал полным доверием Грэя и был хорошо осведомлен о его взглядах на международные отношения, так что он мог не только верно передать Вильсону мысли Грэя, но мог рассчитывать на такую же откровенность со стороны президента. Никто так хорошо не разбирался во всех тонкостях политики на европейском континенте, так остро не чувствовал, насколько важно для Великобритании расположение Америки

в случае каких-нибудь затруднений в Европе. Тиррел, кроме того, был полон почти юношеского энтузиазма к порученному ему делу, что совершенно обеспечило ему симпатии полковника и доверие президента. Поехал он (в США) с сомнениями по поводу желания американцев итти навстречу Грэю. Вернулся же он убежденным в том, что эти сомнения не обоснованы. «Тиррел вернулся другим человеком,—писал Пэйдж Хаузу в декабре.—Он говорит, что это сделали вы, президент и Хустон. Все к лучшему».

Хауз поспешил связаться с сэром Уильямом Тиррелом тотчас по его приезде и объяснил Вильсону важность его миссии.

«*11 ноября 1913 г.* Президент принял меня немедленно, хотя мы не условливались о встрече. Я выразил беспокойство по поводу Мексики и, кроме того, подробно объяснил ему цели миссии сэра Уильяма Тиррела. Разговаривая с сэром Уильямом, мы, в сущности, вели переговоры с сэром Эдуардом Грэем, и я считал, что было бы неразумно не использовать этого случая для достижения соглашения с Англией о Мексике. Я сообщил ему, что приглашен на завтрак в английское посольство в среду и считаю, что если он предоставит мне свободу действий, я смогу кой-чего там достигнуть. Он предоставил мне право говорить с сэром Уильямом, ограничив себя настолько, насколько я сам сочту это необходимым...»

«*12 ноября 1913 г.* Я снова говорил, что в предстоящем разговоре с сэром Уильямом желательно внушить ему, чтобы Англия добилась от других держав давления на Хуэрту с целью отстранения его от дел.

Президент пригласил меня в Белый Дом с тем, чтобы я заночевал там. Я сказал, что рассчитываю вернуться рано, но это будет зависеть от успешности моей встречи с сэром Уильямом, и обещал при первой возможности связаться с президентом, если окажется что-нибудь достойное внимания. Президент сказал, что хотел повидать меня еще вчера и добавил, что очень устал...»

Хауз встретился с сэром Уильямом в Нью-Йорке, но решающие переговоры велись в Вашингтоне, в английском посольстве и в Белом Доме.

«*12 ноября 1913 г.*, в час дня,—записывает Хауз,—я завтракал у лэди Спринг-Райс в английском посольстве...

Сэр Сесиль Спринг-Райс был нездоров и просил извинить его отсутствие. После завтрака мы с сэром Уильямом перешли в другую комнату и обсуждали наиболее интересовавшие нас вопросы. Он начал с того, что показал мне ряд запросов своего правительства и свои ответы. Он заявил, что лорд Каудрэй не получил никаких концессий от Хуэрты и, если даже в будущем он их получит, английское правительство не признает их. Он полагает, что с чьей-то стороны делается сознательная попытка связать Каудрэя с этим делом для того, чтобы создать настроение

в пользу интервенции. Тиррел указал, что сэр Лайонел Карден—не противник Америки: он вполне беспристрастен и будет выполнять не за страх, а за совесть все указания своего правительства. Он согласился, что Карден в первую очередь отстаивает интересы Великобритании, но это все, что можно поставить ему в вину.

Я ответил, что и президент и Брайан были совершенно иного мнения о лорде Каудрэе и о сэре Лайонеле Кардене и что очень рад выслушать другую сторону. Уильям заговорил о стремлении сэра Эдуарда Грэя добиться прекращения вооружений, так как иначе современная цивилизация разобьется об эту скалу. Он также считает, что пушечные короли не только заставляют все правительства платить им чрезмерные цены, но к тому же, как единственные люди, заинтересованные в том, чтобы правительства расходовали больше средств на военные цели, сами создают военную панику.

Мы заговорили о панамских сборах. Сэр Уильям сказал, что по мнению сэра Эдуарда Грэя ничего хорошего не может выйти для народов, если будут нарушаться дух или буква договоров. Английский народ, по его словам, испытывает искренний интерес к этому вопросу и больше всех—сам сэр Эдуард, и единственная цель пребывания его на своем посту состоит в желании способствовать миру среди народов.

Ответив, что президент так же, как и сэр Эдуард, горячо заинтересован в ненарушимости договоров и что, мне думается, во время предстоящей беседы президент разъяснит свою позицию, я выразил готовность немедленно устроить сэру Уильяму встречу с президентом; Уильям проявил живейшее удовольствие от такой возможности».

Президент Вильсон вообще не очень был расположен вести переговоры с людьми, с которыми он впервые знакомился, и Хауз был несколько удивлен и весьма обрадован сердечностью, отличавшей эту встречу.

«*13 ноября 1913 г.* Президент принял Уильяма Тиррела в Голубом зале. Он был в серой пиджачной паре, а сэр Уильям—в визитке. Вначале оба они казались несколько стесненными. Президент начал разговор с того, что осведомился о нашей вчерашней беседе с Тиррелом, а затем изложил намерения нашего правительства по отношению к Мексике почти в том же духе, как я излагал это накануне. Сэр Уильям ответил почти то же, что и мне. Президент говорил откровенно и хорошо, сэр Уильям—тоже. Беседа была исключительно интересная.

Затем президент, по собственному почину, поднял вопрос об арбитражном договоре и о панамских сборах и, к крайнему моему удивлению, изложил сэру Уильяму свои сокровенные мысли: не только свои намерения, но и как он думает проводить их в жизнь. Он просил передать сэру Эдуарду Грэю, что сочувствует его мысли,

что наш договор с Англией должен остаться ненарушимым, но следовало несколько выждать, пока не наступит возможность успешно разрешить вопрос. Президент заявил, что подавляющее большинство нашего народа разделяет его взгляды, но имеется и оппозиция, состоящая, главным образом, из ирландских патриотов—как в сенате, так и вне его,—которые всегда готовы уколоть Англию.

Мы говорили о необходимости сокращения вооружений и о влиянии финансовых кругов на нашу политику в настоящее время. Сэр Уильям, так же как президент и я, очень серьезно смотрел на выдвигаемую проблему... Президент заявил: «Это самая острая борьба, какую всем нам приходится теперь вести, и каждый честный гражданин должен вступить в наши ряды».

Время истекло, и президенту пришлось покинуть нас для других дел. После ухода президента я еще некоторое время разговаривал с сэром Уильямом. Он был очень доволен свиданием и сердечно меня благодарил. Сэр Уильям заявил, что никогда до этого он не вел такого откровенного разговора по столь важным вопросам. Все мы говорили с полной откровенностью, не облекая слова в дипломатическую шелуху. Тиррел заявил: «Если бы кто-нибудь из старых дипломатов услышал нас, он бы упал в обморок». Перед уходом мы уговорились поддерживать контакт. Он обещал позвонить мне, как только получит интересное для меня сообщение с тем, чтобы, в случае необходимости, доставить их в Вашингтон».

4

Основой дипломатии Хауза всегда была его полная откровенность во всех тех случаях, когда он встречался с людьми, готовыми выложить карты на стол. Отношения, сложившиеся у него с англичанами, при посредстве сэра Уильяма Тиррела, стали очень тесными. Тиррел с готовностью отвечал тем же. «Вы извините за откровенность моего заявления,—писал он Хаузу 20 января 1914 г.,—но не это ли является основой наших отношений?» В результате такой близости, довольно неофициальное, но тем не менее весьма знаменательное, соглашение было достигнуто.

Английское министерство иностранных дел дало ясно понять сэру Лайонелу Кардену, что тот не должен ни в какой мере мешать антихуэртовской политике Вильсона в Мексике. 26 ноября Тиррел показал Хаузу письмо от Грэя с полной инструкцией по этому вопросу; таким образом, правительство США выгодно воспользовалось английским влиянием. Едва ли будет преувеличением сказать, что отречение и бегство Хуэрты в июле 1914 г. непосредственно связано с потерей им английской поддержки. Уход Хуэрты—это первая и, возможно, единственная дипломатическая победа Вильсона в его мексиканской политике. В интересах истины нужно сказать, для будущих историков, что отчасти это произошло благодаря содействию англичан.

С другой стороны, президент Вильсон обещал продвинуть дело с отменой закона об освобождении от сборов на Панамском канале американских каботажных судов, если англичане не будут его торопить. Они на это легко согласились, и 13 декабря Хауз писал Пэйджу: «Сэр Сесиль Спринг-Райс оставляет вопрос о панамских сборах целиком в наших руках». Разговор с английским послом, на который при этом ссылается Хауз, интересен с точки зрения событий 1914 г., так как он показывает, насколько серьезно сэр Эдуард Грэй базировал свою иностранную политику на принципе ненарушимости договоров.

«*11 декабря 1913 г.* Я был на завтраке в английском посольстве, где был единственным гостем. Сэр Сесиль Спринг-Райс говорил со мною о панамских сборах; он согласился оставить вопрос пока открытым и дать нам возможность поднять его, когда нам будет удобно, и провести его тем путем, какой мы сочтем наилучшим. Он сказал, что в денежном отношении английское правительство, вероятно, потеряет больше при их толковании договора, чем при нашем, но больше всего они заинтересованы в сохранении принципа ненарушимости обязательств по договорам. Сэр Сесиль указал, что в Южной Европе этот принцип всегда на переднем плане; что при первом же случае, когда вопрос опять будет поднят и выяснится, что Соединенные штаты нарушили договор Хэй-Понсефота, такой факт будет широко использован: все скажут, что англичане не протестовали против нарушения договора Соединенными штатами, а между тем, когда то же самое делается каким-нибудь малым государством Восточной Европы, то поднимается шум и крик».

Хауз снова поднял перед Вильсоном вопрос о сборах в октябре, когда стало ясно, что законодательная программа президента почти завершена и Вильсон готов провести через конгресс отмену привилегии по панамским сборам, хотя он сознавал, что это более чем какое-либо иное, возникавшее до сих пор, обстоятельство ребром поставит вопрос о его партийном лидерстве.

Президент считал, «что наибольшие неприятности будут в сенате, в особенности—со стороны сенатора О'Гормана, который считает себя больше борющимся против Англии ирландцем, чем американским сенатором, обязанным поддерживать достоинство и благополучие своей страны».

По своему обыкновению Хауз предпочел уговорить оппозицию до открытия дебатов, чем итти на открытую борьбу в самом конгрессе. Он привлек к делу зятя О'Гормана, Дадли Мэлона, горячего сторонника правительства, который незадолго перед тем ушел из министерства иностранных дел, чтобы занять пост сборщика пошлин нью-йоркского порта.

«*26 ноября 1913 г.* Мы говорили с Мэлоном о панамских сборах. Он сказал, что сенатор О'Горман будет решительно бороться в защиту своей позиции. Я дипломатично указал ему, какие при-

чины понуждают нашу страну сохранять добрые отношения с Великобританией, и объяснил ему, как были бы связаны руки президента в Мексике, если бы он не заручился поддержкой Великобритании. Мэлон уяснил себе положение и согласился помочь направить сенатора О'Гормана к более разумной точке зрения. Он обещал тотчас же взяться за это с тем, чтобы впоследствии с О'Горманом поговорил я и убедил его согласиться с политикой президента...»

«*21 января 1914 г.* Мы [Вильсон и Хауз]... решили, что настало время поставить вопрос о пошлинах перед конгрессом, чтобы дать возможность английскому правительству сослаться на это 10 февраля, когда соберется английский парламент. Одновременно решили, что лучше не говорить отдельно с сенатором О'Горманом, а выступить перед республиканцами и демократами на заседании сенатской комиссии по иностранным делам и разъяснить им положение; необходимо со всей силой показать им, насколько важно, чтобы в настоящее время наши отношения с Великобританией не были испорчены; лучше сделать уступку в отношении Панамы, чем лишиться английской поддержки нашей политики в Мексике и в Центральной и Южной Америке.

Президент назначил собрание комиссии на понедельник. Я несколько беспокоюсь за исход и поэтому предложил произвести предварительный пробный подсчет голосов в сенате, чтобы учесть на какую поддержку можно рассчитывать. Для этого мы остановились на сенаторе Джэймсе. Мы выбрали бы сенатора Стоуна, но он не совсем здоров и в настоящее время находится на юге.

Президент при этом заметил, что он подружился с сенатором Стоуном и сенатор проявляет к нему добрые чувства...»

Однако оказалось невозможным продвинуть вопрос так быстро, как надеялся Хауз, потому что оппозиция была достаточно сильна и в комиссии, и в самом сенате. Она, однако, поддалась настояниям Вильсона. 5 марта, обеспечив себе поддержку сенатской комиссии, президент в своем послании конгрессу формально потребовал отмены закона, освобождающего от сборов каботажные суда США. Он обосновал свое требование главным образом тем, что повсюду, за исключением некоторых кругов в США, общественное мнение считает, что этот пункт закона нарушает договор Хэй—Понсефота.

«Как бы различны ни были наши мнения касательно этого, вызвавшего столько споров вопроса,—говорил Вильсон в своем послании,—вне Соединенных штатов он, по существу, споров не вызывает. Везде тексту договора придается только одно толкование, и это толкование исключает то изъятие, об аннулировании которого я настоящим вас прошу. Мы согласились заключить договор, мы приняли, если не сами выработали, его текст, и мы

слишком великая, слишком мощная и уважающая себя нация, чтобы с ненужной натяжкой или буквоедством истолковывать слова наших собственных обещаний только потому, что мы достаточно сильны, чтобы иметь возможность толковать их так, как мы этого хотим. Великим делом будет лишь то дело, которое мы сами можем позволить сделать себе...»

Президент, конечно, имел в виду также ценность английского влияния при разрешении мексиканских задач, по поводу чего он сделал завуалированное замечание, вызвавшее бесконечные толкования, но сам он нигде его не разъяснил. «Вот чего я прошу у вас для поддержки внешней политики правительства,—заявил президент.—Я не буду знать, как справляться с другими, значительно более сложными и близкими нам делами, если вы не окажете мне широкой поддержки». Другими, более сложными делами были: устранение Хуэрты и установление взаимопонимания с Великобританией.

Очевидная решимость президента, чувство лойяльности к его лидерству в демократической партии и деятельная работа Берлсона и Мак-Аду, на которых было возложено проведение этого решения через палату представителей и сенат, принесли наконец плоды. В июне отмена пункта о специальном изъятии от сборов стала законом. С этого момента правительство Соединенных штатов могло рассчитывать на поддержку сэра Эдуарда Грэя.

«*27 июля 1914 г.* [Лондон]. Я завтракал с сэром Эдуардом Грэем, с сэром Уильямом Тиррелом и Уолтером Пэйджем,— записывает Хауз.—Мы поговорили с 1.30 до 3.30... Почти все время говорили мы с сэром Эдуардом; Пэйдж и сэр Уильям только изредка вставляли слово.

Раньше всего мы обсудили вопрос об отмене закона о панамских сборах. Сэр Эдуард выразил удовольствие по поводу той тонкости, с какой президент провел закон, без переговоров об этом между обоими правительствами. Он сказал, что это было сделано по собственному почину президента, как следствие его прирожденного высокого чувства справедливости. Когда представится подходящий случай, он намерен воздать должное президенту в парламенте».

Подходящего случая не представилось, потому что менее чем через месяц разгорелась европейская война, и мысли сэра Эдуарда были заняты более неотложными задачами. Но ощущение американской дружественности оставалось в министерстве иностранных дел Великобритании даже во время сложных переговоров о блокаде и о правах нейтральных стран. Больше того, благодаря своей настойчивости в вопросе ненарушимости международных договоров, Вильсон мог в разногласиях с Германией применить тон, который был бы невозможен, если бы в вопросе панамских сборов он уступил соображениям преходящей выгоды.

ГЛАВА II (VIII)

ПАНАМЕРИКАНСКИЙ ПАКТ

«Это будет такое великое достижение, с которым по важности не сравнится ни одно его [Вильсона] будущее деяние».

(*Из письма посла Аргентины Наона Хаузу 29 декабря 1914 г.*)

1

Вслед за успехом президента Вильсона, выразившимся в отмене конгрессом изъятия из правил о сборах по Панамскому каналу, в обеспечении расположения Англии и вместе с тем в оправдании чести Соединенных штатов, почти немедленно последовало бегство Хуэрты из Мексики. Но эта дипломатическая победа была, пожалуй, не так значительна, как тот факт, что, отказавшись от непосредственной интервенции в Мексике и обратившись к посредничеству «держав ABC»[1], Вильсон способствовал укреплению сердечных отношений со стороны Южной Америки. Посланник США в Чили, Флетчер, с энтузиазмом писал Хаузу, что «успех президента в улажении мексиканских затруднений превратил положение, полное трудностей и опасностей для наших американских отношений, в триумф панамериканизма».

Хауз решил воспользоваться этим моментом для того, чтобы положить начало развитию положительной и постоянной панамериканской политики, базирующейся на принципе обсуждений и сотрудничества. Мир был свидетелем банкротства европейской дипломатии, ставшего очевидным после взрыва мировой войны в августе 1914 г. По мнению Хауза, это произошло, в первую очередь, из-за отсутствия организованной системы международного сотрудничества, и он желал, чтобы Вильсон создал такую систему для Америки. Когда в ноябре президент посетил его, он изложил перед ним свой план.

---

[1] «Державы ABC»—Аргентина, Бразилия (Brazil) и Чили (Chili).—*Ред.*

«*25 ноября 1914 г.* Я порекомендовал ему,—записывает Хауз,—уделять меньше внимания внутренней политике и больше внимания—объединению интересов обоих западных континентов. Я полагаю, что закон о федеральной резервной системе банков является его величайшей конструктивной работой, которая всегда будет выделяться и оставит память о его правлении. В настоящее время я считал бы желательным, чтобы наряду с ней он разрешил бы большую задачу конструктивной международной политики, уже начатую им, в виде договора с «державами АВС», согласившимися быть арбитрами по делам Ниагары. Я считал, что наступило время показать миру, что дружба, справедливость и добропорядочные отношения имеют бо́льшую силу, чем бронированный кулак.

Президент внимательно выслушал меня и заверил, что при открытии выставки в Сан-Франциско он воспользуется своей речью для изложения основ этой политики».

Очень заинтересованный в развитии намеченной политики, пока тому благоприятствовали обстоятельства, Хауз несколько дней спустя позволил себе редкую роскошь: подкрепил свой устный совет президенту—письмом.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 30 ноября 1914 г.

«Дорогой начальник!

...Как я уже говорил вам, когда вы были у меня, я считаю, что было бы разумно с вашей стороны поставить внешнюю политику во главу угла вашего правления в течение ближайших двух лет.

Возможность объединить Северную и Южную Америку в более тесный союз—сейчас в ваших руках; не полагаете ли вы, что вам следует проявить некоторую инициативу в этом направлении еще до вашей речи на выставке? Вы могли бы воспользоваться этим случаем для более подробного изложения направления внешней политики, а до того времени можно многое сделать для ускорения дела...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Несколько недель спустя этот план принял в уме Хауза более определенные формы, и он решил поехать в Вашингтон для изложения его перед президентом. Шаг, для него еще более необычный, показывающий, какое значение он придавал этому делу. В уме у Хауза создался план организации своего рода вольной лиги американских государств, которая гарантировала бы безопасность от агрессии и установила бы механизм для мирного разрешения споров.

Читатель несомненно заметит, что план Хауза очень близок к идее Лиги наций, которую Вильсон предложил впоследствии всему миру. Особенно знаменательна в этом отношении запись Хауза о его разговоре с президентом. Запись эта указывает, что в тот момент зародился почти дословный текст параграфа 10 устава Лиги наций[1].

«*16 декабря 1914 г.* ...Затем я изложил цель моего приезда в Вашингтон. Я считаю, что он [Вильсон] сможет сыграть большую и благотворную роль в европейской трагедии, но есть одно дело, которое он может сделать сейчас, а именно: проявить инициативу в политике, которая объединила бы в тесный союз государства Западного полушария. Я считал необходимым сформулировать план, с которым могли бы согласиться республики обоих континентов[2] и который мог бы служить образцом для европейских стран, когда там, наконец, наступит мир.

Я убедился, что он горячо сочувствует идее. Мысль моя состояла в том, чтобы республики обоих континентов согласились взаимно гарантировать территориальную неприкосновенность каждой из них, и далее—чтобы они договорились об установлении государственной монополии на военные материалы. Я посоветовал ему взять карандаш и записать пункты, о которых следует договориться.

Он взял карандаш и вот что записал:

1. Взаимная гарантия политической независимости при республиканской форме правления и взаимная гарантия территориальной целостности.

2. Многостороннее соглашение о том, что правительства всех договаривающихся сторон берут на себя осуществление полного контроля, в пределах их юрисдикции, над производством и торговлей военными материалами.

Президент спросил: не пропустили ли мы чего-нибудь. Я ответил, что этого, вместе с мирными договорами, уже заключенными Брайаном между республиками американских континентов,—достаточно.

Тогда он сел за свою маленькую пишущую машинку, перепечатал записку и вручил копию мне для использования в переговорах, которые он считал необходимым начать с тремя южноамериканскими посланниками. Мы стали обсуждать образ действий, и решили, что следует вести дело совершенно неофициально, без указания на участие президента или министра

[1] Параграф 10 устава Лиги наций гласит: «Члены Лиги обязуются уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целость и существующую политическую независимость всех членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения, Совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства.—*Ред.*

[2] Имеются в виду континенты Северной и Южной Америки.—*Ред.*

иностранных дел до тех пор, пока я не прощупаю отношения заинтересованных правительств. Была и другая причина: мы не хотели затронуть самолюбия Брайана. Решили, что я поставлю в известность Брайана и объясню ему, почему мы считаем наилучшим, чтобы этот вопрос пока поднял я, а не президент, или он сам.

Президент, видимо, несколько беспокоился об отношении Брайана. Он опасался, что Брайан будет обижен и помешает моим действиям. Я считал, что смогу это дело уладить, так как Брайан в вещах такого рода достаточно великодушен и не мелочен...»

«*17 декабря 1914 г.* Я виделся с Брайаном сегодня в 9 ч. 30 м. утра. Изложил ему план, который мы с президентом подготовляем для организации союза (стран) Западного полушария, и показал ему записку президента, объяснив, почему мы полагаем, что лучше всего взяться за это дело мне. Он согласился самым великодушным образом, что подтвердило высказанные мною президенту предположения. После нескольких минут разговора о предлагаемой нами лиге, мы перешли к обсуждению предложения венецуэльского посланника—о созыве конференции воюющих и нейтральных держав, с целью обеспечения прав нейтральных стран. Мы также говорили о договоре с Россией, возможность заключения которого в то время предполагалась. Затем мы перешли к вопросу о запрещении спиртных напитков. Затем я с удовольствием проводил Брайана до его учреждения и принялся за другие дела...»

В действительности Брайана, повидимому, мало заинтересовал этот панамериканский проект, либо он целиком полагался на действие заключенных им «охлаждающих» договоров, предусматривавших, в случае конфликта, известный срок для выяснения вопроса до того, как могут быть начаты военные действия. Спустя несколько дней после этого своего разговора с министром иностранных дел Хауз записывает:

«*20 декабря 1914 г.* Брайан, кажется, был доволен тем, что сделано, но затем перешел к вопросам протежирования, к тому, как лучше всего ублаготворить сенатора X... Он с непокрытой головой, на холодном ветру, проводил меня до автомобиля, чтобы до конца высказаться по этому предмету».

2

Получив свободу действия, Хауз принялся за работу с поразительной быстротой. 19 декабря он повидал посланников «держав АВС» и был очень ободрен их отношением. Его план был вполне выгоден для южноамериканских государств, поскольку он ставил их в равное положение с Соединенными штатами и превращал доктрину Монроэ из принципа протектората со стороны одного

государства—в многосторонний пакт. Можно сомневаться в том, явился ли бы предложенный Хаузом панамериканский пакт действенной гарантией мира, но он положил бы конец и тени подчиненности Южной Америки, вытекавшей из традиционного толкования доктрины Монроэ. Для достижения этой моральной победы, южноамериканские государства должны были, однако, отказаться от всяких агрессивных планов. Смогут ли они воспользоваться представляющейся им возможностью? План также предполагал, что малые латино-американские государства приобретут некоторую степень политической устойчивости, что позволит им выполнить взятые на себя обязательства. Последнее предположение было, по меньшей мере, под вопросом.

«*19 декабря 1914 г.* Судья Ламар звонил, что аргентинский посол вернулся. Условился встретиться с ним в половине двенадцатого. Наскоро собрал все доступные сведения об Аргентине и о самом Наоне. После того как судья представил меня, он, извинившись, отозвал Наона в сторону и объяснил ему, что я действительно уполномочен говорить от имени президента. Затем он ушел.

Разговор я начал с того, что сказал Наону комплимент по поводу передовых взглядов его страны, в особенности—в отношении тюремной реформы. Я считал, что в этом отношении Аргентина на пятьдесят или сто лет опередила Европу и Соединенные штаты. Я выразил восхищение государственной мудростью тех, кто еще в 1864 г., во время войны с Уругваем, понимали, что победившая страна не имеет морального права разорять территорию побежденных. После этих беглых замечаний создалась благодарная почва для изложения моих соображений.

Наон просмотрел написанный на машинке меморандум президента и горячо одобрил оба его пункта. Содержание первого пункта произвело на него большое впечатление; он сказал, что это является новым словом, которое создаст эпоху в государственных делах. Когда я упомянул, что этот документ написан на машинке самим президентом, он попросил позволения оставить его у себя, говоря, что это исторический документ большой ценности.

Я просил его снестись со своим правительством по телеграфу и в понедельник или во вторник дать мне ответ. Он выразил уверенность, что ответ будет благоприятный, записал мой нью-йоркский адрес и обещал снестись со мной без промедления. Я дал ему понять, что как только южноамериканские правительства выскажут свои мнения и вопрос примет более или менее реальную форму, я отойду в сторону, предоставив президенту и Брайану возможность выступить официально. Когда я уходил, он проводил меня до дверей и сказал, что почитает за удовольствие работать над завершением проблемы, выдвинутой «вашим великим и славным президентом...»

За ленчем я передал президенту содержание моего разговора с аргентинским послом; он был очень доволен. По мнению Наона, с бразильским и чилийским посланниками сговориться будет, наверно, труднее.

Президент сказал, что в беседе с последними я могу пойти значительно дальше. Он особенно подчеркнул, что Соединенные штаты не потерпят... нападений на другие республики.

После полудня я виделся с ними обоими. Да Гама (бразильский консул) было легко убедить почти теми же доводами, которые я приводил Наону. С Суарезом (чилийский посол) дело было труднее, потому что, во-первых, он не так умен, а во-вторых, потому, что у Чили пограничный спор с Перу. Он спросил, знаю ли я об этом. Я ответил, что знаю, но что при окончательной выработке договоров эти вопросы мы обсудим, так как имеются и другие пограничные споры, которые придется урегулировать, как, например, конфликт Коста-Рико с Панамой. Оба они согласились телеграфировать своим правительствам, усиленно рекомендуя им принять наше предложение».

Для первого дня переговоров это был очень быстрый успех и Хауз, кое-что смысливший в дипломатических проволочках, не скрывал своего удовлетворения. Более всего он был доволен быстротой, с какой бразильский и аргентинский послы заполучили от своих правительств ответы на его предложения. Бразилия ответила первой, менее чем через неделю со дня получения предложения Хауза.

Письмо посла Да Гама Хаузу

Вашингтон, 24 декабря 1914 г.

«Мой дорогой полковник Хауз!

Только что я получил от нашего министра иностранных дел ответ на посланную мной ему в субботу, 19-го, телеграмму с изложением обоих пунктов соглашения, предлагаемого президентом.

Ответ задержался в ожидании моего дополнительного сообщения, посланного в понедельник, и из-за необходимости обсудить их с нашим президентом, который ныне с радостью уполномочил меня заявить, что оба пункта предложения президента приемлемы — в том смысле, что в первом параграфе речь идет *только* об американских территориях.

Я полагаю, что поскольку предварительное зондирование увенчалось успехом, можно ожидать вскоре формального открытия переговоров. Это будут переговоры, делающие эпоху.

С уважением ваш *Да Гама*».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 26 декабря 1914 г.

«Дорогой начальник!

Прилагаю копию только что полученного письма Да Гама, которому, я знаю, вы будете так же рады, как и я.

Как вы знаете, я связался по телефону с Наоном, но он говорит на таком ломаном английском языке, и слышимость была так слаба, что я не мог понять его. Он обещал написать, но пока я еще ничего не получил. Я разобрал только, что он хочет побеседовать еще раз и поэтому я обещал ему быть в Вашингтоне в начале будущей недели.

Это дело с далеко идущими последствиями, и мне думается, что в настоящее время мы должны уделить ему больше внимания, чем даже европейским делам, по той причине, что при успешном завершении соглашения, оно должно будет оказать решительное влияние и на другие дела...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Три дня спустя Хауз снова отправился в Вашингтон, где у него была плодотворная встреча с аргентинским послом. Наон вручил ему перед тем только полученное из Буэнос-Айреса следующее сообщение: «Правительство сочувственно принимает предложение, считая, что оно направлено к превращению доктрины Монроэ, носящей односторонний характер, в общую политику всех американских стран».

«*29 декабря 1914 г.* Наон в восторге от всего плана,—записывает Хауз,—он сказал: «это будет такое великое достижение, с которым по важности не сравнится ни одно его [Вильсона] будущее деяние».

Он считает, что Чили проявит нерешительность... После моего первого визита в Вашингтон он говорил с чилийским послом и был не очень ободрен этим разговором. Тогда я сказал ему, что Соединенные штаты не потерпят захвата чужих территорий, путем ли войны или иным образом, и что Чили придется принять это предложение на официальной конференции. Он ответил, что Аргентина разделяет такое мнение и по своей воле не допустит территориальных захватов в Южной Америке».

Хауз вернулся в Белый Дом для того, чтобы сообщить Вильсону о своем разговоре с Наоном.

«Мы говорили о том, как лучше всего оформить южноамериканский план, и условились, что он повидает сенатора Стоуна немедленно по его возвращении. Мы снова обсуждали: следует ли поставить вопрос перед пленумом сенатской комиссии по иностранным делам или только перед ее членами—демократами.

Президент заявил, что не хотел бы говорить об этом с сенатором... по той причине, что тот немедленно сообщит об этом в газеты. В данном случае необходимо, чтобы первое представление, которое получит страна, было бы правильным, а не извращенным и исковерканным в изложении какого-нибудь оппонента.

Я передал ему, что Наон хотел бы знать, предполагаем ли мы заключать 21 отдельный договор или созвать общую конференцию. Я сказал Наону, что мы намерены созвать только конференцию; президент подтвердил это. Далее я сообщил совет Наона, чтобы предварительно мы всесторонне обсудили все условия с «державами ABC», до представления их меньшим республикам. Президент и с этим согласился».

«*30 декабря 1914 г.* Завтракали мы как обычно, в восемь. Потом мы с президентом поговорили немного о предстоящих мне делах. С чилийским послом я условился встретиться в одиннадцать часов.

Оказалось, что чилийский посол не получил еще ответа от своего правительства. Задержку он объяснял сменой министерства в Чили и выразил уверенность в получении благоприятного ответа. Я сказал, что в этом я не сомневался. Такой оборот дела не совсем соответствовал тому, что рассказывал Наон. Но Наон оказался неправ и в своих предположениях о том, как Бразилия и Чили встретят наши предложения».

«*13 января 1915 г.* Чилийский посол очень любезен, но он еще не получил от своего правительства ответа на предложение президента. Я указал, что сессия сената заканчивается через 60 дней, а следующая будет примерно лишь через год, поэтому весьма важно, чтобы он снова снесся со своим правительством и настаивал на ответе. Я сообщил ему, что Бразилия и Аргентина дали благоприятные ответы, но прежде чем приступить к дальнейшему обсуждению вопроса о созыве конференции, мы хотим получить ответ и от Чили. Президент поручил мне передать ему, что он уже говорил с сенатором Стоуном из комиссии по иностранным делам, встретил с его стороны сочувственное отношение, и уверен, что с этой стороны затруднений не будет...

Я отправился на свидание с бразильским послом, чтобы передать ему, что президент поставил вопрос перед сенатской комиссией по иностранным делам и вскоре соберет комиссию для более подробного обсуждения программы этой конференции. Да Гама был доволен ходом дела и считал, что со стороны президента было очень разумно заручиться согласием сената до публичного заявления о проекте.

Я вернулся в Белый Дом к ленчу, и пока президент переодевался для гольфа, я рассказал ему о проделанной утром работе».

Чили медлило с ответом, но 21 января 1915 г. Хауз получил следующее письмо от посла Суареза:

Вашингтон, 19 января 1915 г.

«Дорогой сэр!

...Считаю нужным довести до вашего сведения, что два дня назад я получил ожидаемый ответ из Чили. В принципе он благоприятен и восхваляет вашу идею, как великодушную и подлинно панамериканскую.

Хотя порой бывает довольно нелегко выразить какую-нибудь идею так, чтобы она была приемлемой для нескольких сторон, я все же надеюсь, что дело увенчается успехом, когда наступит момент обсуждения и развития нашего первоначального соглашения.

Г-н Брайан недавно сообщил мне, что он вполне осведомлен об этом деле, и потому я полагаю, что в ваше отсутствие могу сноситься с ним.

Примите и т. д. *Эдо Суарез*».

Это было несколько двусмысленно; но Хауз, который тогда уезжал в Европу по другим, не менее важным делам, убеждал президента принять письмо как оно есть и проводить в жизнь соглашение.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 21 января 1915 г.

«Дорогой начальник!

Прилагаю копию письма, только что полученного от чилийского посла.

Теперь, кажется, все готово для того, чтобы вы могли двинуть вперед дело. Я уверен, что страна примет эту политику с восторгом, и сделает ваше правление памятным, даже если бы помимо этого вы свершили очень немногое.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

3

Хауз выехал в Европу 31 января 1915 г. С того дня все его время и вся его энергия были поглощены проблемами, возникшими из европейской войны, но от этого не остывал его интерес к панамериканской политике, для осуществления которой он сделал так много. Он всячески пропагандировал свой проект, как образец международной организации, поставленной на место международной анархии,—образец, которому потом сможет последовать Европа. Он настаивал на его особенном значении в связи с постоянным беспокойством, проистекавшим от неразрешенной мексиканской проблемы. Ведь устранение Хуэрты не привело к уменьшению неурядиц; нападения на американцев и их иму-

щество продолжались, и американское общественное мнение (по крайней мере определенные круги) требовало активных мер для ликвидации этого кризиса.

Хауз по натуре своей не мог одобрить чисто негативной политики, он сознавал всю опасность интервенции в Мексике со стороны одних Соединенных штатов и считал, что мексиканский вопрос сможет быть разрешен при содействии южноамериканских держав, посредничество которых уже однажды было использовано. Такой шаг целиком совпадал бы с проектом панамериканского пакта, и вплоть до самого отплытия в Европу он старался убедить в этом президента и министра иностранных дел.

«*24 января 1915 г.* Я высказал [Вильсону] предположение, что лучше всего в настоящее время разрешить мексиканский вопрос путем привлечения «держав АВС». Президенту эта мысль показалась превосходной, вопрос был только в том, когда ее осуществить. Я предложил повидаться с послами завтра же. Он считал, что это было бы слишком поспешно, потому что в настоящий момент положение в Мексике недостаточно подготовлено для такого шага, и он опасается, что послы «держав АВС» не захотят браться за дело так внезапно...»

«*25 января 1915 г.* Я поделился с Брайаном своим планом образования в Мексике коалиционного правительства с тем, чтобы мы и «державы АВС», согласованно действовали в этом направлении. В общем он одобрял идею, но не так горячо, как президент. Говорили мы с ним о южноамериканском соглашении и о многом другом».

Письмо Хауза президенту

Париж, Франция, 15 марта 1915 г.

«Дорогой начальник!

С тех пор, как я приехал сюда, Мексика то и дело поднимает голову.

Ваш престиж исключительно вырос бы, если бы мы могли разрешить эту задачу до окончания войны. Я слышал уже не раз, не прямо, но через других, что воюющие державы будут настаивать на восстановлении там порядка.

Уинслоу (атташе американского посольства в Берлине) передавал мне, что в Берлине он непрестанно об этом слышит. Хотелось бы знать, подняли ли вы уже этот вопрос с «державами АВС», как предполагали сделать. Мне это кажется наиболее разумным решением вопроса. Я считаю, что вы уже предоставляли им [мексиканцам] все возможности разрешить этот вопрос самостоятельно, а теперь надо предложить им помощь и настоять на принятии ее...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Однако в то время президент Вильсон не пожелал сделать решительного шага. Три месяца спустя он сам нарисовал неприглядную картину положения в Мексике. «Урожай погиб, поля остаются незасеянными, рабочий скот реквизируется для нужд воюющих клик, народ бежит в горы, чтобы не быть вовлеченным в бесконечное кровопролитие, и нет такого человека, который видел бы и указал путь к спокойствию и порядку... Мексика голодает и осталась без власти». Но даже при таком положении он медлил с активными мерами.

Хауз пробыл в Европе с января по июнь. По возвращении он увидел, что, несмотря на благоприятное отношение Аргентины и Бразилии, ни Вильсон, ни Брайан ничего не сделали для осуществления панамериканского пакта. Большую роль в задержке играли колебания чилийского посла, но было также ясно, что министр иностранных дел не взялся за дело с нужной энергией. У него не было способностей, необходимых для претворения идей в жизнь. Но у Брайана были и сообразительность и дар предвидения; многие его мысли, бывшие вначале объектами насмешек, претворились потом в законы; но, за редкими исключениями, это достигалось не его трудами.

«Наиболее важным событием дня,—записывает Хауз 18 июня 1915 г.,—был приход ко мне нашего посла в Чили, Генри П. Флетчера. Мы говорили о южноамериканских делах в связи с предложением, сделанным мною президенту перед отъездом, касательно сближения обоих континентов. Оказалось, что в мое отсутствие ничего не было сделано. Причиной задержки были чилийский посол и его правительство. Они, видимо, не хотят связать себя по рукам принципом ненападения... Однако я чувствую, что кампания велась не так, как нужно, и решил снова поднять вопрос перед президентом и наметить пути для дальнейшего продвижения.

Флетчер считал достаточным, если бы нам удалось добиться, чтобы «державы АВС» высказались за доктрину Монроэ. Я сказал ему, что этого совершенно недостаточно и что он вообще не оценил ни самой идеи, ни ее масштабов. Мы хотели бы видеть оба американских материка так связанными между собой, чтобы это могло послужить примером, которому в будущем последовал бы остальной мир. С этим нужно спешить, так как мировая война делает настоящий момент наиболее подходящим. Если же вопрос не будет разрешен до окончания войны, он, может быть, никогда не будет разрешен.

Я указал Флетчеру на желательность его поездки по южноамериканским странам для продвижения этого плана и считал, что если Чили будет продолжать упорствовать, следует начать без него. Меньшие государства примут план, и с поддержкой Аргентины и Бразилии нам будет почти безразлично—примет ли Чили участие или нет».

Когда в июле 1915 г., после отставки Брайана, министром иностранных дел был назначен Лансинг, предложениям Хауза был дан новый толчок. «Я снова настаиваю на действиях в этом направлении»,—писал Хауз Томасу Нелсону Пэйджу 18 июля. Спустя неделю Лансинг приехал к нему на день в Норт-Шор.

«*24 июля 1915 г.* Министр с супругой прибыли поездом в 10.30. Мы с Лансингом тотчас же уединились и беседовали до ленча. Было много, о чем переговорить. Надо было рассказать ему, какое положение я застал в Европе, и посвятить в ряд важных дел министерства... Одно из них—южноамериканское предложение. К моему удивлению Лансинг был вовсе неосведомлен о ходе этого дела. Он сказал, что насколько ему известно, в делах министерства нет никаких следов. Меня также удивило, что президент не говорил с ним более откровенно и не осведомил его более подробно о текущих делах...

Мы заговорили о положении в Мексике. Лансинг старается договориться о том, чтобы «державы АВС» присоединились к нам для улажения тамошних затруднений. Как оказалось, он не знал, что это предложение исходило от меня еще в январе, но оставалось до сих пор под сукном. Я считаю, что президента нельзя оправдывать за эту задержку, хотя он, может быть, и продвинул бы дело, если бы... у него был лучший исполнитель в лице министра иностранных дел; и все же это могло бы быть сделано даже при тех неблагоприятных условиях, с какими ему пришлось столкнуться...

Я убедился, что Лансинг хорошо знаком с техникой осуществления таких проектов. Он кажется достаточно энергичным и предприимчивым, чтобы превратить проект в оформленный документ».

Практические результаты этого обмена мнений не замедлили сказаться. Прежде всего Лансинг взялся по крайней мере за выполнение части январского предложения Хауза, а именно—просил южноамериканские правительства помочь уладить мексиканский вопрос. В августе, по приглашению Лансинга, дипломатические представители Аргентины, Боливии, Бразилии, Чили, Гватемалы и Уругвая встретились в Вашингтоне для обсуждения мексиканской проблемы. В результате этого совещания лидерам всех различных мексиканских группировок было разослано приглашение на мирную конференцию для выработки общего соглашения и назначения нормальных выборов. Все лидеры, за исключением Каррансы—главы конституционалистов, приняли приглашение, но Карранса пользовался наибольшим весом в Мексике, и его участие было необходимо. Вильсон не обманывался насчет дружественных чувств Каррансы к Соединенным штатам, но Вильсон и Хауз признавали за Обрегоном—правой рукой Каррансы—известные качества, которые дали бы возможность разрешить проблему умиротворения Мексики.

«*23 сентября 1915 г.* Мы завтракали в восемь,—записывает Хауз.—После завтрака, в течение часа, я должен был выслушивать Томолти. Президент пришел мне на помощь и пригласил нас к себе в кабинет, где мы говорили о Мексике. Он, смеясь, заметил, что Карранса уже пару раз обошел нас, и притом очень ловко. Он полагал, что когда 8 октября возобновится конференция «держав АВС», нам, вероятно, придется признать Каррансу. Мы оба считали, что успехи Каррансы—дело рук генерала Обрегона и что, вероятно, в конце концов именно он окажется «героем дня» в Мексике. Мы сошлись на том, что если придется признавать Каррансу, он должен будет предварительно гарантировать свободу вероисповедания, амнистировать всех политических заключенных, провести обещанную земельную реформу, обеспечить защиту иностранцев и признать их справедливые претензии».

Несмотря на неизменный отказ Каррансы от встреч с другими мексиканскими лидерами, конференция американских держав в Вашингтоне с этим не посчиталась, и в октябре было принято решение, что правительство Каррансы есть де-факто правительство Мексики и потому рекомендуется его признать. Со стороны Соединенных штатов это признание последовало 19 октября.

Этим мексиканский вопрос не был разрешен, но общественное мнение, пожалуй, совпадало с мнением посла Джерарда, который писал Хаузу в октябре: «У Каррансы есть недостатки, как у большинства из нас, но мне кажется, что признание его было бы правильным шагом и явилось бы хорошим выходом из плохого положения».

Опять-таки метод разрешения вопроса был важнее самого решения. Знатоки Латинской Америки считают самым важным в этом деле то, что Соединенные штаты предприняли такой шаг вместе с главнейшими южноамериканскими правительствами и по их рекомендации. Президент Вильсон не преминул использовать дружественные чувства Южной Америки в своем годичном послании конгрессу.

«Вывод таков,—писал Вильсон,—что американские государства не конкуренты, враждебные нам, а друзья, выступающие вместе с нами, и что все растущее чувство общности их интересов в вопросах политики и экономики может иметь для них новое значение в качестве факторов в международных делах и в политической истории всего мира».

Под влиянием такой демонстрации желания Соединенных штатов сотрудничать, а не управлять, Лансинг мог продолжать обсуждение плана панамериканского пакта. 19 октября Хауз писал Уолтеру Хайнсу Пэйджу: «Лансинг проталкивает южноамериканское предложение; недели две назад мы с ним и с президентом подробно обсудили план и остановились на методе дей-

ствий, который, как мы думаем, ускорит дело и, возможно, позволит закончить его до открытия конгресса».

После долгих обсуждений первоначальное предложение Хауза было пересмотрено, из него устранили один очевидный источник практических затруднений: запрет частного производства оружия. По причинам, которые потом нашла убедительными также комиссия Лиги наций, запрещение частного производства оружия было признано неосуществимым. На деле новый проект пакта включал только пункт, предусматривавший автоматический запрет вывоза боевых припасов в случае революционной вспышки против какого-либо существующего правительства. Были включены пункты, предусматривавшие расследование и арбитраж для разрешения спорных вопросов. Первый и наиболее важный пункт, гарантирующий «территориальную неприкосновенность» и «политическую независимость при республиканском образе правления», был сохранен.

Письмо Лансинга Хаузу

Вашингтон, 18 ноября 1915 г.

«Мой дорогой полковник Хауз!

Прилагаю переработанный текст четырех пунктов намечаемой панамериканской конвенции[1]. Президент, возможно, уже послал вам копию, но на всякий случай шлю этот экземпляр.

Я представил текст предложений послу Наону перед его отъездом, он был вполне ими удовлетворен. Сегодня утром я виделся с бразильским послом, который тоже одобрил их. После полудня я пригласил к себе чилийского посла, который после долгого обсуждения вопроса в целом, переменил свое мнение об этой конвенции и сказал, что не видит причин для отказа Чили от принятия переработанных предложений. Я настаивал на желательности скорейших действий, и он согласился сейчас же переслать эти предложения своему правительству с просьбой, чтобы новый кабинет, вступающий в исполнение обязанностей 20 декабря, немедленно их рассмотрел и телеграфировал свои указания.

Я убежден, что посол сделает все возможное для обеспечения согласия своего правительства.

Полагаю, что вам интересно знать о положении переговоров. При встрече я сообщу вам более подробное содержание моего разговора с Суарезом.

Надеюсь быть в Нью-Йорке на футбольном матче команд армии и флота 27-го и пробуду там до вечера воскресного дня. Может быть, мне удастся увидеться с вами там, если до того вы не побываете в Вашингтоне.

Сердечно ваш *Роберт Лансинг*».

[1] См. приложение к настоящей главе.

Так же, как и при выработке устава Лиги наций три года спустя, Хауз был не столько заинтересован в тексте проекта, сколько в том, чтобы был сохранен дух его, и в четком и единодушном принятии решения. «Я полагаю, что теперь четыре пункта проекта приняли наилучшую форму», писал он Лансингу 20 ноября. Он торопил президента закончить дело. И действительно, вопрос, казалось, продвинулся так далеко, что уже 6 января 1916 г. в речи на панамериканском научном конгрессе Вильсон мог публично изложить сущность своего предложения.

Но появились новые помехи. В декабре Хауз опять выехал в Европу и оставался там до марта; очевидно, в его отсутствие было мало сделано для преодоления новых затруднений. Занятый в Европе сложными и гораздо более важными делами, Хауз все же не забывал о панамериканском пакте и использовал все представлявшиеся ему возможности для содействия этому делу. Пакт был предметом обсуждения между ним и чилийским послом в Великобритании сеньором Эдуардесом, а также с членами английского кабинета. Он надеялся на поддержку англичан и даже считал возможным участие Канады в соглашении.

«*20 февраля 1916 г.* Перед ленчем я виделся с чилийским посланником,—записывает Хауз.—Он сообщил, что его правительство довольно предложенным пактом между американскими республиками. Посланник упомянул о боязни Чили перед Японией. Он говорил о тех преимуществах, которые может предоставить Соединенным штатам береговая линия Чили в качестве базы, а также ее селитренные и медные месторождения. Он высказал надежду, что в наступающем году Чили займет второе место в мире по добыче меди. В разговоре с ним мне пришло в голову, что было бы своевременно, если бы Великобритания дала понять, что она сочувствует идее панамериканского пакта; я сказал Эдуардесу, что завтра посоветую сэру Эдуарду Грэю устроить так, чтобы ктонибудь из депутатов палаты общин спросил его, «осведомлено ли правительство об этом пакте, как оно к нему относится и какое это может иметь влияние на Великобританию». Я посоветую Грэю ответить в том смысле, что Великобритания относится к этому сочувственно и, являясь одной из крупнейших американских держав, она благоприятно относится к любому соглашению, которое укрепит единение американских государств.

Эдуардес горячо одобрил мою идею. В тот же день, несколько позже, я говорил об этом Лэнсдауну (английский министр без портфеля). Он всполошился, и сказал, что вопрос требует внимательного изучения, так как Япония может истолковать это как шаг, направленный против нее. Я заметил, что следовало бы Японию поймать на слове, так как она не раз заявляла, что у нее нет интересов в Западном полушарии, и потому Великобритании остается лишь принять ее заверения за чистую монету. Лэнсдаун

сочувственно отнесся к предложению, но считал его таким важным, что его следует подвергнуть внимательному рассмотрению».

«*21 февраля 1916 г.* Прежде всего я поделился с Грэем своей вчерашней мыслью о панамериканском пакте. Я сообщил Грэю о разговоре с Лэнсдауном, который считает, что мое предложение могло быть важным шагом, но при условии соблюдения осторожности, чтобы не обидеть японцев. Грэй согласился с моим мнением, что японцы никак не смогут истолковать предложение как направленное против них. Идея ему очень понравилась, и он попросил меня письменно сформулировать предлагаемый мною запрос в парламенте. Я продиктовал ему текст. Запрос был составлен так: обратило ли правительство внимание на недавнее заявление о панамериканском пакте, гарантирующем политическую и территориальную неприкосновенность американских республик, и какое влияние это будет иметь на английские владения в Америке.

Тут же мне пришла в голову мысль, которую я сообщил Грэю: после того, как будет сделан этот шаг и после моего обмена мнениями с президентом, английское правительство может присоединиться к американскому гарантийному пакту, поскольку это касается его американских владений. Это, добавил я, явится [для Великобритании] одним из путей более дружественного сближения не только с Соединенными штатами, но и со всем Западным полушарием. Я считал, что этой возможностью не следует пренебрегать, а результатом всего этого было бы объединение влияний, которое обеспечило бы мир во всем мире.

Грэй согласился. Затем я телеграфно сообщил президенту о предложении, выдвинутом мной перед Грэем, но опустил при этом детали...

Вкратце я сообщил Лорберну (член палаты лордов, передовой либерал и бывший лорд-канцлер) содержание моего разговора с Грэем о панамериканском пакте и указал, что Грэй обещал провести запрос в палате общин при условии, если он будет одобрен канадским премьером. По мнению Грэя, в вопросах, касающихся исключительно американских дел, надо прежде всего запросить мнение канадского правительства, что и было сделано по телеграфу.

Я посоветовал Лорберну заранее подготовить речь, не говоря об этом Грэю, с тем, чтобы после того, как вопрос будет поставлен в палате общин, он, Лорберн, мог бы горячо поддержать дело в палате лордов. На это он охотно согласился, заявив, что в его глазах дело имеет громадную будущность».

«*22 февраля 1916 г.* Он (Грэй) сказал мне, что Бонар-Лоу считает несколько преждевременным ставить вопрос о панамериканском пакте теперь. Он телеграфировал канадскому премьеру, что вопрос будет поднят в более подходящий момент».

Вернувшись 5 марта в Соединенные штаты, Хауз вскоре получил сообщение от Грэя, что англичане полностью одобряют панамериканский пакт и заинтересовались планом присоединения к нему, но они, видимо, опасались заявлять об этом публично, до полной уверенности в его осуществлении вообще.

Письмо Грэя Хаузу

Министерство иностранных дел, 23 марта 1916 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Вскоре после вашего отъезда чилийский посланник передал сэру М. де Бунзену[1] о своем разговоре с вами насчет панамериканского проекта.

В связи с тем, что я узнал от Бунзена, я счел необходимым повидать чилийского посланника, прежде чем публично высказаться по этому вопросу. Я убедился, что он удовлетворен вашими словами, но настаивает на подчеркивании идеи равноправия и, наоборот, исключении идеи протектората.

Чилийский посланник признал, что такова и ваша точка зрения, но дал понять, что если я сделаю какое-нибудь публичное заявление, то должно быть очевидно, что я основываюсь не только на заявлении президента Вильсона, но также на мнении «держав АВС».

Я просил его прислать мне текст заявления чилийского президента, выразившего сочувствие этому плану, чтобы в случае моего публичного выступления я мог сослаться не только на слова Вильсона, но и на это заявление.

Канадское правительство соглашается на публичное одобрение мною этого плана, но, считая вопрос довольно щекотливым в отношении «держав АВС», я полагаю, что лучше подождать с публичным выступлением, пока вопрос не будет снова поднят в прессе.

Я указал чилийскому посланнику, что мы сочувственно относимся к плану в той форме, в какой он вами был предложен ему, и что вы со мной говорили об этом совершенно в том же духе, но я умолчал о том, что мы с вами обсуждали вопрос о публичном выступлении здесь.

Искренне ваш *Э. Грэй*».

Несмотря на сердечные заверения чилийского посланника в Лондоне, Хауз вскоре убедился, что чилийский посланник в Вашингтоне занял далеко не обнадеживающую позицию, и в результате промедления Чили энтузиазм Бразилии начинает осты-

[1] Английский посланник в Австрии до 1914 г. В 1918 г. был назначен чрезвычайным послом в южноамериканские государства.

вать. Положение осложнилось новым кризисом в Мексике. 8 марта Вилла, восстав против Каррансы и взявшись за выгодную карьеру бандита, под прозрачной маской свободолюбивого патриота, перешел мексикано-американскую границу и перебил семнадцать американских граждан в гор. Колумбусе штата Нью-Мексико. Карательная экспедиция Першинга, посланная через границу, вызвала словесный протест и военные действия со стороны Каррансы, что грозило форменной войной между Мексикой и Соединенными штатами. Атмосфера в течение весны и летних месяцев была совсем неблагоприятна для заключения панамериканского пакта. Более того, Флетчер, на которого было возложено ведение переговоров, натолкнулся на нежелание представителей другой стороны согласиться с рядом деталей. Это сводило на-нет весь договор, о принятии которого в принципе заявляли южноамериканские государства.

Разногласия, казалось, были незначительны, но они оказались достаточными, чтобы задержать, а потом и совсем помешать подписанию панамериканского пакта. Соединенные штаты не могли особенно настаивать, чтобы не возбуждать у Чили подозрения, что пакт должен будет в действительности служить скорее особым интересам Соединенных штатов, чем общим интересам американских континентов. 8 августа товарищ министра иностранных дел, Фрэнк Полк, писал Хаузу, что пакт «в настоящий момент, кажется, мертв».

На следующий день Флетчер сообщил, что дело приостановилось. Сеньор Наон потребовал отсрочки для того, чтобы могло уменьшиться напряжение, вызванное кризисом в Мексике и спором с Каррансой. Отношение Чили все более охладевало.

«В связи с задержкой в переговорах, вызванной нежеланием Наона дать свою подпись,—сообщал Флетчер Хаузу,—я не могу предложить соглашение другим державам, так что дело пока in status quo. Чили определенно и решительно против соглашения. Я уверен, что если мы продвинем дело без участия Чили, т. е. исключим ее из американского концерта, она естественно повернет в своих финансовых и торговых делах в какое-нибудь другое направление, и постепенно там разовьется дух враждебности к Соединенным штатам».

Так промелькнуло лето. В сентябре, после того как утих мексиканский кризис, аргентинский посол заявил о своем согласии подписать соглашение, но Чили все воздерживалось, и Бразилия намеревалась последовать его примеру. Последняя ссылка в документах Хауза на этот план, начатый почти за два года перед тем, датирована 1 октября 1916 г.

«Флетчер зашел сообщить о ходе дел с панамериканским пактом. Он не стал продолжать переговоры с послом Наоном, который изъявил согласие подписать соглашение от имени Аргентины,

так как Лансинг обещал бразильскому министру иностранных дел, д-ру Мюллеру, что не будет проталкивать вопрос до 15 ноября, пока Мюллер не успеет вернуться в Бразилию и удостовериться в позиции своего правительства. Последние шесть недель Мюллер провел в Соединенных штатах на курорте.

Последующие несколько недель были заполнены сперва предвыборной деятельностью, а затем—переговорами, в связи с первым предложением мира со стороны Германии. Панамериканский пакт был отодвинут в сторону, а со вступлением Соединенных штатов весной 1917 г. в европейскую войну, он был предан забвению.

Невозможность доведения плана до конца наверно принесла жестокое разочарование Хаузу, следившему за ходом переговоров с неослабевавшим интересом, хотя он и отошел от активного участия в них. Но и невыполненный, этот план имел большое историческое значение. Имея своей целью не только сближение американских государств, но и то, чтобы послужить образцом для европейских держав после окончания войны, и по духу, и по форме панамериканский пакт явился ближайшим прототипом устава Лиги наций.

К лету 1916 г. Хауз мог более хладнокровно отнестись к провалу этого пакта, потому что предвидел возможность присоединения Соединенных штатов к гораздо более широкому концерну держав, чем одни только американские государства. Развитие наших отношений с Европой, вызванное войной, выявило необходимость всемирной организации, в которую несомненно должны были быть включены американские государства.

Еще до войны Хауз понимал, что традиционная изоляция Соединенных штатов от Европы в политических вопросах не может продолжаться бесконечно и что пришло время, когда крупные политические события в Европе неминуемо приобретут большое значение и для Соединенных штатов. Сознание этого побудило его отказаться от активного осуществления панамериканского пакта, пока его внимание было поглощено, главным образом, европейскими делами. Это привело его к посещению кайзера в июне 1914 г. и положило начало делу, определившему ход его деятельности на последующие шесть лет. Ни одно дело из числа тех, которым он до того посвящал свое время, будь то вопросы международной или внутренней политики, не может сравниться по важности с той миссией в Европе, которую он принял на себя в начале лета 1914 г. и к описанию которой мы теперь должны перейти.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пересмотренный проект панамериканского пакта

Статья I. Высокие договаривающиеся стороны настоящим торжественным уставом и соглашением объединяются в общей

и обоюдной гарантии территориальной неприкосновенности и политической независимости при республиканском образе правления.

Статья II. Для точного применения гарантии, изложенной в статье I, высокие договаривающиеся стороны соглашаются стремиться в дальнейшем к улажению всех ныне имеющихся между ними споров в отношении границ или территорий, путем дружественной договоренности или международного арбитража.

Статья III. Высокие договаривающиеся стороны далее соглашаются, чтобы, во-первых, все какого бы то ни было рода возникающие между двумя или несколькими сторонами вопросы, которые не могут быть разрешены путем обычных дипломатических переговоров, были до объявления войны или до начала враждебных действий представлены на расследование постоянной международной комиссии, и на такое расследование дается годичный срок; во-вторых, в том случае, если разногласие не было урегулировано расследованием, оно передается на арбитраж, если предмет разногласия не затрагивает чести, независимости и жизненных интересов заинтересованных сторон или интересов третьей стороны.

Статья IV. Для того, чтобы в пределах их территорий было обеспечено спокойствие, высокие договаривающиеся стороны друг с другом договариваются и соглашаются, в пределах их юрисдикции, не разрешать отправки любых военных или военно-морских экспедиций, враждебных существующему правительству любой из договаривающихся сторон, и обязуются препятствовать вывозу из подлежащих их юрисдикции источников оружия, амуниции или военных припасов, предназначенных для пользования любым лицом или лицами, о которых будет сообщено, что они восстали против существующего правительства любой из высоких договаривающихся сторон.

Ноябрь, 1915 г.

ГЛАВА III (IX)

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

«Положение — исключительное... Это милитаризм, дошедший до полного безумия. В один прекрасный день произойдет ужасный катаклизм...»

(Из берлинского письма Хауза Вильсону, 29 мая 1914 г.)

1

В начале правления Вильсона в Соединенных штатах было немного таких людей, которые проявляли бы осведомленность или заинтересованность в европейской политике. Общественным мнением продолжали владеть традиции XIX века,—традиции, устанавливавшие, как главный принцип американской политики, полное обособление от европейских дел. Зарождение этих традиций покоилось на очень разумном суждении. В ранние дни республики опутывание ее иностранными союзами, как это хорошо понимали и Вашингтон и Джефферсон, сделало бы из довольно слабых в то время Соединенных штатов только игрушку в руках чужой страны. С другой стороны, природа предоставляла колонистам богатейшие возможности. Им стоило только повернуться спиной к Атлантическому океану и заняться развитием ресурсов своей собственной страны.

Таким образом, в начале XIX века молодая страна направляла свою энергию на разрешение внутренних задач: агрессивное расширение границ, упорная борьба с «хинтерландом», борьба за политическое объединение, строительство коммуникаций, создание индустриальной системы. Народ мало знал и мало интересовался тем, что делалось по ту сторону Атлантического океана.

Но к началу XX века условия переменились. Было не только достигнуто побережье Тихого океана, не только завоевана вся лежащая между океанами территория, но, благодаря посредству

купца и миссионера, американские интересы устремились к Востоку, а военные удачи подчинили американскому флагу также Филиппины. Наше правительство стало претендовать на равное с европейскими странами положение на Дальнем Востоке и под руководством Хэя вошло там с ними в тесный контакт. Занятие Порто-Рико, контроль над Кубой, прорытие Панамского канала—обеспечили главенство на Караибском море. Почти незаметно страна стала мировой державой, и несомненно было, что политический контакт с Европой будет проявляться все более часто и становиться все теснее, ибо крупные европейские государства также были мировыми державами и их интересы во многих пунктах соприкасались с нашими. Установился тесный и постоянный экономический и духовный контакт, поэтому политические связи стали неизбежны.

Этот факт сознавал уже президент Рузвельт, который твердил, что усиление мощи должно сопровождаться усилением ответственности. В нем самом чувство ответственности было настолько развито, что в 1905—1906 гг. он принимал активное, хотя и не всем известное, участие в переговорах, которые привели к Алжесирасской конференции, предотвратившей угрозу европейской войны. Этот кризис не был связан с прямыми интересами Соединенных штатов, он касался одних европейских государств. Рузвельт принимал участие в переговорах только из убеждения, что в деле мира Соединенные штаты должны исполнить свой долг по отношению ко всему остальному миру. Ради такой цели он готов был отказаться от традиции политической изоляции.

Однако в 1906 г. военные тучи продолжали нависать над Европой. Достигнутое соглашением 1904 г. примирение между Францией и Великобританией обеспокоило Германию, которая усмотрела в этом поощрение политическому возрождению Франции и активной иностранной политике ее министра иностранных дел Делькассе. Германия надеялась взорвать этот союз танжерским выступлением кайзера, но напрасно. В 1907 г. она еще более встревожилась из-за англо-русского примирения. Германии казалось, что вокруг нее начинает стягиваться железное кольцо. Она в особенности боялась расширения агрессивной политики России на Балканах, которая погубила бы ее союзницу Австрию и отрезала дорогу на юго-восток. В 1911 г. Германия опять пробовала взорвать этот союз, к тому времени—тройственный союз, и опять безуспешно.

Повидимому в Германии не было единодушия. Были такие люди, как канцлер фон Бетман-Гольвег—добродушное, но безличное существо,—которые надеялись решить вопрос миролюбивым соглашением, в особенности с англичанами, без помощи которых русские планы на Ближнем Востоке не могли иметь успеха. Но были и другие, настаивавшие на том, что Германия

должна вызвать войну при первом удобном случае,—до того, как подготовится Россия. Новое поколение в Германии было воспитано своими наставниками-профессорами в духе агрессии; этот дух был крайне развит в армии и захватил офицеров флота.

Настроение этих групп, в действительности не представлявших общественного мнения большинства, не было бы таким серьезным фактором, если бы оно не подкреплялось широко распространенным убеждением, что Антанта готовится к нападению на Германию. В этом случае, как это часто бывает, страх порождал безрассудство. Если бы направление германской политики, хотя бы на короткое время, зависело от этих горячих голов да еще панически настроенного общественного мнения, то стала бы весьма реальной опасность внезапного нападения, т. е. игры ва-банк. А при сложности дипломатических группировок такое нападение означало бы общеевропейскую войну.

В Англии остро сознавали эту опасность, но правительство стояло перед неприятной дилеммой. Быстрое развитие германского морского могущества нельзя было не рассматривать как угрозу британской безопасности, что естественно приводило к острейшей гонке морских вооружений Англии. Всякое ослабление английских морских приготовлений было бы прямым вызовом случайностям. А в связи с принятыми перед Францией обязательствами,—хотя и неофициальными, но тем не менее морально-связывающими,—необходима была и сухопутная военная подготовка. С другой стороны, такая подготовка неизбежно усиливала дипломатический кризис, питая страхи Германии и давая козырь в руки германских милитаристов.

Военная подготовка стояла в порядке дня в России и во Франции. Многие считали всеобщую войну неизбежной, и потому двусторонний союз должен был быть готов и не упустить ни одного средства для усиления своего дипломатического и военного веса. Всякая иная политика вызвала бы против ответственных за эту политику людей обвинение в преступном бездействии. Но каждый новый шаг превращал двусторонний союз из оборонительного в наступательный и неминуемо усиливал и страхи и воинственность Германии.

Европа была готова к войне; как говорил Уильям Грэм Самнер: «К чему готовишься, то и получишь». Правда, в 1913 г., когда стараниями сэра Эдуарда Грэя было достигнуто мирное разрешение балканского кризиса, непосредственная опасность войны, казалось, миновала. В течение нескольких месяцев облегчение в англо-германских отношениях, подкрепленное предложением английского сотрудничества в выполнении германского проекта Берлин-Багдадской железной дороги, казалось, давало возможность положить конец распрям между группами стран. Но, как позднее

писал английский премьер-министр[1], «дипломаты чувствовали, что они скользят по тончайшему льду и что мир в Европе зависит от ряда непредвиденных и не могущих быть предвиденными случайностей».

2

Так же, как и Рузвельт, Хауз был убежден, что европейская война обязательно примет такие размеры, что коснется всякого уголка земного шара, следовательно, долг и интересы Соединенных штатов требуют приложения всех сил для предотвращения войны. Прошли дни изоляции Соединенных штатов от Восточного полушария. Соединенные штаты имели много оснований бояться европейского конфликта, и они многое могли сделать для его улажения.

Еще до официального вступления Вильсона в должность президента Хауз замышлял политику сотрудничества, которая включала бы Соединенные штаты, Великобританию и Германию. Он видел, что главная опасность лежит во вражде немцев и англичан, и надеялся, что эта вражда могла быть ослаблена, если бы устроить так, чтобы обе страны двигались к общей цели. Он считал, что экспансионистская энергия Германии может быть направлена в более полезное русло, чем крупповские заводы и дредноуты.

«*22 января 1913 г.* У нас завтракал Мартин[2],—записывает Хауз.— Я высказал ему свое желание, чтобы Вильсон дал мне возможность установить взаимопонимание между нашей страной, Великобританией и Германией в отношении доктрины Монроэ...

Я также сказал ему, что буду добиваться лучшего взаимопонимания между Англией и Германией, и если бы Англия была менее нетерпима к экспансионистским стремлениям Германии, можно было бы добиться установления между ними хороших отношений. Я считаю, что следовало бы поощрить Германию к правомерной эксплоатации Южной Америки, т. е. к разработке ее богатств и к переселению туда своего избыточного населения; такой шаг был бы полезен и Южной Америке и вообще дал бы благотворные результаты».

В течение первого года президентства Вильсона заботы о внутренних делах позволили Хаузу продумать этот план только наполовину, но он постоянно к нему возвращался и при всяком удобном случае поднимал вопрос перед лицами, осведомленность или влияние которых могли быть ему в этом полезны.

«*23 апреля 1913 г.* Прибыло письмо от Джэймса Спейера,—записывает Хауз,—с приглашением встретиться за завтраком в Нижнем городе с германским послом графом фон Бернсторфом, который

---

[1] *Асквит.* Происхождение войны, стр. 166.
[2] *Э. С. Мартин*—редактор журнала «Лайф».

выразил желание познакомиться со мной. Я не бываю в Нижнем городе и предложение отклонил...»

«*25 апреля 1913 г.* Джэймс Спейер звонил снова и предложил позавтракать с германским послом уже не в Нижнем городе, а в Верхнем, и я согласился».

«*9 мая 1913 г.* Завтракал у Дельмонико с германским послом графом фон Бернсторфом и со Спейером.

Граф говорил, пожалуй, более свободно, чем я ожидал от дипломата с его опытом. Он говорил довольно откровенно о Брайане и о разных чиновниках министерства иностранных дел. Он критиковал также бывшего министра Нокса и его первого помощника Хантингтона Уилсона.

Наиболее интересным разговор с ним стал после завтрака, когда Спейер ушел и мы с Бернсторфом одни прошлись по проспекту. Я высказал мнение, что было бы великим достижением, если бы установилось дружественное соглашение между Англией, Германией, Японией и Соединенными штатами. Все вместе они могли бы оказывать благотворное влияние на весь мир. Они могли бы обеспечить мир и должное развитие неразработанных территорий, помимо обеспечения открытых дверей и равных возможностей повсеместно и для всех.

К моему немалому удивлению он согласился со мной. Он сказал, что в последнее время установилось большее взаимное понимание между Англией и Германией и, будь у них какое-нибудь общее поле деятельности, то, по его мнению, можно было бы, в конце концов, достигнуть доброго согласия между ними. Он заметил, что Китай, возможно, явился бы в настоящее время наиболее обещающим полем совместной деятельности, так как Соединенные штаты смогли бы работать там вместе с Германией и Англией...».

Два месяца спустя, в Лондоне, Хауз более широко обсуждал свой план с американским послом. Пэйдж целиком сочувствовал идее Хауза об использовании энергии народов на иные цели, чем военные или военно-морские. «Наступило время,—писал он Хаузу,—для какой-нибудь конструктивной, передовой идеи, идеи действия. Если бы можно было по счастливому стечению обстоятельств и счастливой комбинацией объединить великие силы мира и повести их на расчистку тропиков, большие армии могли бы постепенно стать, как на Панаме, санитарной полицией, понемногу забыли бы о воинственных помыслах и, в конце концов, были бы распущены...»

Но Пэйдж понимал, что европейцы слишком привержены традиции, чтобы приняться за такой план, который заключал бы в себе нечто, напоминающее созданный впоследствии секретариат Лиги наций. «На европейском континенте,—писал он,—кайзер, пожалуй, наиболее выдающийся человек. Тем не менее его идеи идут не на много дальше провинциальных взглядов немцев. В Англии наи-

более широких взглядов человек—это сэр Эдуард Грэй, но и он не представляется человеком, обладающим определенно конструктивным умом».

В этот период Хауз не старался навязать свои идеи англичанам, но он убедился, что в лице сэра Эдуарда Грэя он имеет дело с человеком без достаточной силы воображения, хотя искренно желающим найти план, который поможет сохранить мир. 3 июля 1913 г. Хауз завтракал с Грэем, лордом Крю и Пэйджем.

«Мы говорили об отношениях между Германией и Англией. Сэр Эдуард заметил, что главной причиной антагонизма этих двух наций является взаимное недоверие. Прежде чем покончить с этой темой, я рассказал ему о встрече с германским послом в Вашингтоне, графом фон Бернсторфом; о том, как удивила меня его вера в то, что в недалеком будущем отношения между Англией и Германией улучшатся. Передавая эти слова лорду Грэю, я стремился посеять семена мира».

По возвращении в Соединенные штаты Хауз был поглощен всевозможными назначениями, проведением закона о Федеральном резервном банке. Но при всякой возможности он возвращался к изучению европейских проблем.

«*1 сентября 1913 г.* У меня был интересный разговор с Думбой (посол Австро-Венгрии), в частности, о некоторых сторонах политического положения в юго-восточной Европе. Одно время он был посланником в Бухаресте и, конечно, достоверно знает положение на Балканах».

В ноябре приехал секретарь Грэя, сэр Уильям Тиррел, с которым Хауз мог с полной откровенностью обсудить разные международные вопросы. После того как с Уильямом Тиррелом был улажен вопрос о политике Вильсона в Мексике и о панамских сборах, Хауз перешел к изложению своего нового плана, сформулированного довольно определенно. Наступивший кризис он надеялся смягчить соглашением, которое приведет к сокращению вооружений. Если бы дело удалось, за ним последовала бы программа, о которой он уже говорил с Бернсторфом,—объединенная политика разработки незанятых частей мира.

«*2 декабря 1913 г.* Я сказал Тиррелу, что следующее мое желание—это добиться взаимопонимания Франции, Германии, Англии и Соединенных штатов в вопросе о сокращении сухопутных и морских вооружений. Я сказал, что это сложная затея, но настолько благодарная, что намерен попытаться ее осуществить. Ему этот план тоже представлялся одним из наиболее дальновидных и благотворных; он считал, что если будет продолжаться то, что происходит сейчас, то неминуемо последует катастрофа, а в настоящее время это, помимо всего, мешает разрешению стоящих перед всеми нами мучительных проблем экономики. Он считал, что у меня есть «спортивные шансы на успех».

Я просил его посоветовать мне какой избрать порядок действия. Он считал, что мне следует побывать в Германии и раньше всего повидаться с кайзером, а потом—с министрами иностранных дел и финансов. Он сказал, что эти два министра будут наиболее отзывчивы к такой идее, но что морской министр фон Тирпиц—реакционер и во многом ответствен за нынешнюю политику Германии.

Тиррел не считал необходимым, чтобы я заручился какими-нибудь полномочиями. Но посоветовал, чтобы наш посол в Германии шепнул кайзеру, что я в Соединенных штатах—«власть позади трона», а после этого мне следует сказать нашему послу, чтобы он предупредил официальный Берлин о моей нелюбви к помпе, иначе к моему приезду весь Берлин устелют коврами.

Он полагает, что действовать я должен бесшумно, но добиться аудиенции у кайзера и в числе прочих вещей указать ему, что Англия и Америка «воткнули мечи в землю», и существует стремление к тому, чтобы и Германия присоединилась к этому настроению и проявила свои добрые намерения согласием на приостановку строительства чрезмерно большого флота и вообще ограничила свой милитаристский размах.

Сэр Уильям уверил меня, что Англия будет сотрудничать с Германией со всей сердечностью и уже давно к этому готова. Он не видит повода для разногласий между ними. Оба мы считали, что если удастся достигнуть согласия между Англией, Соединенными штатами, Францией и Германией, то остальной мир последует за нами, и таким образом наступит великая перемена. Он сказал, что кайзер—яркая личность, ему больше свойственны черты француза, чем немца. Он сравнивал его с Рузвельтом.

Сэр Уильям обещал ознакомить меня со всей перепиской между Великобританией и Германией по вопросу о разоружении с тем, чтобы я мог убедиться, насколько права Великобритания в своей позиции».

Десять дней спустя Хауз обсудил этот план с Вильсоном и получил его одобрение. «Можно сказать, что он был в восторге»,—писал Хауз Пэйджу. Было решено, что в начале лета Хауз поедет прямо в Берлин и представит свой план кайзеру. Если тот окажется на этот счет сговорчивым, Хауз оттуда направится в Англию.

В течение зимы и весны Хауз готовился к поездке. Он запросил Джерарда о распорядке дел кайзера. Тот выяснил, что в конце весны Вильгельм II будет на Корфу, возвратится в Потсдам, оттуда поедет в Киль на парусные гонки, затем будет путешествовать в норвежских водах[1], а потом направится в свои поместья

[1] См. письмо Хауза к Джерарду от 1 января 1914 г. и ответные письма Джерарда от 11 февраля и от 15 марта 1914 г. Этот момент имеет исторический интерес, поскольку утверждали, что кайзер направился в Норвегию, чтобы отвлечь внимание от немецких приготовлений к войне. Ясно, что это календарное расписание было составлено задолго до сараевского убийства.

на Рейне. При первой же возможности Хауз телеграфировал Джерарду, чтобы тот устроил встречу в июне, по возвращении кайзера с Корфу.

Хауз считал себя к этому моменту настолько осведомленным о положении в Великобритании, что главной своей задачей полагал непосредственное изучение психологии немцев и, в особенности, характера Вильгельма II. В январе мы видим его за завтраком с Бенджаменом Айд Уилером, от которого он исподволь набирался сведений.

«*1 января 1914 г.* Мы прекрасно провели время. Он только что вернулся из Германии, где много раз виделся с кайзером не только в последнее время, но и в предыдущие свои наезды в Германию. Кайзера он посещает запросто и проводит много времени с ним и его семьей. Он дал мне почти все нужные сведения о кайзере и его окружении. Уилер также близкий друг Рузвельта, и я с интересом слушал, как он сравнивал эти две личности. Он считает их очень похожими, особенно в отношении памяти и импульсивности, но различаются они тем, что у кайзера религиозное направление мыслей и держится он более воспитанно.

Для получения всех нужных мне сведений я должен был объяснить ему цель моих расспросов; он стал уверять, что есть шансы на успех, что я смогу уговорить кайзера заключить соглашение о разоружении. Так же как и сэр Уильям Тиррел, он считал, что помехой будет морской министр. Кайзер говорил Уилеру, что военно-морское строительство он осуществляет не для того, чтобы угрожать Англии, а для усиления престижа германской морской торговли. Кайзер часто говорил о том, насколько невозможна война между Англией и Германией и какой предельной глупостью была бы общеевропейская война. Он считает, что противоречия надвигаются между азиатскими и западноевропейскими народами и в ближайшие двадцать лет западные народы это осознают и станут более или менее солидарны.

Уилер рассказал, как в марте прошлого года еле удалось предотвратить общеевропейскую войну из-за балканской кутерьмы; император считает, что он спас положение своим предложением об образовании албанского государства[1]. Кайзер говорил Уилеру, что он предупредил Россию: если она нападет на Австрию, он немедленно ударит по ней. При этом он также сказал, что очень расположен к Англии и что был любимым внуком королевы Виктории.

[1] После поражения, нанесенного турецкой армии Балканским союзом осенью 1912 г., Австрия заявила протест против занятия Сербией какой-либо части Адриатического побережья. В Лондоне была созвана конференция великих держав, на которой Великобритания и Германия старались добиться компромисса и где было создано независимое Албанское государство. Сербия заняла Македонию, ускорив этим конфликт с Болгарией.

Императрица очень редко вмешивалась в беседу кайзера с Уилером, она молча сидела за вязанием и высказывала свое мнение, только когда заходила речь о внутренних делах.

Другое различие между кайзером и Рузвельтом состоит в том, что, когда нужно, кайзер умеет слушать и умеет делать это учтиво».

Хауз провел бóльшую часть зимы в Техасе. Но вернувшись в марте на восток, он, несмотря на то, что много времени и энергии отнимали назначения по Федеральному резервному банку, продолжал приготовления к поездке в Европу. В апреле он подолгу совещался с Эрвином Лафлином, советником американского посольства при Сент-Джеймском дворе.

«*9 апреля 1914 г.* Мы стали обсуждать мой план сокращения вооружений. В течение трех лет Лафлин был первым секретарем американского посольства в Берлине. Он не раз беседовал с германским канцлером о разоружении и считает, что у меня нет ни единого шанса на то, чтобы уговорить Германию приостановить ее военно-морское строительство.

Лафлин удивился, когда я сказал ему, что получил из первых рук сведения о самом кайзере, — сведения неблагоприятные для моего плана, скорее приближающиеся к его, Лафлина, мнению. Но особенное впечатление произвел на него метод, которым я намерен был добиваться своего. Я объяснил ему, что не собираюсь отстаивать свой план доводами от чувства или этики, а попытаюсь доказать, какую чисто материальную выгоду это дало бы Германии.

Я рассказал о подробностях, касавшихся предоставления Германии зоны влияния в Малой Азии и в Персии, а также выразил надежду, что ей можно было бы предоставить бóльшую свободу торговли в Центральной и Южной Америке. Я заставил его переменить мнение о целесообразности моей попытки; он просил дать ему время поразмыслить и обещал сообщить мне свое заключение несколько позже. Лафлин хорошо знает немцев и заявил, что очень трудно добраться к императору в благоприятный момент».

«*10 апреля 1914 г.* Эрвин Лафлин с женой завтракали с нами. Мы с ним долго говорили о моем плане разоружения. Я попробовал излагать перед ним свои соображения так, как если бы я говорил с кайзером, зная, что он остановит меня при каждом моем промахе. Я подробнейшим образом разъяснил свои намерения. Обдумав мой план и выслушав его во всех деталях, Лафлин сказал, что стоит попытаться...»

«*16 апреля 1914 г.* В половине десятого я направился к Борден-Гарриманам, чтобы показаться их гостям: м-сс Гарриман обещала им, что я буду. Там были принц Мюнстер, князь Павел Трубецкой с женой, посол Думба, генерал Вуд и другие. Я поговорил недолго с принцем Мюнстером о германском императоре для того, чтобы получить добавочные сведения о нем...»

«*28 апреля 1914 г.* Я рассказал президенту о том, что я делаю в отношении Германии и кайзера, на это он заметил: «Вы собираетесь вспахивать под пар...». Я спросил, уверен ли он, что мне следует ехать именно теперь. Он ответил: «Ваш план так важен, что пренебрегать им нельзя...»

«*7 мая 1914 г.* Хью Уоллэс виделся с графом Бернсторфом и сообщил ему, что я еду в Германию 16 мая. Фон Бернсторф ответил, что германское министерство иностранных дел уже уведомило его об этом и запросило у него сведения обо мне; он их дал. Он сказал, что собирается писать обо мне дополнительно; впрочем, это, повидимому, было подсказано Уоллэсом...»

Таким образом Хауз направился со своей чрезвычайной миссией в качестве частного гражданина Соединенных штатов, единственное звание которого было—«личный друг президента», как некий индивидуум, собиравшийся сам повернуть рычаг благоразумия так, чтобы Старый Мир свернул с пути войны на путь мира. Чтобы проникнуть в глубину европейского водоворота, нужны были в равной мере мужество и дипломатическое умение. Эти качества у него были, так же как и чувство меры, благодаря которому он часто мог с юмором относиться к встававшим перед ним препятствиям. Но и поставленная им ставка была исключительная! Это был мир во всем мире. При неуспехе беды не будет. А в случае успеха!..

Он назвал эту свою миссию «Великая затея».

3

Письмо Хауза президенту

Берлин, Американское посольство, 29 мая 1914 г.

Дорогой начальник!

К приезду в Германию я был уже довольно хорошо осведомлен о здешнем положении. Со мной вместе ехали князь Мюнстер и граф фон Мольтке[1], с которым я близко познакомился.

Мюнстер—то, что мы назвали бы реакционер; я предоставил ему говорить больше всех. Фон Мольтке, напротив, из германской знати, пожалуй, единственный человек умеренных взглядов и воспринимает положение так же, как и мы. Он сообщил мне ценные сведения, которые только подтверждают мое мнение о почти полном отсутствии шансов на улучшение положения.

Кайзера я еще не видел, но приглашен в Потсдам на завтрак в понедельник. Будет ли там возможность поговорить с ним, для меня еще неясно...

---

[1] Племянник великого фельдмаршала и двоюродный брат начальника германского штаба периода оккупации Бельгии и Франции, который после неудачи германского наступления был заменен Фалькенхайном.

Я вел продолжительные беседы с министром иностранных дел фон Яговым и с адмиралом фон Тирпицем. Ягов—ловкий дипломат, но без особо выраженной индивидуальности. Фон Тирпиц—отец идеи большого флота, человек сильный и агрессивный. Оба они не блещут особенно большими талантами.

Меня предупреждали, чтобы я не разговаривал с фон Тирпицем из-за его хорошо известной оппозиции нашим взглядам. Но я решил обратиться к нему, поскольку после кайзера он самый сильный человек в Германии. Наша часовая беседа была исключительно интересна; полагаю, что я сделал «зарубку» не очень глубокую, но достаточную, во всяком случае, для того, чтобы можно было начать переговоры в Лондоне.

Я все время остерегаюсь вмешивать вас. Излагаемые мною суждения и планы я выдаю за свои. Вы фигурируете лишь постольку, поскольку позволяет существующее общее представление о наших отношениях.

Положение — исключительное. Это милитаризм, дошедший до полного безумия. Если только кто-нибудь с полномочиями от вас не добьется установления иных отношений, то в один прекрасный день произойдет ужасный катаклизм. Никто в Европе этого сделать не может. Тут слишком много ненависти, слишком много подозрительности. Стоит Англии дать согласие, как Франция и Россия тотчас же набросятся на Германию и Австрию. Англия не хотела бы совсем раздавить Германию, так как тогда она столкнулась бы один на один со своим старинным врагом, с Россией; но если Германия будет беспредельно увеличивать свой флот, у Англии не останется выбора.

Наибольшие шансы для мира—это достижение согласия между Англией и Германией о морских вооружениях, с другой стороны, для нас было бы несколько хуже, если бы эти державы слишком сблизились.

Это—всепоглощающая задача, могущая иметь исключительные последствия. Хотелось бы, чтобы она была разрешена к неувядаемой славе вашего управления и нашей американской цивилизации.

Верный и преданный вам *Эд. Хауз*».

Хауз скоро распознал, что в Германии, наряду с чувством агрессивности, жило и чувство страха,—страх человека, мучимого неуверенностью и готового вцепиться в горло первому встречному, если ему только покажется, что тот собирается сделать движение. Сознавая, что она вызвала враждебность к себе, Германия держала курок взведенным и готова была спустить его при малейшем шорохе.

«*27 мая 1914 г.* Перед приездом сюда,—записывает Хауз,—я настоял, чтобы нам не устраивали приемов. Хотелось встретиться

с очень немногими людьми. Однако Джерарды не выполнили в точности наших пожеланий, и мы ежедневно видели по нескольку человек. Во вторник они дали обед на двадцать четыре персоны, среди которых были: морской министр адмирал фон Тирпиц, министр иностранных дел фон Ягов, английский посол сэр Эдуард Гошен и граф и графиня фон Мольтке; двое последних были приглашены по нашей просьбе.

Из столовой я шел с фон Тирпицем; в одной из гостиных мы простояли, разговаривая около часа. Он проявил определенную нелюбовь к англичанам, нелюбовь, граничащую с ненавистью. Меня очень позабавило его утверждение о том, что англичане смотрят на немцев свысока и считают их ниже себя».

Фон Тирпиц говорил об антигерманских настроениях в Соединенных штатах, доказывая это ссылками на наши газеты. Он также говорил о статьях адмирала Мэхэна с их англофильской тенденцией. Я заверил его, что наши газеты не отображают действительных настроений у нас и, в свою очередь, спросил его, отображает ли немецкая пресса настроения немцев по отношению к нам. Он ответил: «Нисколько». Он указал, что правительство не имеет никакого влияния на германские газеты, но как он заметил, англичане, когда это нужно, заставляют газеты становиться на точку зрения правительства.

Я заговорил о мужестве и о твердости президента, иллюстрировал это разными примерами; первый—его настойчивое желание, чтобы мы участвовали в похоронах матросов из Вера-Крус; другой—в том, что он не поддался запугиваниям и отказался признать Хуэрту. Я провел четкое различие между президентом и Брайаном и хотел, чтобы официальная Германия знала, что если бы между нашими двумя странами появились какие-нибудь осложнения, она будет иметь дело с человеком железного мужества и несгибаемой воли.

Мы много говорили с фон Тирпицем о вооружениях; я отстаивал принцип ограничения их в интересах международного мира, а он усиленно защищал необходимость для Германии обладать наилучшими военным и военно-морским аппаратами. Он отрицал всякие завоевательные стремления и настаивал на том, что Германия желает мира, но для его поддержания надо вселять страх в сердца ее врагов.

Я указал на опасность, заключенную в такой программе, ибо поскольку Великобритания не хочет видеть Германию раздавленной, так как это поставило бы ее лицом к лицу с ее старым врагом Россией, постольку же она не может спокойно наблюдать, как неуклонно увеличивается морская мощь Германии с ее, вдобавок, большой и хорошей постоянной армией. Если бы возник вопрос, раздавить ли Германию или дать ей возможность построить такой флот, который сможет свергнуть господство Великобритании

на море, то ее политика естественно была бы направлена к тому, чтобы Германия пошла ко дну.

Я выразил надежду, что между Германией и Англией может установиться взаимопонимание. Он также полагает, что это возможно, но не доверяет Англии, считая англичан «ненадежными». Фон Тирпиц оказался наибольшим англофобом из всех государственных деятелей Германии, с которыми я встречался. Я привожу свой разговор с ним полностью, ибо это дает представление об общем направлении бесед с другими людьми.

Как-то мы посетили аэродром и видели, что у них делается в этом направлении. Трудно было получить представление о воздушных силах Германии. Но вот начальник аэродрома, майор, вызвал одного летчика и представил его нам. Затем летчик поднялся в воздух и стал демонстрировать высший пилотаж: прошел бреющим полетом над нашими головами и проделал несколько мертвых петель, проделал целый ряд опасных и любопытных маневров. Я рад был, когда он, наконец, спустился, так как боялся, что желание сделать нам приятное может окончиться его гибелью. Майор сообщил мне, что на этом аэродроме погибло уже тридцать шесть летчиков.

Фамилия летчика—Фоккер. Он сообщил мне, что он голландец и недавно прибыл из Голландии по приглашению германского правительства».

Таким образом, Хауз еще до войны повидал летчика, имя которого приобрело такую ужасную известность.

4

Не без затруднений и дипломатической ловкости удалось Джерарду устроить для Хауза разговор с кайзером с глазу на глаз. Официальный Берлин был против этого. Министерство иностранных дел соглашалось на то, чтобы Хаузу была дана аудиенция, но настаивало, чтобы при этом присутствовал кто-нибудь из членов кабинета. Хауз с такой же твердостью настаивал на том, чтобы беседа состоялась с глазу на глаз или чтобы ее вовсе не было. «Если это невозможно,—писал он Джерарду,—то пожалуйста не беспокойтесь совсем». Он хотел быть уверенным, что откровенности беседы не смогут помешать официальные условности. Впоследствии он писал: «С моей стороны это был блеф, но я заявил, что отказываюсь от встречи с кайзером, если нельзя устроить, чтобы мы беседовали наедине».

Какова бы ни была чудодейственная сила (а Хауз приписывал ее дипломатии Джерарда)[1], но блеф достиг своей цели, и Джерарду,

[1] Впоследствии Хауз писал: «Не могу достаточно сильно выразить свое восхищение той ролью, которую сыграл наш посол в своей тонкой игре на Вильгельмштрассе для того, чтобы добиться желательного результата».

в конце концов, сообщили, что, если он с Хаузом приедет в Потсдам 1 июня, то последнему будет предоставлена возможность говорить с кайзером наедине. В этот день происходила церемония «Schrippenfest»[1], столь любимый кайзером пышный спектакль военщины в прусском стиле. В своих фраках Хауз с Джерардом выделялись траурным пятном, совсем не подходившим ко всему антуражу. «Как две черные вороны», определил их не столь вежливо, сколь едко, сам кайзер.

«*1 июня 1914 г.* Мы с Джерардом,—записывает Хауз,—направились в Потсдам в половине десятого. Приехали мы слишком рано и бродили вокруг почти до одиннадцати часов. Потом направились во дворец. Мы оказались единственными приглашенными на празднества гостями.

Прекрасной анфиладой комнат, выходивших в парк, нас провели до бокового входа. Здесь мы несколько минут ждали, затем было объявлено о выходе кайзера. Он вошел, пожал нам руки и вышел со свитой в парк. Мы прошли вместе с группой, состоявшей из императора, императрицы, принцев и их жен. Нас поместили рядом с королевской семьей.

После религиозной церемонии состоялся парад, потом раздача орденов, а затем мы прошли парком в другой дворец, где солдатам был дан завтрак. Большую часть времени я пробыл с товарищем министра иностранных дел Циммерманом, замещавшим отсутствовашего по случаю свадебной поездки фон Ягова. Он очень отзывчиво говорил о моем плане дружественного соглашения между Великобританией, Германией и Соединенными штатами. Мы всесторонне обсуждали положение в Европе.

Завтракали мы в знаменитом ракушечном зале[2] («пожалуй самая безобразная в мире комната», заметил о ней Джерард). Стол имел форму полумесяца и был прекрасно сервирован. Мы с Джерардом сидели как раз напротив императорской семьи. По правую руку от меня был военный министр фон Фалькенхайн[3],

---

[1] «Schrippenfest», буквально «праздник белой булки» (от Schrippe—белая булка), устраивался ежегодно в «день святого духа» для образцового батальона в Потсдаме. По традиции это был единственный день в году, когда рядовые получали к обеду белый хлеб вместо черного и такие деликатесы, как мясные блюда, компот из чернослива и вино. На праздник, устраиваемый кайзером, приглашались иностранные военные и морские атташе, послы и знатные иностранцы. На празднестве присутствовала императрица и младшие члены императорской семьи. Гвоздем церемонии было присутствие за столом самого кайзера, который сидел среди своих солдат, ел их белые булочки и попивал вино из стакана, из которого перед тем пил кто-нибудь из солдат.

[2] Стены зала были выложены морскими ракушками.

[3] Фалькенхайн был впоследствии начальником штаба и в 1916 г. руководил немецким наступлением на Верден. После неудачи он был замещен Гинденбургом.

слева сидел какой то саксонский генерал, фамилию которого я не разобрал. Кайзер обращался через стол к нашей группе, главным образом к фон Фалькенхайну... Стол был превосходный, завтрак тянулся недолго, около пятидесяти минут.

Еще до приезда в Берлин я предостерегал Джерарда от того, чтобы употреблять звание «полковник» при разговоре обо мне или при представлении меня. Это, однако, не помогло, так как Бернсторф телеграфировал о моем приезде заранее, так что «полковником» я стал тотчас же по приезде. Большая часть времени за завтраком ушла на то, чтобы объяснить моим соседям, какой я «полковник»—не настоящий, в европейском смысле слова, а как у нас в Америке сказали бы—полковник в географическом смысле. Мои объяснения дошли, наконец, до сознания Фалькенхайна, но моему соседу слева это безнадежно затуманило голову, и он до конца все говорил об армейской технике...

Потом мы перешли в большую гостиную, где я был представлен императрице. Мы поговорили о Корфу, о том, как красива Германия весной и о других вещах в том же духе. Когда эта формальность была исполнена, адъютант кайзера подошел и сказал, что его величество готов принять меня на террасе...

Кайзеру свойственна такая же многосторонность, как и Рузвельту, но несколько бо́льший шарм и несколько меньшая сила. У него есть неприятная привычка слишком близко наклоняться к лицу собеседника, когда он говорит особенно серьезным тоном. Его английский язык чист и изыскан и, хотя он говорит с темпераментом, но, однако, слишком воспитан, чтобы монополизировать беседу. Мы все время уступали друг другу очередь в разговоре. Он знал, что́ хотел сказать, я—тоже, и поскольку мы оба говорили быстро, то получаса было достаточно.

Джерард и Циммерман стояли, разговаривая, в стороне, футах в десяти-пятнадцати, вне пределов слышимости. Вначале казалось, что мне не уйти от темы о любимых занятиях кайзера, но, наконец, мне удалось перейти к предмету, для обсуждения которого я явился... Оказалось, что он гораздо менее предубежден и воинственно настроен, чем фон Тирпиц. Он заявил, что стремится к миру, поскольку это служит интересам Германии. Германия была бедной страной, теперь она богатеет и еще несколько лет мира сделают ее совсем богатой. «Ей угрожают со всех сторон, штыки Европы направлены на нее»,—и так далее, в том же духе. Об Англии он говорил благожелательно и с восхищением. Англия, Америка и Германия—родственные народы и должны сойтись теснее. О других странах он не очень задумывается.

Он говорил об ошибке Англии, вступившей в союзы с латинскими народами и со славянами, не сочувствующими нашим идеям и целям; они колеблющиеся и ненадежные союзники. Он говорил, о них как о полуварварах, а об Англии, Германии и Соеди-

ненных штатах—как о единственной надежде победоносной христианской цивилизации...

Я высказал мысль, что Россия представляет наибольшую угрозу для Англии, что для Англии выгодно, чтобы Германия могла сдерживать Россию, Германия является барьером между Европой и славянами. Его нетрудно было заставить согласиться с этим.

Кайзер говорил о том, что Великобритания не сможет поддерживать постоянный и удовлетворительный союз с Россией или Францией. Я указал ему, что англичане весьма озабочены его все растущим флотом, который вместе с его громадной армией является угрозой, и что может наступить время, когда им придется решать, что для них более опасно: успешное нападение кайзера и его народа, нападение со стороны России или, наконец, угроза потери азиатских колоний. Я полагал, что когда дело дойдет до выбора, решение будет не в пользу Германии.

Я говорил об общности интересов Англии, Германии и Соединенных штатов и указал, что если они будут держаться вместе, то мир во всем мире может быть обеспечен. С этим он охотно согласился. Но, продолжал я, до тех пор, пока он будет продолжать увеличивать свой флот, о соглашении не может быть и речи. Кайзер ответил, что ему нужен большой флот для соответствующей защиты германской торговли и при этом—флот соразмерный с растущей мощью и значением Германии. Он также указал, что необходимо иметь флот, достаточный для защиты от соединенных сил России и Франции[1].

Я спросил, когда он подойдет к завершению своей морской программы. Он ответил, что это хорошо известно, так как о программе строительства было заявлено публично, и когда она будет выполнена целиком, тогда и настанет конец строительству. К этому он добавил, что Великобритании нечего опасаться Германии, он лично друг Англии и оказывает ей неоценимую услугу, обеспечивая перевес сил против России.

Я сказал, что мы с президентом считали, что американцу возможно было бы легче уладить здешние затруднения и добиться

---

[1] В более поздней записи Хауз отмечает: «Я забыл упомянуть, что спросил кайзера, почему Германия отказалась подписать «пакт Брайана», предусматривающий арбитраж и годичный «период для остывания» до того, как могут быть начаты военные действия. Он ответил: «Германия никогда не подпишет такого договора. Наша сила в том, что мы готовы вступить в войну без предупреждения. Мы не откажемся от этого преимущества и не дадим нашим врагам времени подготовиться».

Если бы Германия подписала этот пакт, то Соединенные штаты могли бы вступить в войну до истечения двенадцатимесячного срока разве только на том основании, что нападения подводных лодок были со стороны Германии актом войны против Соединенных штатов.

общего понимания в отношении мира, чем кому-нибудь из европейцев вследствие их недоверия и нелюбви друг к другу. С этим он согласился. Я сказал, что взялся за это дело, и это является причиной моего приезда в Германию, так как раньше всего я хотел повидаться с ним. Из Германии я намереваюсь отправиться прямо в Англию, где поставлю вопрос перед правительством так же, как я делаю это здесь перед ним.

Я пояснил, что намерен действовать осторожно и выяснить, чего можно достигнуть, а если кайзер того желает, я могу держать его в курсе дела. Он просил меня так и сделать, сказав, что мои письма будут доходить до него «через нашего друга Циммермана из министерства иностранных дел...»

Мой разговор с кайзером на террасе занял полчаса и происходил действительно наедине. Джерард и Циммерман стояли поодаль, футах в десяти. В три часа из Потсдама отходил специальный поезд, времени оставалось очень мало, и все начинали беспокоиться. Императрица сама выходила на террасу с намерением прервать наш разговор, а еще до этого она посылала с той же целью одного из своих сыновей. Но никто из них не подходил к нам, видя, как оживленно и дружелюбно мы беседуем. Она, наконец, послала главного камергера, который подошел к нам с нерешительным и смущенным видом и сказал кайзеру, какое может возникнуть затруднение. Тот, однако, едва обратил на него внимание, и резким тоном отослав его, продолжал разговаривать еще минут десять.

К этому времени я высказал все, что хотел и сам был готов уйти. Поэтому я замолчал, желая показать, что по крайней мере я свое дело кончил. Это возымело свое действие, и мы попрощались. Джерард потом сказал мне, что все проявляют громадный интерес к моему разговору с кайзером и что весь Берлин только и говорит об этом и все недоумевают, о чем мы так долго и оживленно могли говорить».

5

Вечером того же дня, когда состоялась памятная встреча с кайзером, Хауз уехал в Париж. Он был, очевидно, очень доволен тем, как был встречен его план, ибо хотя кайзер и не обещал ничего, однако, он вселил достаточно бодрости в Хауза, чтобы тот мог начать переговоры с англичанами. «Рад сообщить вам,— писал он Вильсону из Парижа,—что я добился такого успеха, какого только мог ожидать... Я очень доволен достигнутым и спешу в Лондон, чтобы убедиться, что можно сделать там. Предчувствие говорит мне, что «поднимать целину» там будет гораздо труднее».

Особенно большое впечатление на Хауза в Германии произвело то, что там царило не какое-нибудь желание войны, основанное на определенном плане, а безрассудная нервозность, которая

в любую минуту могла вылиться в безрассудное нападение, и полная неспособность подойти к вопросу с разумной выдержкой и готовностью к компромиссу.

«Я нахожу,—писал он президенту,—что и Англия и Германия имеют одно общее чувство, и это чувство есть страх одного перед другим. Никто не хочет первым начать переговоры, хотя обе стороны признают, что сделать это необходимо, и никто не хочет уступить».

В это время президент Вильсон, который сначала почти с безразличием относился к положению в Европе, начал сознавать все возможности «великой затеи». Он писал Хаузу о том, какой радостный подъем он испытал при получении его ответа, и о своей уверенности, что Хауз начал великое дело и проводит его правильно, с присущим ему тактом и спокойствием.

В Париже переговоры оказались невозможными. Франция была охвачена министерским кризисом, и Париж думал только о выстреле мадам Кайо в Кальметта и о политических последствиях этого дела. По своей привычке Хауз, когда увидал, что условия неблагоприятные, замкнулся в своей раковине и в течение нескольких дней только наблюдал события.

«*8 июня 1914 г.* Неделю в Париже я провел в тишине; самой трудной моей заботой было избегать американцев и всех прочих людей, желавших меня видеть. Мы получили массу приглашений на завтраки и обеды, которые все были отклонены, хотя одно из приглашений было от нашего посланника.

Был я у Херрика (американский посланник), так как обещал, что зайду к нему, когда у меня назреет необходимость с ним поговорить. Накануне у него был Рузвельт, и Херрик рассказал мне кое-что о спортивной и умственной деятельности Т. Р. (Рузвельта). Херрик предсказывает, что Т. Р. собирается вернуться домой и как следует досадить демократам. Я возразил, что все, что он сделает, навредит не столько нам, сколько его друзьям-республиканцам.

Херрик зачитал мне выдержки из подготовляемой им книги о сельскохозяйственном кредите и сказал мне, что вскоре она будет готова к печати, после чего он хотел бы вернуться в Америку...»

«*12 июня 1914 г.* Лондон. Приехал из Парижа 9-го. Завтракал у Пэйджа 10-го, вчера он завтракал у меня, так что мы смогли обменяться мнениями. Он очень любезно назвал проделанную мною в Германии работу наиболее важным делом нашего поколения. Я возразил, что для окончательной оценки следует подождать результатов моей деятельности здесь. Он ответил, что я встречу полное сочувствие английского правительства. Пэйдж считает, что начало как бы уже положено. Мы решили раньше всего повидать сэра Эдуарда Грэя и предоставить ему решить, следует ли привлечь к делу Асквита и короля...»

Хауз приехал в Лондон в самый разгар сезона, и невозможно было в короткий срок добиться каких-либо политических результатов. На первом плане были приемы, и только через неделю после приезда Хауза Пэйдж мог найти свободный день для завтрака с сэром Эдуардом. Пока же Хауз, по своему обыкновению, старался встречаться с интересными и могущими дать нужные сведения людьми. Так, он разговаривал с сэром Хорэсом Планкеттом и лордом Брайсом; завтракал в посольстве с Рузвельтом и другими знатными людьми; встречался с такими людьми, как лорд Керзон, Генри Джэймс—лондонский епископ—и Джон Сарджент; обедал у Бэрдетт-Кутс в его дворце на Пикадилли, знакомился с его сокровищницей предметов искусства и рукописей и подсчитывал богатства разных наций с сэром Джорджем Пэйшем из журнала «Стэйтист».

«*17 июня 1914* г. Хауз, сэр Эдуард Грэй, сэр Уильям Тиррел и Пэйдж встретились за завтраком. Хауз рассказал о своем визите в Германию и о предложении, сделанном кайзеру.

«На сэра Эдуарда это, видимо, произвело впечатление,—записывает Хауз,—и мы всесторонне обсудили положение в Европе, в особенности в отношении Германии и Англии. Он согласился со мной, что французские государственные деятели оставили мысль о реванше и о том, чтобы получить обратно Эльзас-Лотарингию: они удовлетворены существующим положением Франции.

Мы говорили о том, как трудно начать переговоры. Я предложил устроить каким-нибудь путем встречу кайзера с ним (Грэем) и со мной в Киле, но подробно мы об этом пока не говорили.

Отношения между Россией и Британской империей обсуждались нами свободно и с полной откровенностью. Сэр Эдуард объяснил, что Великобритания и Россия соприкасаются в столь многих пунктах мира, что им необходимо достигнуть какого-нибудь удовлетворительного взаимопонимания.

Я высказал мнение, что Англия должна разрешить Германии участвовать в развитии экономики Персии. На это Грэй заметил, что здесь можно было бы сделать удачный ход, попеременно натравливая их одну на другую, однако, немцы настолько агрессивны, что это может оказаться опасной игрой. Сэр Эдуард очень объективно сознает необходимость для Германии содержать флот, соразмерный с ее торговлей и достаточный для защиты от России и Франции. Я рассказал о воинственном настроении Германии и о напряженном настроении населения и высказал опасение, что какой-нибудь искры будет достаточно, чтобы раздуть огонь. Я считал, что когда Германия двинется, она ударит сразу, без переговоров и обсуждений, и если ей покажется, что недоразумение не может быть преодолено мирными переговорами, она не будет рассуждать, а ударит. Я считал, что сам кайзер и большинство его советников не хотят войны, ибо они стремятся к тому, чтобы Германия развива-

ла свою торговлю и богатела, но армия настроена милитаристично и агрессивно и в любой момент готова воевать.

Я сказал ему, что в Германии сложилось мнение, которое я разделяю, что пришло время, когда Англия не может больше полагаться в своей защите только на свое изолированное положение: новейшие изобретения настолько изменили условия, что немцы убеждены в том, что вскоре Англия станет такой же досягаемой для удара, как и ее континентальные соседи. Сэр Эдуард заметил: «Следовательно, мысль состоит в том, что Англия окажется в таком же положении, как и контитентальные державы?» Я ответил: «Вот именно».

Я изложил свое мнение о воздушной мощи Германии и о том, что они могут сделать уже сейчас. Я объяснил, что мы хотим играть роль примирителя, и почему считаем, что можем сделать это лучше, чем они сами. Я предостерег их, что теперешний германский канцлер может в любой момент уйти и быть замещен фон Тирпицем и тогда решение вопроса будет намного затруднено.

Я чувствую, что мой визит оправдался, если даже и не удастся сделать больше того, что уже сделано. Трудно представить себе, что моя прошлогодняя мечта начинает осуществляться. Я беседовал с кайзером, а теперь и английское правительство, видимо, заинтересовано в ведении переговоров. Трудно также поверить, что в той или иной мере эти наши начинания могут влиять на всякие существующие в мире правительства, а решения, которые мы изо дня в день вырабатываем, могут касаться каждого человеческого существа.

Я рассказал сэру Эдуарду, что когда при кайзере упомянули его имя, он сказал, что Грэй никогда не был на континенте и поэтому не может понять Германию. Сэр Эдуард заметил, что если буквально это и не так, то почти верно: давным-давно, при поездке в Индию, он почти без остановок пересек континент, а недавно несколько дней пробыл с королем в Париже».

Письма Хауза президенту

Лондон, 17 июня 1914 г.

«Дорогой начальник!

В сэре Эдуарде я нашел внимательного слушателя, к тому же очень откровенного и сочувствующего. Конец этой недели я провожу у Тиррела, а в ближайшую среду завтракаю у сэра Эдуарда. За это время он несомненно обменяется мнениями по нашему вопросу со своими коллегами.

Здесь все перегружено приемами, и ничего нельзя сделать быстро. Все они поглощены мыслями об Аскоте (скачки), о балах и т. д. и т. п. В Германии люди поглощены одной мыслью—промышленным развитием и прославлением войны. Во Франции я не на-

блюдал того, чтобы доминировал военный дух. Ее государственные деятели не мечтают больше о реванше и о возврате Эльзас-Лотарингии. Народ об этом мечтает, но те, кто управляют и знают дело, думают лишь о том, чтобы Франция могла итти своим путем. Численностью населения Германия уже превосходит ее наполовину, и разница увеличивается с каждым годом. Именно этот новый дух во Франции наполняет меня надеждой, чем сегодня я в некоторой степени и воспользовался. Франция, я уверен, будет приветствовать наши усилия на пользу мира.

Верный вам и преданный *Э. М. Хауз*».

Лондон, 26 июня 1914 г.

«Дорогой друг!

В среду у меня была очень интересная встреча на завтраке с сэром Эдуардом Грэем. Кроме меня, были: лорд канцлер (лорд Холдэйн), граф Крю и сэр Уильям Тиррел. Пэйджу пришлось отправиться в Оксфорд за получением ученой степени, и потому он не мог быть с нами.

Я не стал повторять подробности своего визита в Германию, полагая, что сэр Эдуард передал об этом Холдэйну и Крю. И только высказал, как свое мнение, что международные дела могли бы с большей выгодой разрешаться во многом теми же приемами, какими люди разрешают свои личные дела; я сказал, что, по-моему, большая часть недоразумений вызывается ложными донесениями и смутьянами и если бы ответственные лица были знакомы с фактическим положением, то кажущиеся затруднительными ситуации разрешались бы легко.

Я привел в пример работу, которую проделал осенью в Америке сэр Уильям Тиррел, в результате чего между нашими странами установились сердечные отношения.

Беседа продолжалась часа два, мы решили возобновить ее в ближайшее время. Пока же главная мысль была принята, а именно: заинтересованные стороны должны вести открытую и откровенную политику.

Они заявили мне, что между Англией, Францией и Россией нет писаного соглашения, их договоренность выражает попросту взаимную симпатию и решимость оберегать интересы друг друга.

Сэр Эдуард был в исключительно хорошем настроении и особенно горячо говорил о вас. При нашем последнем свидании он сказал мне, что при первом удобном случае намерен публично высказать в палате общин свое мнение о том, что было сделано вами для улучшения международных отношений.

Вчера я завтракал у Ллойд-Джорджа, вел с ним интереснейший разговор и убедился, что он удивительно плохо осведомлен об Америке и ее установлениях. Подробнее расскажу вам об этом при личном свидании.

В четверг на следующей неделе я завтракаю у премьер-министра и, если последует что-нибудь важное, снова напишу вам...

Преданный и верный вам *Э. М. Хауз*».

Хауз не только подчеркивал негативную сторону задачи— необходимость устранения факторов, угрожавших европейской войной, но настаивал также на положительной программе международного сотрудничества с конструктивной целью. Это был тот же план, который он обсуждал с Пэйджем и Бернсторфом,—план, намечавший соглашение между великими мировыми державами по вопросу о разработке и защите отсталых частей мира и заключавший также зародыш идеи мандатов, в дальнейшем разработанной Лигой наций. Как-то в холодный вечер, сидя перед камином в поместье Тиррела, он изложил свой план сэру Сесилю Спринг-Райсу и сэру Уильяму Тиррелу. Спринг-Райс и Тиррел одобрили эту мысль, затем Хауз изложил ее Грэю.

Письмо Хауза президенту

Лондон, 26 июня 1914 г.

«Дорогой начальник!

Я взялся еще за одно дело, которое, надеюсь, вы одобрите. Я выдвинул такой план: пусть Америка, Англия, Франция, Германия и другие кредитующие и цивилизаторские нации заключат своего рода пробное соглашение. Цель соглашения—разработка плана, по которому, с одной стороны, инвеститоры поощрялись бы вкладывать свои средства на условиях разумного дохода и разработки при благоприятных условиях пустующих частей мира, а с другой стороны—устанавливались бы условия, гарантирующие сохранность этих капиталовложений.

Я предложил, чтобы в каждом государстве было указано населению, что ростовщические проценты и концессии, ведущие к порабощению слабых и отягощенных долгами стран, больше не будут допускаться; что в будущем к этим капиталовложениям должны применяться те же законы, которые установлены для частных займов в цивилизованных странах.

Вопрос этот я поднял в среду за завтраком; Грэй, Холдэйн и Крю с одинаковой сердечностью приняли участие в его обсуждении. Я сказал им, что хотел бы знать их мнение с тем, чтобы я мог изложить его вам по моем возвращении.

Если бы этот план можно было осуществить, он не только положил бы конец бесчисленным международным трениям, порождаемым такими вещами, но он был бы шагом вперед в создании устойчивых и здоровых условий в тех несчастных странах, которые

теперь дурно управляются и эксплоатируются,—в метрополиях и в колониях.

Верный и преданный вам *Э. М. Хауз*».

Представляя президенту какой-нибудь план, Хауз не ждал утвердительного отзыва. Очевидно, молчание президента он принимал за знак согласия, ибо однажды он выразился: «Если президент не спорит, я знаю, что можно уверенно продвигать дело, так как он редко выражает свое согласие словами, но когда он несогласен, он это всегда скажет». С Хаузом было обратное: мы часто находим в его заметках фразу: «Своим молчанием я показал, что не согласен».

В данном случае, не получив от президента телеграммы о несогласии, Хауз продолжал разрабатывать свой план. 3 июля он собрал у себя американских послов в Великобритании и Италии, английского посла в Соединенных штатах и сэра Уильяма Тиррела. Спринг-Райс составил для сэра Эдуарда Грэя меморандум, где были изложены основы плана Хауза с тем, чтобы министерство иностранных дел было вполне осведомлено о его содержании.

Письмо Хауза президенту

Лондон, 4 июля 1914 г.

«Дорогой друг!

...Сэр Сесиль Спринг-Райс, сэр Уильям Тиррел, Уолтер Пэйдж и Томас Нелсон Пэйдж, который сейчас здесь, были приглашены мною вчера на завтрак для более детального обсуждения...

Тиррел сказал мне, что сэр Эдуард Грэй глубоко заинтересован предложением, целиком одобрил его общую цель и можно рассчитывать на содействие его правительства.

Все согласились на том, что если бы подобное соглашение было достигнуто, то в будущем можно было бы избежать массу трений и что оно в не меньшей мере, чем любое иное мероприятие, поможет установлению международной дружбы.

План, конечно, целиком основывается на вашей речи в Мобиле, и мы попросту пытаемся создать нечто конкретное из того, что вы уже в общем объявили линией своей политики. Я предложил сохранить дело в полной тайне, пока я не поговорю с вами и вы решите, как лучше всего добиться,—если это вообще возможно,— согласия всех других правительств. Мне кажется неразумным, чтобы стало известно, что Англия первая приняла это предложение.

Тиррел предложил, чтобы после того, как мы здесь разработаем приемлемый для его правительства план, я представил его вам на одобрение и для исправлений. Тогда вы могли бы, если найдете нужным, предложить его другим правительствам через Жюссе-

рана, как старшину дипломатического корпуса в Вашингтоне, на деле же потому, что центральные и южноамериканские республики будут более расположены к проекту, исходящему от латинского государства.

Тиррел и Спринг-Райс встретятся со мной еще раз в среду, для окончательного согласования проекта. Пэйджа, возможно, не будет. Я считаю, что ему лучше не быть, так как его присутствие придало бы делу несколько официальный характер, чего мы хотели бы избежать.

Я слегка коснулся этого плана в разговоре с кайзером и уверен, что он его тоже одобрит. Это было удачно, поскольку можно будет сказать, что план был предложен ему первому.

Верный и преданный вам *Э. М. Хауз.*

P.S. Как говорит Пэйдж, это конкретный пример того, чего можно было бы достигнуть, если бы возможно было установить лучшие международные взаимоотношения».

Лично сэр Эдуард Грэй очень сочувствовал предложению Хауза, ибо он тоже хотел сделать все, что было в его силах, чтобы убедить Германию в миролюбивых намерениях англичан, а также для того, чтобы заложить фундамент для постоянной системы международного сотрудничества. Сознавал ли он, что тут необходимо действовать быстро, но что, к несчастью, быстро действовать было невозможно. Приходилось считаться с опасениями Франции и России, и Тиррел сообщил Хаузу, что Грэй продумывает способы установления контакта с Германией без того, чтобы другие члены Антанты почувствовали себя задетыми. Зло системы довоенных союзов делало прямодушные переговоры невозможными. Грэю, видимо, не хотелось ехать в Киль, как это предлагал Хауз. Более того, главное внимание английского кабинета в то время было обращено на ирландский кризис, и очень трудно было убедить членов кабинета в том, что международное положение для предупреждения взрыва требует немедленного вмешательства.

Хауз томился этими проволочками, но философски продолжал поддерживать светские знакомства, из которых потом можно было бы извлечь дипломатическую выгоду. Сотрудник «Таймс» Сидни Брукс как-то спросил его, предпочитает ли он встречаться с «политиками или джентльменами?» Между тем именно с ним Хауз завтракал у Ллойд-Джорджа...

«*25 июня 1914 г.* В девять утра за мной зашел Сидни Брукс,— записывает Хауз,—и мы отправились на завтрак к канцлеру казначейства. Мы несколько опоздали, и Ллойд-Джордж уже дожидался меня. На завтраке были также: губернатор Золотого Берега Клиффорд и дочь Ллойд-Джорджа. Завтрак был организован запросто, как это принято у англичан: каждый сам подходил к стоявшему в стороне столу и выбирал, что хотел. Меню состояло

из жареной рыбы, колбасы, ветчины, яиц, фруктов, чая и кофе. Джордж (Ллойд-Джордж) ел с аппетитом...»

Неделю спустя Хауз был на завтраке у премьер-министра. «*2 июля 1914 г.* После того как дамы удалились, Асквит попросил меня подсесть к нему поближе для разговора, который длился минут пятнадцать-двадцать. Говорил почти я один. Вначале мы беседовали о том, какое удобство представляется, когда члены кабинета одновременно являются и членами парламента или конгресса. Я заметил, что чувствую себя здесь почти как дома, хотя бы потому, что нападки на английское правительство аналогичны тем, которым подвергается правительство Вильсона и исходят от одних и тех же людей. Это показалось ему забавным. Я продолжал: цели правительства либеральной партии и демократической партии весьма схожи; если бы консерваторам обеих стран была дана воля, то в конце концов, вероятно, многие из них лишились бы своих богатств и висели бы на фонарных столбах. Асквит с этим согласился...

По обычаю, Асквит прошелся насчет Брайана. Я разъяснил, почему президенту пришлось ввести его в кабинет. Он согласился, что президент поступил разумно, но считает достойным сожаления, что это оказалось необходимым. Такие замечания я слышу повсюду: в Германии, во Франции и здесь. Все несправедливы к Брайану, но бороться с этим отношением совершенно невозможно, можно только повредить той цели, к которой стремишься».

6

Пока Хауз дожидался какого-нибудь определенного ответа от Грэя для передачи кайзеру, была брошена та искра, которая зажгла нагромождавшуюся в течение десятилетий дипломатических конфликтов гору легко воспламенимого материала. 28 июня наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд был убит сербским националистом в главном городе Боснии—Сараеве. Можно уверенно сказать, что очень немногие англичане когда-либо слыхали об эрцгерцоге; еще сомнительнее, чтобы они могли найти на карте ту захолустную столицу, и все же таковы были дипломатические тенета, в которые попала Европа, что не прошло и шести недель, как английские солдаты пошли на смерть по бельгийской границе.

Весть об убийстве эрцгерцога застигла Лондон в апогее ирландского кризиса и суфражистской агитации и произвела не бо́льшее впечатление, чем голос тенора в котельном цехе. Спустя несколько дней английский министр иностранных дел высказал опасение по поводу положения в Юго-восточной Европе, но кабинет министров был все еще во власти вопросов внутренней политики. В Берлине пресса открыто говорила об опасности политического кризиса,

а германское правительство, в секретном порядке, дало Австрии санкцию на любые ответные репрессалии, какие та сочтет нужным принять в отношении Сербии. Но, повидимому, никто не подозревал, что выданная так опрометчиво карт-бланш приведет к мировой войне и к разрушению Германской империи. Высшее командование армии и флота не было вызвано в Берлин, министр иностранных дел продолжал свою свадебную поездку, планы кайзера о морской прогулке остались неизмененными. Джерард с воодушевлением писал Хаузу о своем возвращении в августе в Соединенные штаты.

Письмо Джерарда Хаузу

Берлин, 7 июля 1914 г.

«Дорогой полковник!

Я был в Киле на яхте г-на А., жена еще и сейчас там. Приехал только на празднование нашей колонией 4 июля[1].

Был на обеде у кайзера и на завтраке у фон Тирпица до того, как пришли известия об убийстве Франца-Фердинанда. Оба они очень восторженно отзывались о вас. Фон Тирпиц благодарил меня за предоставленную возможность познакомиться с вами. Мы почти окончательно решили уехать в Соединенные штаты 12 августа, на пароходе «Фатерланд». Еще до моего возвращения я, конечно, снесусь с вами, где бы вы ни оказались.

Кайзер предлагал мне быть с ним на его гоночной яхте во время гонок в Киле, но убийство в Боснии помешало мне провести с ним этот день.

Из-за тенниса мой почерк совершенно неразборчив.

Когда вы отплываете?..

В Берлине тихо, как в могиле...

Всегда ваш *Джэйс У. Джерард*».

Как мрачно звучит в свете последующих событий эта заключительная фраза: «В Берлине тихо, как в могиле». Это был канун «светопреставления».

По иронии судьбы, как раз в тот момент, когда Австрия, заручившись смелым одобрением Германии, замышляла свое нападение на Сербию, когда машина войны была уже готова притти в движение, английское министерство иностранных дел дало определенный, хотя и запоздалый ответ на предложение Хауза. 3 июля он был извещен Тиррелом, что Грэй просит его передать кайзеру о миролюбивых настроениях Великобритании для того, чтобы начать дальнейшие переговоры. Хауз тотчас написал кайзеру большое письмо.

[1] Национальный праздник в Соединенных штатах—день провозглашения независимости.

Письмо Хауза президенту

Лондон, 3 июля 1914 г.

«Дорогой друг!

...Тиррел сообщил сегодня, что сэр Эдуард Грэй просит меня передать кайзеру о впечатлениях, вынесенных из переговоров с английским правительством относительно установления лучшего взаимопонимания между европейскими державами, и постараться получить ответ еще до моего отъезда. Сэр Эдуард указал, что он не считает возможным передавать что-либо в официальном порядке, или в письменной форме, опасаясь задеть самолюбие Франции и России, если об этом станет известно. Он считает, что это как раз такая вещь, которую лучше всего делать неофициально и неформально.

Он также сказал Пэйджу, что по этому вопросу у него была долгая беседа с германским послом в Великобритании и через него он передал кое-что непосредственно кайзеру.

Так что, как видите, дело идет в нужном направлении с той быстротой, на какую можно было надеяться.

Преданный и верный вам *Э. М. Хауз*».

Письмо Хауза кайзеру

Лондон, Американское посольство,
7 июля 1914 г.

Его императорскому величеству императору Германии[1]*, королю Пруссии. Берлин, Германия.*

«Сэр!

Ваше императорское величество несомненно вспомнит нашу беседу в Потсдаме и то, что с согласия и одобрения президента я приехал в Европу с целью выяснения возможности соглашения между великими державами о продолжительном мире, а в дальнейшем—о благотворной экономической перегруппировке, которая стала бы возможной вследствие уменьшения вооружений.

По причине руководящего положения, занимаемого вашим величеством, и благодаря хорошо известному вашему стремлению к сохранению мира, я направился, как вашему величеству это известно, прямо в Берлин.

Я никогда не забуду милостивого приема, оказанного общей цели моей миссии, вашего мастерского изложения современного мирового политического положения и пророческих указаний о будущем, сделанных вашим величеством.

[1] Титул кайзера был «Германский император», а не «император Германии», хотя он всегда добивался этого последнего титула. Но ревнивость германских князьков препятствовала ему в этом. Была ли эта лесть со стороны Хауза намеренной или случайной? На копии письма есть надпись рукой Хауза: «Написав это письмо, я показал его советнику посольства Эрвину Лафлину, который настоял на этом ходульном стиле, который я так не люблю».

Я тогда получил от вашего величества всяческие заверения в сердечном одобрении вашим величеством целей президента и уехал из Германии в радостной уверенности, что исключительное влияние вашего величества будет употреблено на дело мира и на расширение мировой торговли.

Во Франции я старался постичь мнение ее народа о Германии и узнать, каковы ее чаяния. К отъезду у меня сложилось мнение, что государственные деятели Франции оставили все мысли о реванше и об обратном получении потерянных двух провинций. Народ вообще еще питает надежды в этих двух направлениях, но ее более осведомленные правители были бы вполне удовлетворены, если бы была обеспечена самостоятельность Франции в ее теперешнем виде.

После всего этого, сэр, еще с бо̀льшими надеждами я приехал в Англию, и в этих надеждах я не был разочарован.

Сперва я обратился к сэру Эдуарду Грэю, со стороны которого я встретил в высшей степени сочувственное отношение. После обсуждения вопроса в продолжение двух часов мы условились встретиться еще раз через несколько дней. Из этого я вывел заключение, что он хочет посоветоваться с премьером и со своими коллегами.

При следующем обсуждении, снова продолжавшемся два часа, присутствовали лорд-канцлер граф Крю и сэр Уильям Тиррел. А с тех пор я виделся с премьер-министром и почти со всеми наиболее влиятельными членами английского правительства и убежден, что они стремятся к такому взаимопониманию, которое положило бы основание постоянному миру и безопасности.

Англия по необходимости должна действовать осторожно, чтобы не задеть чувств Франции и России, но при изменении настроения во Франции нужно ожидать постепенного улучшения отношений между Германией и ею,—улучшения, которому Англия теперь будет рада способствовать.

Хотя достигнуто уже многое, но остается еще желать кое-чего для создания средств более легкого и откровенного обмена мнениями и целями. Никто лучше вашего величества не знает о необычном брожении, происходящем в настоящий момент во всем мире, и нет никого, кто был бы в лучшем положении для достижения здравого и разумного понимания между государственными деятелями западных народов, с целью способствовать нерушимости нашей цивилизации.

Хотя, как вашему величеству известно, это мое сообщение является совершенно неофициальным, оно составлено в духе хорошо известных взглядов президента, и, насколько мне дали понять, со стороны правительства Великобритании существует надежда, что мое сообщение вызовет у вашего величества отклик, который даст возможность предпринять следующий шаг.

Разрешите мне, сэр, закончить цитатой из только что полученного мною письма президента:

«Ваше парижское письмо, написанное сейчас же по приезде из Берлина, вселило в меня чувство глубокой радости. Я верю и надеюсь, что вы положили начало великому делу, и радуюсь этому всем сердцем».

Имею честь быть с глубочайшими уважением вашего величества преданнейший слуга *Эдуард М. Хауз*».

Так кайзеру была предоставлена последняя возможность: он получил заверение от незаинтересованного лица, что если Германия действительно захочет мира, ей будет оказана в этом активная поддержка со стороны Соединенных штатов и содействие Великобритании. Это был ясный ответ на обвинение в том, что политика Грэя направлена к окружению и изоляции Германии. Увы, к тому времени, когда письмо Хауза дошло до Германии, Вильгельм II был уже в норвежских водах, чтобы оттуда быть вызванным в связи с предъявлением Австрией ультиматума Сербии и сразу сгустившимися военными тучами.

«Великая затея» окончилась неудачей. Но попытка Хауза предотвратить войну, вероятно, была не так безрезультатна, как может показаться поверхностному наблюдению. Опыт, накопленный за эти месяцы жизни в Европе, закончившийся внезапным наступлением тех ужасов, которых он опасался, убедил его в необходимости международной организации и укрепил его уверенность в том, что для такой организации нужна какая-нибудь положительная цель. В сущности он уже тогда был носителем идеи Лиги наций, и в этом отношении его влияние на Вильсона явилось историческим фактором большой важности. Среди документов Хауза есть многозначительная заметка о беседе с президентом, происходившей сразу же после начала войны.

«*30 августа 1914 г.* Я изложил свой план, относящийся к отсталым народам, и рассказал, с каким воодушевлением он был принят английским правительством, насколько эффективным оно считало его для достижения лучшего взаимопонимания между великими державами. Если бы мы смогли осуществить этот план, то, по всей вероятности, эта война не разразилась бы, потому что регулярный обмен мнений держав и конкретные примеры всех тех добрых дел, каких можно достигнуть соединенными усилиями, сделали бы невозможным пожар, подобный тому, что происходит сейчас».

Примечание: «Приезд Хауза в Берлин и Лондон весной 1914 г,—заметил при мне император Вильгельм в Дорне,—едва не предотвратил мировую войну».

Георг Сильвестр Вирек.

ГЛАВА IV (X)

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

«Он (Вильсон) идет еще дальше моего в осуждении роли Германии в этой войне...»

(Из дневника Хауза, 30 августа 1914 г.)

1

Хауз отплыл из Европы 21 июля и спустя восемь дней прибыл в Бостон. Перед самым отплытием он получил известие, что английское министерство иностранных дел начинает понимать серьезность международного положения.

«*20 июля 1914 г.* Тиррел сообщил мне от имени сэра Эдуарда Грэя, что тот хотел бы до моего отъезда уведомить меня о своем серьезном беспокойстве по поводу австро-сербских отношений».

Итак, опасения, которые появились у Хауза в Берлине, стали принимать реальные очертания. 23 июля Австрия предъявила Сербии ультиматум, составленный так, чтобы вызвать войну, а через пять дней, отшвырнув сербский ответ как неудовлетворительный, она начала бомбардировку Белграда. Гражданские власти Германии внезапно осознали опасность пути, на который они были увлечены своим австрийским союзником и собственной милитаристской кликой. Как это ни глупо, но они отказались от предложенной Грэем конференции, которая могла бы послужить для охлаждения страстей, а после того, как объявленная Россией мобилизация на поддержку Сербии обострила кризис в Берлине, верх взяли руководители армии. Как и предсказывал Хауз, они не стали терять времени, а ударили сразу. Дипломатические и военные хитросплетения породили парадоксальное явление: русско-германская война, вызванная конфликтом между Австрией и Сербией, началась нападением на Францию с предварительным циничным и жестоким ударом по Бельгии. Великобритания, обязанная стать на защиту Бельгии по юридическим и на защиту Франции по моральным побуждениям и понуждаемая собственными государ-

ственными интересами, не могла остаться в стороне. Началась всеобщая война.

Хауз прибыл в Бостон, а оттуда—в Норт-Шор, до того как определился исход кризиса. Он все еще надеялся, что переданные им Вильгельму II заверения Великобритании в добрых чувствах укрепят миролюбивые настроения кайзера и Англия с Германией смогут добиться мирного исхода, как они сделали это в 1913 г. Если бы англичане не так долго раздумывали над его предложением, соглашение могло бы быть достигнуто еще до убийства Франца-Фердинанда.

Письма Хауза президенту

Прайдс Кроссинг, штат Массачусетс,
31 июля 1914 г.

«Дорогой начальник!

Во время моего пребывания в Германии для меня было ясно, что с точки зрения сохранения мира положение было очень затруднительное. Вспомните мое первое письмо к вам, когда я писал, в каком напряженном состоянии были Германия и Южная Европа.

Это впечатление я старался внушить сэру Эдуарду Грэю и другим членам английского правительства. Они, казалось, были поражены моим пессимистическим настроением и считали, что условия там стали лучше, чем они были в течение долгого времени. Хотя я и поколебал их уверенность, но мне это удалось не настолько, чтобы они поняли, что действовать необходимо быстро. Они предоставили события собственному течению, так что кайзер успел отплыть в норвежские воды до того, как мои собеседники дали мне определенный ответ для сообщения ему...

Я намеревался еще раз съездить в Германию и повидать кайзера, но консерватизм и медлительность сэра Эдуарда и его коллег сделали это невозможным.

Накануне своего отъезда сэр Эдуард известил меня о том, что он обеспокоен положением, но тогда он еще не предвидел того, что произойдет. У меня осталось впечатление, что если всеобщая война будет в конце концов предотвращена, это будет следствием создания лучших отношений между Англией и Германией. Англия оказывает сдерживающее влияние на Францию и, насколько возможно, на Россию, хотя в последнем случае—незначительное.

Если бы удалось подвинуть дело несколько дальше, Германия нажала бы на Австрию и можно было бы сохранить мир до тех пор, пока не удалось бы достигнуть лучшего взаимопонимания.

В Англии мне говорили, что Россия считает, будто Германия стремится усилить влияние Австрии и Германии в балканских

странах, дабы уничтожить ее влияние. Очевидно, Россия готовилась к каким-то решительным действиям с тех пор, как кайзер два года тому назад перебросил на восточную границу несколько сот тысяч войск и заставил Россию тем самым отказаться от своих притязаний в отношении балканских дел...

Преданный и верный вам *Э. М. Хауз*».

Прайдс Кроссинг, Массачусетс,
1 августа 1914 г.

«Дорогой начальник!

Для вас теперь наверно представят некоторый интерес кое-какие факты, которые сообщаю вам сейчас, не дожидаясь нашего свидания.

Сэр Эдуард Грэй заявил мне, что у них нет письменного договора или формального союза с Россией или с Францией; нынешнее положение создалось просто из взаимного стремления к защите; они обсуждали международные дела так же откровенно, как если бы между ними существовало письменное соглашение...

Крайняя опасность кроется в том, что какое-нибудь открытое выступление может создать совершенно бесконтрольную ситуацию. Германия в исключительно нервном и напряженном состоянии, и она знает, что наилучшее для нее условие успеха—это ударить сразу и крепко, поэтому один страх может заставить ее прибегнуть к предупреждению событий, как к средству обеспечения ее безопасности.

Разрешите мне посоветовать вам не позволять Брайану делать какие-либо предложения замешанным в войну государствам. Его считают сугубым мечтателем, и его выступление только ослабило бы в будущем ваше влияние, если бы вы пожелали его использовать сами...

Если бы я был уверен, что перенесу жару, я приехал бы в Вашингтон повидаться с вами, но боюсь, что по приезде туда, я окажусь в беспомощном состоянии. Хотелось бы, чтобы вы выбрали время проехаться на «Мэйфлауэр», в наши воды, на несколько дней, так, чтобы я мог присоединиться к вам.

Верный и преданный вам *Э. М. Хауз*».

В то самое время как Хауз писал эти письма, свершилось то, чего он боялся. Под давлением технических доводов, которым он не в силах был противостоять, канцлер поддался влиянию военщины и опустил руки. Германия направила России ультиматум, сделавший войну неизбежной, и бросила на Бельгию авангард своей армии, предназначенной для завоевания Франции.

Письмо Циммермана Хаузу

Берлин, 1 августа 1914 г.

«Дорогой полковник!

Считаю долгом сообщить вам, что я передал его величеству письмо, которое вы направили его величеству из Лондона. Мне приказано передать вам его искреннюю благодарность.

Император с величайшим интересом ознакомился с содержанием письма. Увы, его напряженные искренние усилия сохранить мир не увенчались успехом. Я опасаюсь, что поведение России вовлечет старый мир, и в особенности нашу страну, в ужаснейшую войну. В настоящий момент нет возможности вести переговоры о столь желанном соглашении, которое могло бы положить основание постоянному миру и безопасности.

С уверениями в глубочайшем уважении я остаюсь, дорогой полковник, искренно ваш *Циммерман*».

От Пэйджа из Лондона также пришло хотя и завуалированное, но очень выразительное указание на то, какие усилия употребил Хауз для предотвращения войны. Пэйдж передал прессе следующее заявление:

«Я хотел бы разъяснить одно обстоятельство, о котором мне много говорили. Многие считают, что Соединенные штаты не использовали величайшей возможности. Я должен заявить, что Соединенные штаты сделали все возможное для предотвращения войны. И если когда-нибудь какое-нибудь дело делалось исчерпывающе, то именно это».

С другой стороны, английский посол в Вашингтоне, сэр Сесиль Спринг-Райс, пошел еще дальше, заявив, что хотя привезенные Хаузом из Берлина сведения и открыли Грэю глаза на положение вещей, но возможно, что действия Хауза невольно послужили одной из причин, ускоривших начало войны. «Вы так близко подошли к тому, чтобы сделать невозможной всеобщую войну,— заявил он Хаузу,—что военные партии в Берлине и Вене забеспокоились. Они, возможно, знали, зачем вы приезжали в Берлин и о чем говорили с кайзером. Они, очевидно, также знали, зачем вы отправились в Англию, и несомненно были знакомы с содержанием вашего письма к кайзеру. Эти факты, а также переговоры сэра Эдуарда Грэя с германским послом в Лондоне испугали военные партии и они воспользовались убийством наследного принца и отъездом кайзера для того, чтобы развязать события, считая, что они дошли до распутья: теперь или никогда!».

Такое предположение интересно, хотя и не совсем убедительно.

Восемь месяцев спустя Хауз сделал для себя запись, смысл которой в общем совпадает с мнением позднейших историков, имевших возможность изучать германские официальные документы.

«*15 апреля 1915 г.* Меня часто спрашивали, какого я мнения о причинах войны,—записывает он,—и хотя я никогда его не высказываю, не мешает, однако, записать его здесь.

Для меня ясно, что кайзер не хотел войны и на самом деле не ожидал ее. Он сделал глупость, позволив Австрии довести дело до острого конфликта с Сербией, и считал, что если он будет твердо стоять за свою союзницу, то Россия ограничится решительным протестом, вроде того, что было при аннексии Австрией Боснии и Герцоговины. Тогда оказалось достаточным бряцанье оружием: кайзер думал, что так случится и теперь, он не ожидал, что Великобритания вступит в войну из-за того, что произошло на юго-востоке. Уже дважды до того попробовал он сцепиться с Англией на западе и убедился, что уступать приходится ему; поэтому можно было не опасаться того, что он еще раз вмешается в дела там, где были задеты интересы Англии. А на этот раз он считал, что отношения Германии с Англией настолько улучшились, что та не пойдет на защиту России и Франции настолько далеко, чтобы начать войну с Германией.

И он так далеко зашел в том, что может быть названо «блефом», что в последний момент оказалось невозможным отступить, ибо события вышли из-под повиновения. У него нехватило дальновидности, чтобы предупредить результаты, как нехватило у него проницательности, чтобы понять, что создание громадной военной машины неминуемо должно привести к войне. Германия очутилась в руках группы милитаристов и финансистов, и ради их интересов стало возможным это ужасное положение.

2

Вильсон оказался лицом к лицу с политическим кризисом в тот момент, когда он был поглощен личным несчастьем: жена его в это время была при смерти. «Его бремя тяжелее, чем у любого президента со времен Линкольна,—писал Хауз Пэйджу 6 августа,—популярность его крайне возросла за эти десять дней, и едва ли во всей стране услышишь нотку недовольства. Я думаю, что в истории о нем останется память, как об одном из самых великих, если не о самом великом из президентов страны».

Эти дифирамбы порождались скорее общим восхищением Хауза перед президентом, чем деяниями последнего в момент наступления кризиса, так как он мало что мог сделать. Под давлением резолюции сената и в разрез с мнением Хауза, Вильсон формально обратился к воюющим сторонам, предлагая свои услуги в качестве посредника. Но как и можно было ожидать, это не оказало никакого влияния.

Письмо Хауза президенту

Прайдс Кроссинг, Массачусетс,
5 августа 1914 г.

«Дорогой начальник!

...Если обращение будет выпущено, то разрешите посоветовать, чтобы было указано, что это делается по вашему собственному почину. Если публика у нас или в Европе подумает, что это делается по инициативе Брайана, то сразу же решит, что дело ставится непрактично и обречено на провал с самого начала.

Мне не хотелось бы постоянно возвращаться к Брайану, но вы не можете знать в такой степени как я, что́ о нем думают в этом отношении. Мы с вами лучше понимаем положение и знаем, что по отношению к нему допускается грубейшая несправедливость. Но тем не менее в настоящий момент невозможно заставить людей думать иначе.

Вам, возможно, будет интересно услышать, что Олни высказал сожаление о том, что не принял вашего предложения посольского поста в Лондоне. По его словам, он не представлял себе того, что на этом посту придется заниматься чем-нибудь иным, кроме светской деятельности.

Сердце мое все еще полно глубокого признания за ваше письмо от 3 августа. Не получая от вас писем, я никогда не беспокоюсь. Никакая человеческая сила не может заставить меня усомниться в вашей дружбе и привязанности. Что моя жизнь целиком посвящена вашим интересам, вы, я думаю, знаете, и я никогда не перестаю стараться вам служить.

Ваш верный и преданный *Э. М. Хауз*».

Посредническое предложение президента было простым выражением готовности выступить. Посланное монархам воющих стран, оно гласило:

«Сэр!

Как глава одной из держав, подписавших Гаагскую конвенцию, я считаю своим правом и своим долгом, согласно 3 пункту конвенции, заявить вашему величеству в духе самой искренней дружбы, что я буду приветствовать возможность оказать содействие делу европейского мира в настоящий момент или в любое время, которое может оказаться подходящим, рассматривая это, как возможность служить вашему величеству и всем заинтересованным тем путем, который доставит мне незабываемое чувство радости и благодарности.

Вудро Вильсон».

Две недели спустя президент Вильсон выпустил обращение к гражданам республики, требуя их поддержки в сохранении нейтралитета. Впоследствии это обращение вызвало острые нападки на пре-

зидента со стороны антантофильских элементов, особенно на атлантическом побережье; но в тот момент, как указывает на это Хауз, общественное мнение, очевидно, сердечно его одобряло. В своем обращении Вильсон исходил не из безразличного отношения к войне, а из предвидения опасности для Соединенных штатов в случае, если начнут формироваться фракции, поддерживающие ту или иную группу воюющих держав.

«Легко возбудить страсти,—заявлял президент,—но трудно их успокоить. Те, кто будут повинны в возбуждении их, возьмут на себя тяжелую ответственность,—ответственность за то, что народ Соединенных штатов, чья любовь к родине и лойяльность к своему правительству должны объединить его воедино, как американцев, обязанных из чувства чести помышлять прежде всего о родине и ее интересах,—будет делиться на враждующие лагери, горячо восстановленные друг против друга, вовлеченные в подлинную войну, если и не действий, то войну настроений и помыслов... Каждый гражданин, действительно любящий Америку, должен действовать и выступать в истинном духе нейтральности, который является духом беспристрастия и справедливости и дружественности ко всем».

Письмо Хауза президенту

Прайдс Кроссинг, Массачусетс,
22 августа 1914 г.

«Дорогой начальник!

Надежда на скорое свидание побуждала меня надеяться, что я смогу лично выразить вам свое мнение о том, как блестяще вы справляетесь с трудностями, возникающими перед вами изо дня в день.

Ваше обращение о нейтралитете—одно из прекраснейших ваших деяний; оно встречено всеобщим одобрением. Ежедневно республиканские газеты в своих передовых говорят о вас так, как если бы вы принадлежали к их партии, а не были предметом поклонения нашей партии.

Обследование пищевой промышленности, закон о торговом мореплавании, закон о страховании от военного риска и все, что вами делается, дает всему народу основание поздравлять себя с тем, что у кормила правления стоите вы и что вы служите народу так, как не мог бы никто другой.

Война, конечно, продолжает быть элементом, порождающим беспорядок и неопределенность. Досадно, что Япония вмешалась в общую драку, ибо это возлагает на нас дополнительную заботу о том, чтобы не оказаться также вовлеченными.

Самое печальное во всем этом положении для меня то, что ничего хорошего от него нельзя ожидать. Если победят союзники,

то это, главным образом, будет означать господство России на европейском континенте. Если же победит Германия, это означало бы пришествие на целые поколения несказанной тирании милитаризма.

В основном немцы выполняют роль, несвойственную их природным инстинктам и наклонностям, и это только показывает, какими извращенными могут стать люди под действием привычки и окружающей среды.

Успех Германии, в конечном счете, означал бы большие заботы для нас. Нам пришлось бы сойти с того пути, который вы осветили для будущих поколений, с постоянным миром как конечная цель и новым международным кодексом морали, как путеводной звездой, и вместо этого создавать военную машину грандиозных размеров.

Верный и преданный вам *Э. М. Хауз*».

В последующие годы президента Вильсона резко критиковали за то, что в этот период он не проводил более решительной политики. Как участник Гаагской конвенции, заявляли критики, Соединенные штаты должны были протестовать против оккупации немцами Бельгии, и президент должен был определенно дать понять, что симпатии Соединенных штатов на стороне стран Антанты. В этом случае упускается из виду, что к тому времени мнение страны в целом еще не выкристаллизовалось и протесты, равно как и изъявления симпатий, более чем бесполезны, если правительство не намерено сойти с позиции нейтралитета.

В то время очень мало кто имел смелость предложить, чтобы Соединенные штаты вступили в войну. Теодор Рузвельт, впоследствии ставший одним из наиболее решительных сторонников участия в войне, в то время, в статье, в журнале «Аутлук», поздравлял страну с тем, что, будучи отделенной от Европы, она может соблюдать нейтралитет[1].

Пэйдж, который несколько месяцев спустя настаивал на том, чтобы Соединенные штаты разорвали дипломатические отношения с Германией, писал Хаузу 28 августа 1914 г.: «... Какую величавую картину представляет наша страна! Мы избежали кровопролития, мы избежали огрубения, улаживать все это придется нам, и в любом случае мы выигрываем». А английский

[1] «Наша страна одна среди великих цивилизованных держав не потрясена настоящей мировой войной. За это мы должны быть преисполнены покорной и глубокой благодарности. Все мы, жители этой части света, должны понять, какое счастье для нас в том, что мы, люди Западного полушария, свободны от действия причин, породивших жгучую и мстительную ненависть среди великих военных держав Старого Мира... Несомненно желательно, чтобы мы оставались совершенно нейтральными, и только абсолютная необходимость оправдала бы нарушение нами нейтралитета и переход на ту или иную сторону». «Аутлук», 23 сентября 1914 г.

посол сэр Сесиль Спринг-Райс писал Хаузу 12 сентября: «Я надеюсь и верю, что по крайней мере одна часть мира будет от этого свободна».

Одним из редких американцев, который в тот момент имел мужество заявить, что Соединенные штаты должны занять более определенную позицию с целью обеспечить поражение Германии, был Чарлз У. Элиот. Это заявление интересно еще тем, что д-р Элиот проявил тогда, как и всегда, то душевное равновесие, которое дало ему возможность воздержаться от критики Вильсона, когда тот отказался сделать решительные шаги. Элиот признавал, что ни он, ни кто-нибудь другой в Америке, не могут знать все факты настолько, чтобы настаивать на том пути, который он на первых порах рекомендовал; он признавал также, что Вильсон не мог быть уверенным, будет ли общественное мнение Соединенных штатов поддерживать более решительные действия. Более того, оказывается, что после тщательного размышления Элиот пришел к тем же заключениям, что и президент.

Историк может с основанием спросить: не сократила ли бы на много месяцев войну предложенная д-ром Элиотом политика и не избавила ли бы она от необходимости посылки американской армии в Европу? Не было ли бы это также прямым шагом к Лиге наций? Доводы Элиота произвели на Вильсона такое впечатление, что он зачитал письмо на заседании кабинета и внимательно обсуждал его предложение с Хаузом. Однако он написал ему, что считает его предложение неосуществимым.

Письма д-ра Элиота президенту

Астику, штат Мэн,
8 августа 1914 г.

«Дорогой президент!

В течение трех дней я задерживал отправку прилагаемого письма к вам и еще дольше воздерживался бы от его посылки в эти горестные для вас дни, если бы я не подумал, что при таких обстоятельствах страждущий может найти некоторое облегчение и успокоение в том, что решит в дальнейшем делать все от него зависящее для помощи другим страждущим и обездоленным.

В настоящий момент миллионы людей стоят перед лицом смерти или страданий для себя и нищеты и разорения для своих семей, и миллионы женщин страшатся потери возлюбленных, кормильцев и друзей, и, возможно, вы в силах сделать что-нибудь для того, чтобы приостановить их страдания и предупредить их возникновение.

В такой попытке вы нашли бы истинное утешение.

С полнейшей симпатией в постигшем вас горе
остаюсь искренно ваш *Чарлз У. Элиот*».

Астику, штат Мэн,
6 августа 1914 г.

«Дорогой президент!

Не представляется ли в настоящее время для Соединенных штатов случай предложить Британской империи, Франции, Японии, Италии и России объединиться с Соединенными штатами в наступательный и оборонительный союз для острастки и наказания Австро-Венгрии и Германии за те ужасы, которые они творят, путем установления бойкота этих двух стран всем остальным миром—на суше и на море? Обе эти державы проявили себя теперь совершенно ненадежными соседями и военными насильниками худшего сорта; и Германия—худшая из двух, ибо она уже напала на нейтральную страну.

Если позволить им добиться успеха в их теперешних начинаниях, то над всеми европейскими народами будет постоянно висеть угроза внезапного нападения, тогда бремя расходов по гонке вооружений придется нести еще сорок лет, и доли участия в этих потерях и страданиях не избежать и нам. Стоимость содержания громаднейших вооружений не оставляет великим державам средств на улучшение положения населения и на развитие мирового прогресса в отношении народного здравия, свободы и производительности промышленности.

Неужели ради такой цели и ввиду изменившихся условий народ Соединенных штатов не одобрил бы отказ от заветов Вашингтона о том, что Соединенные штаты должны стоять в стороне от европейских осложнений?

Блокаду Германии и Австро-Венгрии нельзя провести полностью, но она может быть установлена на суше и на море в таком объеме, чтобы промышленность обоих народов из-за приостановки импорта и экспорта была сильно искалечена в самое короткое время. Блокирующие страны смогут временно воспользоваться кое-какими коммерческими преимуществами, а часть этих преимуществ можно будет сохранить, пожалуй, навсегда.

Это предложение предполагает участие в блокаде нашего флота и может поэтому повлечь потери людьми и достоянием. Но дело это достойно тяжелых потерь, и я склонен верить, что народ наш поддержит правительство в его активном участии в такой попытке наказать международных преступников и способствовать международному миру в будущем.

Нельзя ли начать по телеграфу переговоры по этому вопросу? Соединенные штаты несомненно лучше других стран подходят для того, чтобы выдвинуть подобное предложение. Таким образом мы поможем общему делу мира, свободы и доброй воли среди человечества.

Мысль эта для меня не совсем нова. Недавние ужасающие деяния Австро-Венгрии и Германии воскресили в моей памяти

отрывки из глав моей книги-отчета «Некоторые пути к миру», написанной год тому назад для «Фонда международного мира» Карнеджи,—это главы: «Боязнь нападения» и «Неприкосновенность частной собственности от захвата на море». Возмутительные происшествия последних двух недель подкрепили выводы, к которым я пришел в своей книге, и как бы создают возможность нового и более серьезного применения выдвинутых в ней принципов.

Я передаю свое предложение целиком на ваше усмотрение в отношении его выполнимости и успеха в настоящий момент. Оно представляется мне действенной мерой международно-полицейского характера, соответствующей совершающимся преступлениям и могущим возникнуть в будущем конфликтам, и тем более напрашивающейся мерой, что европейский концерт держав и тройственный союз явно провалились. Оно, конечно, предполагает отказ всех европейских участников от всяких стремлений к насильственному расширению своей территории в Европе. Соединенные штаты недавно отказались от подобной политики в Америке. Оно предполагает также использование международных войск для наиболее скорой и основательной победы над Австро-Венгрией и Германией. Но в настоящее время это применение силы неминуемо в интересах защиты цивилизации от варварства и для установления и поддержания в будущем федеративных отношений и мира среди европейских народов.

С глубочайшим уважением
искренно ваш *Чарлз У. Элиот*».

Астику, штат Мэн,
20 августа, 1914 г.

«Дорогой президент!

Перечитывая свое письмо к вам от 17 августа, уточняющее предложение, изложенное в моем письме от 6 августа, я прихожу к заключению, что в настоящий момент было бы нежелательно «начать по телеграфу переговоры по этому вопросу», если бы оно и было выполнимо. К этому выводу я прихожу из двух соображений. Во-первых, мы, повидимому, не располагаем всеми сведениями о действительных намерениях и целях России и Германии,— во всяком случае мыслящая американская публика этих сведений не имеет и не может поэтому с полным основанием возложить главную вину за нынешнюю катастрофу на Германию. Чрезвычайная поспешность действий Германии не может не указывать на то, что ей были известны какие-то элементы положения, неведомые остальному миру. Я теперь не чувствую в себе той уверенности, какую чувствовал при составлении моего письма от 6 августа, основанного на доступных тогда сведениях. Во-вторых, переговоры нашего правительства с правительствами Франции и Великобритании, по необходимости тайные, нежелательны на данном этапе

военного конфликта. Тайная дипломатия вообще нежелательное явление, применяет ли ее свободное правительство или деспотическое. Таковы существенные возражения против предложенных мною переговоров.

Я склонен придавать больший вес некоторым аргументам за продолжение нашей традиционной политики нейтралитета при конфликтах между другими народами. Во-первых, представляется вероятным, что Россия, Великобритания и Франция вместе смогут нанести решительное поражение Германии,—единственный приемлемый исход этой жестокой войны; во-вторых, возможно, что воюющие в настоящий момент семь государств покажут всему миру весьма нужный пример того, что созданная во второй половине XIX века по всей Европе военная машина не может быть в какой-либо серьезной степени пущена в ход без того, чтобы не приостановить в опасных размерах всего производственного процесса и не причинить невообразимых страданий и бедствий. Нарушение производства и обмена, начавшееся 31 июля, не имеет равного в истории, и тем не менее гибель человеческих жизней и имуществ только еще началась. Если семь народов все это уже продемонстрировали, то остальным лучше держаться в стороне от конфликта.

По зрелом размышлении я прихожу также к мысли, что понадобится еще широкое публичное обсуждение заинтересованности свободных государств в реформе военных монархий в Европе, прежде чем американское общественное мнение санкционирует насильственное противодействие насилиям, совершенным милитаристскими монархиями Европы над своими слабейшими и более свободными соседями.

Я остаюсь при своем мнении, что в интересах цивилизации и мира нельзя допустить, чтобы Германия и Австро-Венгрия добились успеха в своих теперешних начинаниях.

Ваше обращение к народу об условиях действительного нейтралитета превосходно по форме и по содержанию.

Искренно ваш *Чарлз У. Элиот*».

Астику, штат Мэн,
22 августа 1914 г.

«Дорогой президент!

Мое письмо к вам от 20 августа разошлось с вашим письмом ко мне от 19-го. Ваше письмо получено мною вчера, 21-го. Я уже сам успел притти к заключениям, высказываемым вами...

С глубочайшим уважением и доверием
искренно ваш *Чарлз У. Элиот*».

3

Очень часто выдвигалось утверждение, что Вильсон придерживался политики нейтралитета вследствие своей приверженно-

сти к Германии и недооценки им проблем морали, поднятых войной и нападением Германии на Бельгию. Но такое утверждение основывается не на доказательствах, а на предположении, или на предубеждении. Это ясно вытекает из записи Хауза о посещении президента в его летней резиденции в Корниш, в конце августа 1914 г.

«*30 августа 1914 г.* Я рад был найти президента,—записывает он,—в такой прекрасной обстановке. Дом напоминает английские усадьбы. Вид—чудесный, а обстановка и меблировка сделаны комфортабельно и со вкусом. Президент сам проводил меня в отведенную комнату. Это та комната, которую занимала его жена, она соединена с его спальней общей ванной комнатой. Мы находимся в одном крыле дома и совсем одни. Лесенка из нескольких ступенек ведет вниз, в его кабинет, и там мы просидели с ним, обсуждая всякие дела, до часу дня, когда был сервирован завтрак.

Я рассказал о своем пребывании в Европе и подробно остановился на моей миссии. Он интересовался отдельными стоящими во главе правительств личностями и сказал потом, что мои сведения об этих лицах и о положении в Европе будут для него очень ценны.

Президент с большим чувством говорил о войне. Он сказал, что его сердце наполняется скорбью при мысли о том, как близко мы было подошли к предотвращению этой громадной катастрофы. Он считает, что если бы взрыв войны был отсрочен еще немного, он не произошел бы вовсе, ибо народы объединились бы намеченным мной путем.

Я подробно изложил ему то, что говорил сэру Эдуарду Грэю и другим членам кабинета: наилучшей гарантией мира были бы регулярные собрания ответственных государственных деятелей, где они обсуждали бы вопросы с той откровенностью и свободой, с какой это делают Великобритания и Соединенные штаты. Президент согласился, что это было бы наиболее действенной мерой, и снова выразил глубокое сожаление о том, что война наступила слишком скоро и таким образом помешала установлению такой политики. Он спрашивал себя, не пошло ли бы дело иначе, если бы я отправился в Европу раньше. Я сказал, что это не изменило бы положения, ибо кайзер был тогда на Корфу и я все равно не мог бы попасть к нему раньше.

С большим интересом услышал я, как выражение его мнения, то, что я писал ему некоторое время тому назад в одном из своих писем, а именно, что если победит Германия, то это изменит ход нашей цивилизации и сделает Соединенные штаты милитаристским государством. Он, кроме того, высказал глубокое сожаление, так же как это сделал я в том же своем письме, о том, что это помешает его политике установления лучшего международного кодекса морали.

На него произвело большое впечатление разрушение Лувена; как и вся Америка, он настроен против Германии. Он идет даже дальше меня в осуждении роли Германии в этой войне и почти позволяет своему чувству распространяться не только на руководителей Германии, но и на весь ее народ. Он заявил, что немецкая философия по существу эгоистична и лишена духовности. Когда я заговорил о том, что кайзер создавал свою военную машину как средство сохранения мира, он заявил: «Что за глупая мысль построить пороховой погреб, рискуя, что кто-нибудь бросит туда искру».

Он считает, что война отбросит мир на три-четыре столетия назад. Я с ним не согласился. Он особенно порицал пренебрежение Германии ее договорными обязательствами и был очень возмущен тем, что германский канцлер назвал договор с Бельгией «простым клочком бумаги».

Я воспользовался случаем рассказать ему, как горячо сэр Эдуард Грэй принимает к сердцу вопрос о договорных обязательствах и считает, что он, президент, своим поведением в вопросе о панамских сборах поднял международную этику на большую высоту».

Но, несмотря на то, что личные симпатии президента были на стороне союзников, он тогда, как и много месяцев спустя, настаивал на том, что это не должно влиять на его политическую позицию, которую он намеревался выдерживать в духе строгого нейтралитета. Он полагал, что должен поступить так в интересах всего мира для того, чтобы задержать распространение пожара, и в интересах своей страны—для предохранения ее от ужасов войны. Была доля истины в очень распространенном мнении о том, что он считал войну событием отдаленным, ужасным и трагическим, но политически нас близко не затрагивавшем. Он еще не осознал тех больших возможностей, какие крылись для него в области внешней политики.

Хауз усматривал великую возможность произвести революцию в международных отношениях путем внушения народам необходимости установления новых норм международной морали. Нормы поведения народов должны стать такими же высокими, как нормы поведения индивидуумов, и Хауз надеялся, что если удастся внушить эту идею общественному мнению, то международные отношения станут проникаться новым духом. Он старался доказать президенту, как много тот может сделать, отстаивая эти принципы,—принципы, которые в дальнейшем стали душой международной политики Вильсона. «Он не питает больших надежд,—записывает Хауз 30 августа.—Я пытался доказать ему, что теперь реформы приходят быстрее, чем раньше, что больше всего человек стремится внушить своему ближнему доброе о себе мнение, а при стремлении общества к более высоким целям люди в отдельности естественно

будут стремиться к тому, чтобы заслужить доброе мнение в глазах общества».

Несколько недель спустя Хауз изложил свои взгляды другу своему Эдуарду С. Мартину, в котором он встретил внимательного слушателя. Эти взгляды стали в дальнейшем лейтмотивом всех его дипломатических выступлений.

«Сегодня я завтракал с Мартином в Сенчери-клубе,—записывает Хауз.—Он только что написал одну из своих поучительных передовых для журнала «Лайф». Мы стали философствовать на тему о международной этике и о государственных делах. Больше всего говорил я, стараясь выявить основные отступления от правил международной морали, поскольку эта мораль лежит в иной плоскости, чем мораль индивидуумов. Как индивидуум, ни один порядочный человек и не подумает сделать того, что он делает как представитель государства. Считается совершенно недопустимым лгать, обманывать, быть жестоким во имя патриотизма. Я стремился показать, что мы немногого достигнем в отношении международного взаимопонимания до тех пор, пока народы не начнут относиться один к другому так, как относятся друг к другу индивидуумы. Мы видим, как индивидуумы губят себя, целиком предаваясь эгоистическим интересам, и хотя они, может быть, и добиваются того, что кажется им ценным, но теряют уважение ближних и делаются несчастными».

Хауз полагал, что Соединенные штаты должны стать во главе крестового похода за такую революцию в международных отношениях. Но расшевелить президента оказалось трудно. Он целиком был погружен во внутренние дела и все еще медлил с установлением активной внешней политики... Казалось, он считал, что вся полагающаяся на его долю значительная работа им уже проделана.

«*28 сентября 1914 г.* Президент,—записывает Хауз,—заявил, что если бы он был уверен, что через два года ему не придется выставлять снова свою кандидатуру, с него свалилась бы громадная тяжесть. Я полагал, что нет необходимости принимать против своего желания предложение о новом сроке президентства, даже если демократическая партия потребовала бы этого, хотя я и понимал, что он счел бы это своим долгом, если бы позволило здоровье. Однако я не представляю себе, есть ли в жизни что-нибудь другое, в равной мере для него интересное. Он ответил, что его пугает мысль о том, что в будущем он не сможет проявить столько энергии, сколько проявлял до сих пор, и вообще невозможно будет сделать что-нибудь подобное тому, что он осуществил в сфере законодательства. Он опасается, что страна будет ожидать от него в дальнейшем продолжения того, что он делал до сих пор, а это невозможно. Я возразил, что страна не станет ни ожидать от него этого, ни требовать. Есть другие дела, которые он может совершить,—дела, куда более интересные и которые еще больше возвеличат его славу.

В особенности я имел в виду его иностранную политику, которая, будучи правильно проведена, принесла бы ему всемирное признание.

Я убедился в том, что президент проявляет исключительно малый интерес к европейскому кризису. Он, кажется, больше заинтересован во внутренних делах, и мне трудно сосредоточить его внимание на главном вопросе.

Через несколько дней заканчивается сессия конгресса, и, пока конгресс, таким образом, не будет мешать, я собираюсь насесть на президента и попытаться поглотить его внимание величайшей задачей мирового интереса, какая когда-либо стояла перед президентом Соединенных штатов».

Месяц спустя Хауз снова записывает:

«*22 октября 1914 г.* К сожалению, у президента, как я отмечал это уже раньше, как будто нет чувства должной пропорции между делами внутренними и внешними. Полагаю, что его захватывает вашингтонская атмосфера, как она захватывает каждого, проживающего там, когда вопросы текущего дня заслоняют для него стоящие теперь перед нами громаднейшие мировые вопросы».

Недооценка Вильсоном возможности активной внешней политики до некоторой степени объясняет то, что он не учел необходимости скорейшего развития военной и морской мощи страны. Хауз, наоборот, еще до того, как разразилась великая война, проявил большой интерес к тому, что впоследствии стало известно под именем «военной готовности». Он, повидимому, был в близких отношениях с выдающимся глашатаем этого движения—Леонардом Вудом.

«*16 апреля 1914 г.* У меня была длительная беседа с генералом Вудом о готовности армии. Мы говорили о международном положении, в особенности, в связи с Японией, о возможности какихнибудь затруднений там и о том, что следовало бы предпринять. Он сказал, что Манилла теперь настолько укреплена, что может продержаться минимум год, и что в течение короткого времени Гавайи будут в подобном же неприступном положении. Он считал, что окончание Панамского канала настолько близко, что в случае экстренной нужды его можно открыть в течение двадцати дней. Мы уговорились отныне поддерживать тесный контакт».

Если, как надеялся Хауз, Соединенные штаты должны будут возглавить международное движение для предотвращения будущих войн или для того, чтобы в максимальной степени затруднить их возникновение, то было бы весьма важно, чтобы влияние Америки базировалось на соответствующей материальной мощи, в особенности на сильной армии и флоте. Если бы страну можно было очень быстро перевести на военное положение, Соединенные штаты могли бы настоять на немедленном прекращении военных действий воюющими державами, угрожая вступить в войну про-

тив стороны, отказывающейся принять разумные условия. А истощение Европы, объединенная экономическая и военная мощь Америки, позволили бы ей решать, каковы должны быть эти разумные условия.

Опасность также крылась в том, что при победе Германии Соединенные штаты, будучи невооруженными, стали бы лицом к лицу с агрессивной державой, способной силой проводить политику экспансии в Южной и Центральной Америке, что могло очень неблагоприятно затронуть наши наиболее жизненные интересы. Во всяком случае представлялось наиболее разумным подготовить силу для подкрепления тех дипломатических требований, которые мы, возможно, будем вынуждены предъявить воюющим сторонам, если бы любая из них нарушила наши нейтральные права.

Вследствие этих факторов Хауз оказался в полном согласии с походом за «подготовку» и настаивал на принятии немедленных мер к укреплению армии и флота. Но президент был к этому холоден. Вильсон не представлял себе эвентуальную роль Америки в том свете, в каком ее видел Хауз. Вильсон считал, что Соединенные штаты должны подавать пример пацифистского идеализма, как полной противоположности военной готовности, и чувствовал, что его поддерживает общественное мнение, которое до того, как оно было разбужено опасностью положения, противилось жертвам, требуемым «готовностью».

«*3 ноября 1914 г.* Мы с Лули, генерал и м-сс Леонард Вуд,—записывает Хауз,—завтракали на Говернорз-Айлэнд[1]. Я хотел повидаться с Вудом до отъезда в Вашингтон. Я очень склоняюсь к тому, что правительству пора принять какую-нибудь систему—возможно швейцарскую—для обеспечения военного резерва на случай войны. Генерал Вуд согласен с этим. Он обещал прислать мне в Белый Дом данные для передачи президенту.

Вуд хочет побывать на театре военных действий, и я обещал ему постараться устроить это, поскольку среди наших военных нет ни одного, который имел бы какой-нибудь опыт в передвижении больших армейских масс».

«*4 ноября 1914 г.* (Беседа с президентом.) Мы перешли к вопросу о резервной армии. Вначале он немного упирался, заявляя, что, представители рабочих будут протестовать, так как они полагают, что большая армия не отвечает их интересам. Он не считает необходимым срочные меры, опасаясь, что это взбудоражит страну, и указал, что как бы великая война ни окончилась, обе стороны окажутся совершенно истощенными, и если даже победит Германия, она много лет не будет в состоянии серьезно угрожать нашей стране. Я стал оспаривать его мнение, указывая, что Германия будет располагать большой армией, готовой действовать в направлении

[1] Укрепленный островок у Нью-Йорка.

тех целей, которые, по всей очевидности, занимают умы ее военной партии. Он возразил, что у нее просто нехватит людского материала. Я ответил, что Германия не сможет победить, если у нее к концу войны не будет под ружьем по меньшей мере двух или трех миллионов людей. Очевидно, он полагает, что все, способные носить оружие, будут полностью истреблены.

Я настаивал на том, что настало время сделать для армии что-нибудь серьезное, нечто такое, что сделало бы страну настолько мощной, чтобы никто и помышлять не смел о нападении на нас. Он сообщил мне, что есть основания подозревать, что немцы построили по всей нашей стране бетонные площадки для тяжелых орудий, подобно тому, как они это сделали во Франции и Бельгии. Он даже боится говорить об этом во всеуслышание, ибо слухи об этом могут так возбудить население, что он опасается за последствия. Генерал Вуд выясняет этот вопрос, но президент просил меня предупредить Вуда, чтобы тот не распространялся об этом[1].

Я заговорил о желании Вуда быть откомандированным на театр военных действий. Президент высказал мысль, что его туда не пропустят. Я ответил, что Вуд иного мнения и что устроить поездку — это его дело.

Говоря о создании нашей армии, я высказал мысль о том, что если победят союзники, то особенной спешки не понадобится, но если победит Германия и мы только тогда начнем свои приготовления, то это будет почти равносильно объявлению войны, так как они поймут, что мы направляем эти приготовления против них. Я поэтому настаивал, чтобы мы приступили к делу немедленно с тем, чтобы мы были подготовлены и вместе с тем избежали бы неудобного положения...»

«*8 ноября 1914 г.* Президент пригласил меня пойти с ним в церковь, но мы сошлись на компромиссе: вместо меня пошла Лули. Брайан только что вернулся с запада, я счел нужным повидать его. Хотелось выяснить его взгляды на армию. Оказалось, что он резко настроен против какого бы то ни было ее увеличения путем образования резервов. Он считает, что нет никакой опасности иноземного нападения даже в случае победы Германии, что и после объявления войны будет достаточно времени для всей необходимой подготовки. Он простодушен, как моя внучка Джэйн Токер. Он говорил с большим чувством. Боюсь, что с ним будет много хлопот...».

«*25 ноября 1914 г.* (Беседа с президентом.) Мы говорили на неизменную злобу дня — о войне. Я располагаю сведениями из авторитетных источников, что если бы Италия была достаточно подготовлена, она теперь же стала бы на сторону союзников. Пока еще снаряжение ее недостаточно для того, чтобы она могла действовать

---

[1] Вероятно, ни Вильсон, ни Хауз не принимали этого подозрения всерьез; расследование показало, что подозрения были неосновательны.

эффективно, она приводит себя в должное состояние с тем, чтобы, как только будет готова и армия ее приобретет должный вес, вступить в войну. Я считаю, что Румыния также станет на сторону союзников. Президент выразил по этому поводу удовольствие и пожелал, чтобы они не мешкали.

Я снова стал говорить о том, что Германия не простит нам нашей позиции в этой войне и в случае победы призовет нас к ответу...

Я заговорил о нашей неподготовленности и о том, насколько непрактичен Брайан. Я настаивал на необходимости располагать большими резервными силами, и он ответил:

«Да, но не большой армией»,—поправка, с которой я согласился. Я особенно подчеркнул нужду в крупных артиллерийских заводах и новой артиллерии».

Доводы Хауза не оказали немедленного действия на президента; в своем очередном годичном обращении к конгрессу он отказался принять план больших военных резервов или принципа обязательного военного обучения. Вильсон настаивал на том, что всякое радикальное изменение нашей установленной военной политики (если ее можно назвать политикой) показало бы, что мы «были выведены из равновесия войной, с которой у нас нет ничего общего и причины которой нас не касаются». Лишенное таким образом всякого руководящего указания, кроме чисто негативного, общественное мнение очень медленно распознавало необходимость военной подготовки, а в некоторых кругах, как это показывает нижеследующее письмо, позиция Вильсона получила восторженную поддержку.

Письмо Джорджа Фостера Пибоди Хаузу

Нью-Йорк, 16 декабря 1914 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Поскольку я пишу вам это письмо по адресу Белого Дома, я беру на себя смелость сказать, что выступления генерала Вуда перед Торговой ассоциацией и другими организациями о неподготовленности нашей армии представляются мне совершенно неприемлемыми и противоречащими превосходному изложению президентом в его обращении к конгрессу всего положения.

Я надеюсь, что Вуда немедленно остановят.

Не могу выразить вам, как глубоко тронут я был обращением президента и тем сильным и широко распространенным впечатлением, какое оно произвело. Я хотел бы для удовлетворения своего восторга написать ему, но опасаюсь, что при наличии жизненно важных государственных вопросов у него не было времени ознакомиться с последними письмами, которые я ему послал... Я не хотел бы утруждать его, тем более—надоедать...

С уважением *Джордж Фостер Пибоди*».

Сам Хауз тоже не заблуждался насчет высокой цены военной подготовки, как в духовном, так и в материальном отношении; он также не был слеп к тому, какое зло принесло Европе чрезмерное увлечение военной подготовкой. Лорд Грэй пишет в своих мемуарах: «Все страны [Европы] нагромождали амуницию и совершенствовались в приготовлениях к войне. И в каждом отдельном случае целью этого была безопасность. Но результат был как раз обратный тому, к которому стремились и которого желали. Вместо чувства безопасности воцарилось увеличивавшееся с каждым годом чувство страха... Таково было общее состояние Европы; подготовка к войне порождала страх, а страх предрасполагает к насилию и к катастрофе»[1]. Все это Хауз сознавал и разделял опасения Вильсона, что военные приготовления Соединенных штатов могут уничтожить тот дух спокойствия, который был необходим для спасения мира от припадка помешательства.

Но несмотря на то, что из-за крайнего ужаса перед мыслью о массовом истреблении человечества, Хауз считал себя пацифистом, он не мог игнорировать тот факт, что международный пацифизм становится простым проявлением худосочия, если только он не организован так, что подчиняет своему влиянию все великие державы. В момент величайшего в истории кризиса Соединенные штаты были бессильны играть иную роль, кроме пассивной. Для того, чтобы должным образом защитить наши права и помочь миру освободиться от кошмара, необходимо было преобразовать нашу потенциальную мощь в активную организацию. Как мы увидим, Хауз не переставал настойчиво твердить об этом президенту.

Двенадцать месяцев спустя, осенью 1915 г., Вильсон подчинился логике событий и у него хватило мужества признать, что он переменил свой взгляд: в ряде великолепных речей он требовал энергичной военной подготовки и провел через конгресс самые крупные в нашей истории кредиты на морское строительство. Но драгоценный год был потерян, и президенту пришлось столкнуться с пацифистской оппозицией, которую первоначально он до некоторой степени сам создавал. Он заплатил очень дорого, так как не располагал в подкрепление своей дипломатии нужной военной мощью. Вильсону суждено было упустить возможность повлиять, если и не на прекращение войны, то хотя бы на сокращение ее срока.

4

Вильсоновское чувство обособления от Европы и войны было быстро уничтожено ходом событий. Он очень скоро понял, что война может коснуться нас очень близко. По иронии судьбы, в свете дальнейших событий разногласия с Великобританией о ее кон-

[1] *Грэй*, Двадцать пять лет, т. II, стр. 279.

троле над мировой торговлей породили всеобщее сознание близости нашей страны к боевому фронту. Во время войны Великобритания очень строго следила за торговлей нейтралов, а термин «военная контрабанда» она толковала очень широко. С точки зрения англичан поступиться возможностью, которую давало им их владычество на море, значило бы искушать провидение. Союзники, естественно, были заинтересованы в прекращении поставок в Германию, через посредников или прямым путем, всех припасов, могущих помочь продолжению войны, ибо в современной войне почти каждый обычный товар—хлопок, нефть, медь или продовольствие, может иметь такое же значение для ведения войны, как и то, что обычно объявлялось «военной контрабандой». Неминуемо было, что союзники, и в первую очередь Великобритания, благодаря мощи ее флота, начнут задерживать и обыскивать нейтральные суда, которые могут везти контрабанду; было также естественно, что они будут расширенно толковать понятие «контрабанда».

С другой стороны, Соединенные штаты в качестве самой крупной нейтральной державы были кровно заинтересованы в оставлении открытыми дорог к нейтральным странам в Европе и в сохранении рынка Европы для неконтрабандных товаров.

В воздухе пахло порохом; не особенно приятно было сознание, что по существующим международным нормам Соединенные штаты столкнутся с этим положением всякий раз, когда Великобритания будет воевать с какой-нибудь континентальной державой.

«*30 сентября 1914 г.* (Хауз записывает обмен мнениями с президентом).—Когда мы перешли к вопросу задержки Великобританией пароходов, президент прочел мне место из своей «Истории американского народа», где указывается, что война 1812 г. при президенте Мэдисоне была начата точно при таких же обстоятельствах, какие присущи теперешнему конфликту. В книге указывалось, что Мэдисон был вынужден начать войну, несмотря на свое миролюбие и несмотря на то, что он хотел принять все меры для предотвращения ее, но настроение народа сделало это невозможным.

Президент заметил: «Мэдисон и я—единственные президенты, воспитанники Принстаунского университета. Обстоятельства войны 1812 г. и этой—пока складываются параллельно; я искренно надеюсь, что дальше это сходство не пойдет.

Я рассказал английскому послу об этом разговоре. Это произвело на него большое впечатление, и он сказал, что в своей телеграмме к сэру Эдуарду Грэю он обратит его внимание не только на указанное место в книге президента, но и на его устное замечание в разговоре со мной».

Ввиду сильных симпатий к союзникам в Соединенных штатах опасность действительного разрыва была весьма далека. И Вильсон и Грэй были убеждены, что мировое благоденствие в будущем зависит от англо-американской дружбы, и каждый старался

уступить другому столько, сколько это необходимо было для обеспечения этой дружбы. Но при недостаточной осторожности можно было дойти до границы, дальше которой ни одна сторона уже не могла бы уступать.

Американский посол в Лондоне Пэйдж, к счастью, завоевал уважение и расположение англичан, и переговоры всегда облегчались его дружественными отношениями с английским министерством иностранных дел. Но, с другой стороны, он так высоко ценил англо-американскую дружбу, что не был расположен представлять протесты американского правительства с той энергией, какой требовал Вашингтон. И Вильсон и государственный департамент (министерство иностранных дел) были убеждены, что избежать недоразумений в будущем можно будет лишь в том случае, если с самого начала дать понять англичанам, что мы считаем английскую политику нарушением наших нейтральных прав и материальных интересов.

Пэйдж видел проблему в ином свете. Он готов был мириться с английскими ограничениями торговли и повидимому считал, что по сравнению с поражением Германии и сохранением добрых отношений с Великобританией потери и неудобства нейтральных стран не в счет. «Здесь все идет хорошо,—пишет он Хаузу 15 сентября 1914 г.,—английское правительство очень внимательно к нам в крупных вопросах. Более мелкие вопросы судов, призов и т. п. в действительности в руках адмиралтейства,—если не формально, то на деле, и эти вопросы разрешаются в военном порядке».

С некоторым раздражением узнал посол, что в Соединенных штатах захваты англичанами судов и призов не рассматривались как «мелкие вопросы», и он не скрывал своего несочувствия доводам юристов министерства иностранных дел в защиту американских прав на море.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 21 октября 1914 г.

«Дорогой начальник!

Я получил следующую телеграмму от Пэйджа через его сына Артура:

Боже спаси нас, или, вернее, можете ли вы спасти нас от кабинетных юристов. Они часто теряют каштаны, пока спорят из-за ожогов. Повидайте нашего друга (президента), и если вопрос еще не улажен[1], немедленно приезжайте сюда. Вопрос исключительно важный...

---

[1] Англичане отказали в требовании Америки о повсеместном соблюдении Лондонской декларации. Эта декларация (от 1909 г.), в свое время не ратифицированная Англией, позволяла ввозить в Германию продовольствие и другие товары.

Я не совсем понимаю, о чем у него идет речь. Может быть, вы знаете? Возможно, дело касается Лондонской декларации.

Я заметил, что Нортклифф в своих газетах и лондонская «Пост» требуют от правительства захвата судов, перевозящих резервистов и контрабанду.

Если вы считаете, что я смогу быть чем-нибудь полезен, пожалуйста, телеграфируйте, и я немедленно выеду в Вашингтон. Нэйдж явно встревожен.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Президент ответил, что если Пэйдж встревожен отношением министерства иностранных дел, то он, Вильсон, тоже несколько встревожен отношением самого Пэйджа. Если Пэйдж хочет представлять американское правительство, он должен смотреть на обсуждаемые вопросы теми же глазами, какими на них смотрят в Соединенных штатах. Вильсон признавал, что указания Пэйджа весьма ценны, но опасался, что большая приверженность Пэйджа английской стороне может представлять опасность. Сам Вильсон в своих замечаниях часто третировал профессионалов-дипломатов, но ему не нравилось, когда о работе министерства иностранных дел, выражавшего американскую точку зрения, отзывались, как о работе «кабинетных юристов».

Хауз разделял убеждение Пэйджа, что слишком многое зависит от дружбы Великобритании с Соединенными штатами, чтобы можно было допустить ссору из-за второстепенных вопросов, но в отличие от Пэйджа он учитывал, какое раздражение вызывали в Соединенных штатах английские методы захвата американских грузов, и он также сознавал, что если Соединенные штаты не станут в вопросе захвата грузов решительно отстаивать свои права нейтральной державы, они не смогут успешно протестовать и в более серьезных случаях.

С другой же стороны, он был уверен, что при достаточной осторожности в составлении протестов и при сохранении личного контакта с английским послом в Соединенных штатах, можно было бы избежать лишних трений.

«*27 сентября 1914 г.* Я отправился двенадцатичасовым поездом в Вашингтон и был встречен на вокзале Мак-Аду и Элеонорой. Вместе со мной они направились в Белый Дом и обедали с нами. После обеда мы поговорили недолго: из министерства иностранных дел поступил большой пакет с пометкой «срочное». Это послужило сигналом для семьи; нас покинули, и мы с президентом тотчас засели за работу.

Х. заготовил большое письмо к Пэйджу касательно Лондонской декларации и ее значения для нейтрального судоходства. Это инструктивное письмо к Пэйджу было исключительно недипломатично, и я настоял перед президентом, чтобы он не разрешил его отправлять...

Затем я предложил, чтобы мне было разрешено повидать сэра Сесиля Спринг-Райса и попробовать добраться до сути разногласий. Президент горячо одобрил этот план. После этого он пошел спать, очень усталый и несколько озабоченный».

«*28 сентября 1914 г.* Я попросил Гувера[1] договориться с Билли Филиппсом[2] об использовании его квартиры и по телефону попросил сэра Сесиля Спринг-Райса встретиться со мной там в десять часов. Беседа была исключительно интересная.

Я показал послу письмо, заготовленное для отправки Пэйджу. Он был весьма встревожен некоторыми дипломатическими выражениями письма. В частности, одно место в письме, по его мнению, было почти равносильно объявлению войны. Он сказал, что если этот документ попадет в руки прессы, то газетные заголовки объявят, что война с Великобританией неизбежна, и в стране произойдет невиданная паника, ибо это так же плохо, или даже хуже, чем венецуэльский инцидент. Он сказал, что хотя и не знает всего, что я свершил за свою жизнь, но уверен, что никогда еще не сделал я такого важного дела, как в настоящий момент...

Мы обсудили, как лучше всего преодолеть затруднения, которые, как он сказал, никогда и не создались бы, если бы министерство иностранных дел предварительно поговорило бы с ним откровенно. Позиция его правительства известна министерству иностранных дел уже с месяц, и до сих пор не последовало еще ни слова возражения. Если бы он знал, что таково настроение страны, он поднял бы вопрос перед своим правительством, и отношение было бы изменено. Но сейчас, когда они уже оповестили о своем намерении делать то, против чего возражает наше правительство, трудно будет выправить положение таким путем, чтобы оградить достоинство его правительства.

Мы набросали проект инструкции нашего правительства для отправки Пэйджу, а затем наметили проект письма, которое он должен был направить сэру Эдуарду Грэю. Мы условились быть друг с другом совершенно откровенными, сообщая обо всем, что делается, с тем, чтобы не оставалось недомолвок или недоразумений».

Трудно найти в истории другой случай дипломатии столь необычной и столь действенной. Полковник Хауз, частный гражданин, выкладывает все карты на стол и согласовывает с послом иностранной державы инструкции, которые должны быть посланы

---

[1] Главный дворецкий в Белом Доме.

[2] Уильям Филиппс был в то время третьим помощником министра иностранных дел. Его способности и дипломатический опыт давали ему возможность выполнять обязанности столь же важные, сколь незаметные. Он был в тесных дружественных отношениях с сэром Сесилем, и в его доме Хауз обычно встречался с английским послом. Филиппс стал первым помощником министра в 1915 г., а затем был посланником в Голландии и послом в Бельгии.

американскому послу и министру иностранных дел этой державы. Если бы кто-нибудь и стал возражать против такого способа действий, то возражение должно было отпасть ввиду успехов этих действий.

В результате этого вмешательства угрожавший кризис был избегнут, и в течение ближайших пяти недель удалось подойти к вопросу нейтрального судоходства с бо́льшим спокойствием, хотя кардинального решения вопроса так и не удалось найти. Сам Хауз никому не говорил о том, что им было сделано.

Письмо Хауза послу Пэйджу

Нью-Йорк, 29 октября 1914 г.

«Дорогой Пэйдж!

По получении вашей телеграммы я снесся с президентом, но узнал, что дело уже на пути к урегулированию. Не могу себе представить, каким образом при существующих отношениях могут появиться серьезные затруднения между Англией и Америкой; но мы, конечно, должны быть особенно осторожны в наших методах, так как американский народ, как вы знаете, в некоторых вопросах исключительно чувствителен, и президенту, при всей его силе и популярности, следует противодействовать этому чувству...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Письмо Пэйджа Хаузу

Лондон, 9 ноября 1914 г.

«Дорогой Хауз!

...Должен поблагодарить вас за все то, что вы, как я полагаю, сделали по моей телеграмме, посланной вам через Артура. Этого адресата я избрал для того, чтобы в телеграмме не стояли рядом имена и не было бы поводов к каким-либо подозрениям. Положение сейчас спокойное, но может в любой момент стать критическим из-за какой-нибудь каверзы. Я не думал и не думаю критиковать Лансинга или кого-либо другого, я только хотел, чтобы на вещи смотрели с правильной точки зрения.

Сэр Эдуард больше всего ценит американскую дружбу и не собирается подвергать ее опасности. До нынешнего дня они не конфисковали ни одного американского груза, хотя много было таких, которые по праву можно было конфисковать. Продолжающиеся между нами добрые отношения—единственное, что объединяет мир. Это факт великого значения. Груз меди, я готов согласиться, может быть важным, но он не может быть так важен, как наша дружба. В настоящее время значение имеют великие и вечные

понятия. Я думаю о будущих поколениях человечества, для которых тесная дружба Великобритании и нашей республики явится наиболее важным в мире политическим фактом. Острые разногласия? К ним я вполне готов, если на то есть причины. Но таких причин сейчас нет, а если бы они и были, то теперь как раз время для того, чтобы быть терпеливым. На то, чтобы ссориться, времени хватит с избытком, когда острый период пройдет...

Теперь не время ссориться или раздражаться из-за груза нефти, или меди, или вообще относиться к теперешним правительствам так, как если бы все шло нормально. Слава богу, что вы находитесь на расстоянии трех тысяч миль. Как хотел бы я быть на расстоянии тридцати тысяч...

Сердечно ваш *У. Х. П.*»

К несчастью экспортеры меди и нефти в Соединенных штатах были другого мнения, и в министерство иностранных дел стали сыпаться протесты. Для Пэйджа, который целиком сочувствовал делу союзников, положение было весьма тяжелое; он стал нервничать, как это всегда бывает, мелочи раздражали его больше всего. Опасность была в том, что при своем непонимании и раздражении против министерства иностранных дел он мог потерять из виду точку зрения Вашингтона, представлять которую он был послан в Лондон. Еще труднее было предупреждать Пэйджа о том, чтобы он остерегался высказывать свои союзнические симпатии, так как он считал, что и так слишком далеко заходит в своей нейтральности и не был настроен принимать критику философски.

Письмо Пэйджа Хаузу

Лондон, 12 декабря 1914 г.

«Дорогой Хауз!

...Видит бог, я всячески стараюсь все сгладить, но правительства мне не помогают. Наше правительство просто пересылает мне односторонние заявления экспортеров. А здешнее правительство ссылается на флот.

Ну, ладно, слава богу, что дело идет хоть так. Я собираю сведения, где только могу: от других нейтральных представителей, от пароходных капитанов и т. п., делаю все, что могу, не получая благодарности ниоткуда, а выговоры—ни за что... Недавно я телеграфировал о своем совещании с нейтральными послами, что, конечно, означало, что я разговаривал с ними и старался узнать какие-нибудь факты. Ведь с американскими грузами задерживают их пароходы. И вот я получаю из Вашингтона указание, что меня не уполномочивали заключать торговые и судоходные соглашения с нейтральными державами,—это они, мол, сами делают в Вашингтоне. Ну, какой дурак в министерстве иностранных дел мог подумать,

что я стану заключать договоры с правительствами или вообще буду заниматься чем-нибудь иным, кроме того, что днем и ночью стараться освобождать американские грузы или предотвращать их задержку? Не знаю и не хочу знать! Пусть кто хочет думает обо мне, что он хочет. Я давно перестал обращать на это внимание. Пусть человек на ответственном политическом посту сводит небо и землю для выполнения своего долга, пусть он старается вдвойне и втройне, пусть исчерпает все силы и испробует все лазейки для успокоения своей совести, все равно его будут обвинять. Его не поймут. Его будут осуждать. Все это он должен принимать и продолжать свое дело, не обращая ни малейшего внимания на все. Я легко могу это делать. Мне наплевать, я могу не обижаться на любое непонимание... Но могу ли я не сомневаться в умственных способностях человека, кто бы он ни был, который разражается целой проповедью по поводу того, что я «заключаю договоры с другими правительствами» и не знаю, можно ли положиться на то, что в следующей телеграмме, полученной оттуда же, не будет чего-нибудь в том же духе...

Все здесь, насколько я слышу (а слышу я, можете быть уверены, очень много), считают нас нейтральными и обходятся с нами как с нейтралами: англичане, немцы, австрийцы, французы и нейтралы. Я часто встречаюсь с нейтральными членами дипломатического корпуса (несмотря на то, что я не могу «заключать договоры с другими странами»), и я ни за что не мог бы сказать, куда, в какую сторону они склоняются. Ни с чьей стороны я не чувствую подозрения, кроме как из Вашингтона. А подозрительность, как я заметил, обычно сестра невежества.

Сердечно ваш *Уолтер X. Пэйдж*».

Письмо Хауза Пэйджу

Нью-Йорк, 4 декабря 1914 г.

«Дорогой Пэйдж!

Я только что вернулся из Вашингтона...

Президент просил меня передать вам его просьбу, чтобы вы остерегались выражать какие-либо не нейтральные настроения устно или письменно, даже в своих обращениях к нашему министерству иностранных дел. Он заявил, что и Брайан и Лансинг, оба указывали ему на ваши отступления в этом отношении, и он опасается, что это значительно ослабит ваше влияние.

На этом он очень настаивает, и то же указание я делаю Джерарду.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Письмо Пэйджа Хаузу

Лондон, 15 декабря 1914 г.

«Дорогой Хауз!

Разрешите рассказать вам случай. В течение одной недели двое только что приехавших американцев критиковали меня и посольство за то, что мы будто бы на стороне немцев; такие же упреки я часто слышу со стороны англичан.

Разрешите мне задать вам вопрос!

Посылается ли посол для того, чтобы сохранить хорошие отношения и хорошее настроение к вам со стороны чужого правительства, так чтобы вы могли получать и оказывать всякого рода дружественную помощь и вообще улучшать положение, или же он должен рычать и огрызаться и раздражать их (чорт их побери!), ничего не давая и не получая?

Все это я посылаю вам через м-сс Пэйдж в качестве моего рождественского поздравления.

У. X. П.»

Если министерству иностранных дел трудно было заставить американского посла в Лондоне усвоить министерскую точку зрения, то был также ряд забот из-за мелких недоразумений с английским послом в Вашингтоне. Сэр Сесиль Спринг-Райс был выдающийся дипломат и на редкость обаятельный человек.

В начале войны его отношения к нашему правительству были самые сердечные. Хауз поддерживал с ним тесную связь; нижеследующее письмо может характеризовать их отношения.

Письмо Спринг-Райса Хаузу

Английское посольство в Вашингтоне,
5 ноября 1914 г.

«Дорогой Хауз!

Я узнал, что вы только что приехали. Как вы себя чувствуете?...

Мы надеемся, что экспорт будет итти попрежнему. Но немцы, очевидно, намерены направить в Северное море несколько быстроходных крейсеров и, связавшись с крейсерами на Атлантическом океане, установить таким образом в ближайшее время контроль над морскими торговыми путями. Мы подозреваем, что суда, стоящие в американских портах, намерены уйти в море и заняться истреблением коммерческих судов, что было бы очень нежелательно. Поэтому я прошу вас о том, чтобы стоящие в нью-йоркском порту суда регулярно проверялись и им не разрешалось выходить из порта, кроме как со вполне невинными грузами.

Имеете ли вы также в виду то, что в конгрессе будут нападать на правительство за промахи в вопросе военной контрабанды? Фактически ни один американский экспортер еще ничего не потерял,

и все обращения вашего правительства постоянно увенчивались успехом. Но вследствие изменившихся условий современной войны очевидно, что определение «военной контрабанды» должно быть изменено; так, например, оно должно включать: нефть и медь (которую Германия целиком употребляет на патроны, бомбы и т. п.), это же относится к американскому понятию «непрерывный маршрут», т. е. к тому, что характер товаров определяется их конечным назначением, а не тем портом, куда они направляются, а ведь это относится к таким портам, как Генуя, Роттердам и Копенгаген, которые служат черным ходом для Германии. Справедливым поводом к претензиям был бы захват грузов, действительно предназначенных для нейтральных держав, и мы вырабатываем порядок, при котором такие грузы могли бы при желании отправителя получить соответствующую лицензию. Я надеюсь, что к декабрю этот порядок будет выработан и в дальнейшем больших затруднений не будет. Я телеграфирую об этом сегодня, а один человек устанавливает со здешними торговцами меди дружественную договоренность. В случае каких-либо неосновательных или продолжительных задержек можно будет заявлять немедленный протест.

Искренно ваш *Сесиль Спринг-Райс*».

К сожалению, сэр Сесиль был очень болен и еще больше чем Пэйдж нервничал при возникновении каких-либо неприятных инцидентов. Нижеследующая выписка из дневника Хауза говорит о сложности положения и об исключительной активности полковника, ибо это было время, когда он вел переговоры с южноамериканскими послами о первом наброске панамериканского пакта.

«*29 декабря 1914 г.* От Наона я направился на квартиру Билли Филиппса для встречи с английским послом. Он нервничал и был возбужден вследствие преждевременного опубликования и неправильной передачи протеста президента перед английским правительством против задержки нейтральных судов. Он возбужден не против самой ноты, так как обо всем этом мы с ним уже говорили и все уладили до того, как она была послана. Он даже уже имеет ответ от сэра Эдуарда Грэя с указанием, что требование президента будет удовлетворено. Нота была простой формальностью после того, как самый вопрос был разрешен, он недоволен порядком ее опубликования и тем, что из нее сделала наша пресса...

Я попытался объяснить Спринг-Райсу, что президент сам очень этим недоволен. Он принял это объяснение, но очень невоздержанно стал обвинять министерство иностранных дел и заявил, что нельзя вести дипломатические переговоры деликатного характера через газеты. Он заявляет, что это делается не в первый раз и что в дальнейшем он с трудом сможет ставить перед ними такие вопросы; он просто не станет больше ходить в министерство.

Он не сомневается, что не пройдет и шести месяцев, как все мы будем на стороне немцев, что влияние немцев здесь очень велико, у них тут хорошая организация и, в конце концов, они сломают остатки антигерманских настроений...

В его словах, часто в одной фразе, было столько противоречий, что, видя, как он расстроен, я решил, что наш разговор будет бесполезен и потому поспешил откланяться.

Как впоследствии выяснилось, министерство иностранных дел было неповинно в нескромности, оно просто стало козлом отпущения за чужие грехи...»

«*30 декабря 1914 г.* Я вызвал Филиппса из министерства иностранных дел,—записывает Хауз,—и сказал ему, что очень сожалею, что Брайана нет в городе, так как я хотел посоветовать ему постараться успокоить расстроенные чувства английского посла. Я попросил Филиппса взяться за эту благодарную задачу, сказал ему, что моя поездка в Вашингтон оказалась почти бесполезной из-за преждевременного опубликования протеста президента перед английским правительством и надеюсь, что им удастся привести посла (Великобритании) в нормальное настроение до моего отъезда, так как он винит во всем министерство иностранных дел. Филиппс сказал мне, что они уже точно узнали, каким образом просочились сведения и что шло это не из министерства иностранных дел; насколько он мог сказать мне это по телефону, он дал понять, что сделал это NN; об этом я уже сам догадывался...»

«*31 декабря 1914 г.* Несколько дней тому назад я получил прилагаемое письмо от Спринг-Райса. Очевидно, он опять в хорошем настроении, чему я весьма рад».

Письмо Спринг-Райса Хаузу [1]

«Только что я получил копию ноты, включенной в телеграмму Пэйджу; мне кажется, что в ней очень правильно, вежливо, справедливо и твердо обрисовано положение. Против этой формы возразить нечего. Я уверен, что нота создаст хорошее впечатление и останется образцом добросовестной попытки дружественным образом разрешить вопрос».

Такие подъемы и падения больше всего расстраивали президента и, конечно, не способствовали быстрому урегулированию возникавших вопросов. Когда Хауз рассказал Вильсону об этих противоречивых высказываниях, лицо президента, как записывает Хауз, «сделалось серым». Можно было отозвать послов, но против

---

[1] Письма к Хаузу сэр Сесиль часто не подписывал и, как в данном случае, даже не надписывал обращения. Если же он это и делал, то обычно называл Хауза «мистер Биверли». Склонность к таинственности он проявлял как в личном обращении, так и в письмах.

такого шага были серьезные доводы. Как бы натянуты ни были отношения между Пэйджем и министерством иностранных дел, невозможно было найти кого-либо другого, кто мог бы поддерживать такие тесные личные связи с сэром Эдуардом Грэем. Точно так же нелегко было бы предложить англичанам отозвать Спринг-Райса. Вильсон нашел выход в том, чтобы направить Хауза в Англию для личного объяснения позиции Америки в отношении задержки грузов. Хауз симпатизировал англичанам и в то же время понимал, насколько основательна точка зрения министерства иностранных дел. Кроме того он был в близких отношениях с сэром Эдуардом Грэем и сэром Уильямом Тиррелом.

Решение Вильсона было ускорено еще и другим фактором, который приобрел к концу года первенствующее значение. В течение осени Хауз часто беседовал с германским и английским послами о возможности посредничества Америки. Вопрос, который ставил себе президент, состоял в том, удастся ли эту возможность претворить в вероятность; он не видел других путей к решению этого вопроса, кроме поездки Хауза в Европу, на что тот согласился.

ГЛАВА V (XI)

ПЛАНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

«Наибольшая трудность... в глубоко укоренившемся недоверии англичан к германской дипломатии и к ее обещаниям. Нечто в этом же роде испытывают немцы по отношению к Англии...»

(Из письма Хауза Вильсону, 22 декабря 1914 г.)

1

Хауз не принадлежал к той многочисленной категории людей, которые в продолжение всей войны верили, что уничтожение Германии, как великой экономической и политической державы, является основным элементом будущего мира. Наоборот, он был убежден, что сильная, хотя и демилитаризованная, Германия необходима для экономической устойчивости Европы и для мирового благосостояния. Он постоянно противился политическому расчленению Германии, которое открыто или тайно проповедовалось ее врагами на континенте. Уже в первые недели войны Хауз предвидел поражение Германии и опасался, что последствия этого поражения могут быть страшные. Величайшей опасностью для цивилизации он считал возможность господства над Европой царской России.

«*6 августа 1914 г.* По-моему, Германия стремительно идет к гибели,—записывает он,—и если это случится, то Франция и Россия захотят разорвать ее на куски. Между тем, в интересах самой Англии, Америки и всей цивилизации сохранить ее целостность, лишив ее военной и морской мощи.

Я надеюсь повидать английского посла и изложить эту точку зрения.

Через десять дней в письме к послу Джерарду Хауз говорит о возможности прекращения войны до того, как страсти разгорятся настолько, что ни одна страна не согласится сложить оружие. Это было не более, чем предположением, и сам Хауз не ожидал,

что оно сможет дать практические результаты. Но это предположение знаменательно, ибо оно намечало то, что через четыре года стало американским планом обеспечения продолжительного мира, и в нем, как и в панамериканском пакте, был заложен принцип устава Лиги наций,—организации для обеспечения территориальной целостности и для проведения разоружения.

Письмо Хауза Джерарду

Прайдс Кроссинг, Массачусетс
17 августа 1914 г.

«Дорогой Джерард!

...Все эти годы кайзер стоял за мир, и никакого противоречия с его прошлой жизнью и деятельностью не было бы в том, если бы теперь он захотел прислушаться к таким обращениям. Если бы мир возможен был в настоящий момент, это следовало бы сделать на основе общего принципа, который гарантировал бы каждому воюющему государству целостность его территории в настоящем ее виде. Затем следовало бы предложить общий план разоружения, так как при такой договоренности не станет нужды в больших армиях сверх размеров, необходимых для полицейской службы.

Разумеется, проделать это надо очень искусно, чтобы никого не задеть.

Что касается меня, то я с беспокойством и искренним сожалением воспринял бы какое-нибудь серьезное несчастье немецкого народа. Все, что в Америке говорилось против Германии, было направлено против нее не как нации, а как воплощения милитаризма. Наш народ никогда не считал, что усиленные вооружения являются гарантией мира; наоборот, он считал, что в конечном счете вооружения создают как раз те условия, какие существуют сегодня. Когда соседние страны с расовыми различиями и предубеждениями соперничают друг с другом в усилении вооружения, то это приводит к чувству недоверия, в свою очередь порождающему намерение ударить первым и ударить крепко.

При разоруженной Европе и при наличии договоров, гарантирующих каждой стране ее территориальную целостность, она сможет итти вперед с полной уверенностью в возможность индустриального развития и постоянного мира.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Трудность заключалась в том, что победоносное шествие немецких армий через Бельгию и Северную Францию в течение августа исключали какую бы то ни было возможность появления мысли о мире в Берлине. С другой стороны, поведение немцев в захваченных районах возмущало французов, бельгийцев и англичан и ук-

репляло в них решимость не прекращать войны до тех пор, пока не будут возмещены все убытки и тевтонские методы ведения войны не будут наказаны. На восточном фронте было то же положение, но с обратными ролями. Русские триумфально шествовали вперед, причем их разрушения в Восточной Пруссии наполняли немцев решимостью покончить раз навсегда с угрозой варвара-славянина.

Но в сентябре русские, хотя и могли еще продолжать свое нашествие на Галицию, были изгнаны Гинденбургом из Восточной Пруссии, причем тотчас же возникла угроза его нападения на русскую Польшу. На западе немцы потерпели поражение на Марне и хотя они удержались на линии реки Эн, становилось очевидным, что обещанное их военными лидерами немедленное и сокрушительное поражение Франции останется несбывшейся мечтой. По мере приближения осени все очевидней становилось, что война заходит в тупик.

Немецкие военные планы базировались на предположении о короткой кампании, а перспектива того, чтобы очутиться лицом к лицу с громаднейшей коалицией, при долгой истощающей борьбе, устрашала их военных лидеров. Некоторые из них потом признавались, что после битвы на Марне и с началом затяжной борьбы на западном фронте они считали войну потерянной. Хауз был того же мнения и доказывал, что будь немцы более благоразумны, им следовало принять любые условия, пока окончательные результаты этого поражения на станут ясны всем. В самый момент решительного боя на Марне он обратился с письмом к Циммерману, указывая, что наступает момент, когда посредническое предложение президента Вильсона надо принимать не только академически.

Письмо Хауза президенту

Прайдс Кроссинг, Массачусетс,
5 сентября 1914 г.

«Дорогой начальник!

Прилагаю текст моего письма к Циммерману. Если вы его одобрите, то не сможете ли распорядиться, чтобы его соответствующим образом запечатали и направили в германское посольство для дальнейшей отправки.

Пожалуйста, критикуйте его без стеснения и верните его для исправлений, какие вы сочтете нужными.

Я полагаю, что Германия скоро будет рада прислушаться к предложению о посредничестве, и именно с этой стороны можно питать больше всего надежд.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Письмо Хауза Циммерману[1]

Вашингтон, 5 сентября 1914 г.

«Дорогой герр Циммерман!.

Благодарю вас за ваше письмо от 1 августа. Я показывал его президенту, и он снова выразил глубокое сожаление о том, что попытки добиться лучших отношений между великими державами кончились такой крупной неудачей.

Со все большей скорбью наблюдает он теперешнюю войну; его предложение посредничества не было пустым звуком, он считал бы великой честью положить начало движению за мир.

Теперь, когда его величество так блестяще показал мощь своей армии, не будет ли соответствовать стремлению всей его жизни к сохранению мира его согласие на то, чтобы были сделаны первые шаги в этом направлении.

Если бы я мог в какой-нибудь степени быть полезен как посредник, то это было бы для меня источником большого счастья, и я готов немедленно начать действовать, исходя из любого предложения, какое ваше превосходительство конфиденциально передаст мне.

Примите уверения в глубочайшем уважении к вам,
мой дорогой Циммерман.
Искренно ваш *Эдуард М. Хауз*».

В то же время Хауз возобновил личный контакт с австро-венгерским послом, с которым он предыдущим летом часто встречался в Норт-Шоре.

«*5 сентября 1914 г.* Сегодня я обедаю вне дома с послом Думбой,—записывает он,—я собираюсь стать персона грата для всех государств—участников европейской войны, так чтобы в случае необходимости мои услуги могли пригодиться и не встречали бы препятствий. Я настойчиво работаю в этом направлении с тех пор, как разразилась война. Я считаю неправильным предоставлять дело собственному течению, а потом объяснять неуспех неудачей, или случайностью. Я стараюсь наперед подумать, какие задачи породит война и какие обязательства лягут на нашу страну,—обязательства, которые, я надеюсь, президент с честью выполнит».

Письмо Хауза президенту

Прайдс Кроссинг, Массачусетс
6 сентября 1914 г.

«Дорогой начальник!

Вчера вечером я беседовал с австрийским послом. Он проявил очень мало сдержанности, надо было только запастись терпением, чтобы дать ему выговориться. У меня терпения хватило.

[1] Письмо было одобрено Вильсоном.

Я узнал, что немцы делают могучие усилия, чтобы добиться решающей победы на французском фронте, и, когда они этого достигнут, то готовы обсуждать мирные предложения.

Узнал я также, что больше всего они боятся голодовки. Австрия может продержаться довольно долго; благодаря своей близости к Румынии она особенно страдать не будет, но Германия будет голодать, если война затянется.

Как выясняется, Англия не пропускает в нейтральные порты ни одного судна без проверки того, нет ли на нем продовольствия и при обнаружении такого груза она пользуется правом закупки его.

Думба особенно хочет, чтобы американские суда бросили вызов Англии и кормили бы Германию...

Он говорил о чрезвычайном могуществе Англии и сказал, что военную мощь Германии даже сравнивать нельзя с мощью, которой Англия располагает во всем мире благодаря своему флоту. Он забыл прибавить, что Англия не пользуется своей мощью для предосудительных целей, поскольку она управляется демократией.

Войну он осуждал в очень сильных выражениях и заявил, что если бы австрийским министром иностранных дел был он, война бы никогда не началась. Он дал понять, что Германия и Австрия считали, что в 1915 г. Россия была бы уже совсем подготовлена и поэтому надо было ее предупредить.

Применение бомб он порицал.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

2

Хауз нисколько не заблуждался насчет затруднений с началом переговоров. Он наблюдал жалкий неуспех попытки Оскара Штрауса, занявшегося переговорами о мире с графом Бернсторфом и надеявшегося получить через Вильсона предложение от Германии для передачи союзникам: кто-то проболтался, и все надежды на успех мгновенно испарились. Это фиаско не усилило уважения Хауза к скромности германского посла, и вообще оно не способствовало облегчению новых начинаний. Больше того, хотя Хауз и утверждал, что на месте вождей Германии он пошел бы на все уступки для достижения мира, он, однако, не очень надеялся на их политическое благоразумие.

10 сентября он записывает: «Англия не согласится на мир, если это не будет постоянным миром, а в этом, я полагаю, Германия еще не готова уступить».

Тем не менее, когда Бернсторф попросил у него свидания, Хауз согласился обсуждать вопрос, так как не хотел оставить неиспользованным малейший шанс. Если германское правительство действительно уполномочит Бернсторфа сделать дельные

предложения, то союзники поступили бы очень благоразумно, если бы они внимательно обсудили такие предложения. По мысли Хауза, разумное предложение в то время значило—эвакуировать захваченные территории и полностью компенсировать Бельгию.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 18 сентября 1914 г.

«Дорогой начальник!

Сегодня ко мне пришел Бернсторф. Я предложил ему встретиться с сэром Сесилем Спринг-Райсом на обеде. Он дал согласие.

Я пишу сэру Сесилю, спрашивая его, сможет ли он приехать в Нью-Йорк в ближайшие дни, но не упоминаю о моей беседе с Бернсторфом. Если бы удалось свести этих двух, мы могли бы, по крайней мере, положить начало.

В настоящий момент Англия главенствует над своими союзниками. Впоследствии этого может и не быть. Пожалуй, в настоящее время Англия согласилась бы на договор о всеобщем разоружении и о компенсации Бельгии. Германия, я считаю, будет рада такому предложению. Продолжать ли мне, или придумать для сэра Сесиля какой-нибудь благовидный предлог для этого приглашения?

Поскольку теперь я поддерживаю связь с Бернсторфом, я надеюсь уговорить его на время держать язык за зубами. Он обещает, что ни одно человеческое существо не узнает об этих переговорах.

Мир ожидает, что вы сыграете главную роль в этой трагедии, и так оно и будет, ибо господь дал вам силу видеть вещи в верном свете.

Верный и преданный вам *Э. М. Хауз*».

«Бернсторф оказался совсем в другом настроении, чем во время нашей последней встречи весной,—делает Хауз отдельную запись. Тогда это был непринужденный, самоуверенный как в отношении себя, так и в отношении своей страны человек. После того, как я ему рассказал кое-что о моей поездке в Германию и о цели этой поездки и описал, какой любезный прием оказал мне кайзер в Потсдаме, я перешел к вопросу о мирных переговорах. Я спросил его, встречался ли он с сэром Сесилем Спринг-Райсом со времени начала военных действий. Он ответил отрицательно, так как это противоречило бы дипломатическому этикету. Я сказал, что, по-моему, им следует встретиться, и спросил его, согласится ли он на свидание, если я его устрою. Он подумал немного, а затем сказал, что согласен, если только это останется между нами тремя. Я поставил условием, что об этом будет знать также президент. Если бы из этой встречи что-нибудь вышло, я обещал ему получить разрешение нашего правительства на пользование шифром для непосредственного сношения с его правительством, чего

сейчас он, конечно, не имеет возможности делать. Он сказал, что если из этого ничего не выйдет, он не упомянет о свидании ни своему правительству, ни кому бы то ни было».

Уже в то время Хауз был в наиболее близких отношениях с английским послом. Они уже вместе прорабатывали инструкции для Пэйджа и ответ Грэю, исключая оттуда все недипломатические места. Спринг-Райс переписывался с Хаузом своим частным шифром, а Хауз считал возможным заходить к нему в любое время, если этого требовало дело. Хауз уже знал от него, что союзники не согласятся на обсуждение какого-нибудь наскоро состряпанного предложения о мире. «Вы понимаете, что мир не будет представлять собой ничего хорошего, если он будет вооруженным перемирием с перспективой новой войны в будущем,—писал Спринг-Райс Хаузу 12 сентября.—Мы хотим не только конца этой войны, но и конца всех войн. К сожалению, теперь договоры не имеют никакого значения. Мы слишком сильно потерпели, полагаясь на договоры, и если бы мы допустили, чтобы Бельгия после всех ее страданий была оставлена без надлежащей компенсации, то мы показали бы себя жалкими трусами. Такова страшная перспектива для всего мира, но сейчас ничего другого я себе не представляю».

Тем не менее Хауз решил, что стоит попытаться устроить встречу Бернсторфа и Спринг-Райса. Это противоречило принятому порядку, но Хауз мало считался с условностями; и когда Спринг-Райс сообщил ему по телефону, что в настоящий момент он не может уехать из Вашингтона, Хауз настоял на своем. «Выезжаю ночным поездом»,—ответил посол. Трудно удержать улыбку при мысли о дипломатах, принимающих распоряжения от спокойного, убедительного Хауза.

«*20 сентября 1914 г.* Я встретил сэра Сесиля в 7.30 на Пенсильванском вокзале,—записывает Хауз.—Из автомобиля я не выходил, чтобы меня кто-нибудь не увидел[1]. Мы немедленно заговорили о деле. Оказалось, что он не желает говорить с Бернсторфом, так как считает его совершенно ненадежным. У Бернсторфа, по его словам, дурная репутация не только в Англии, но и в Германии, и в Америку его послали, рассчитывая, что тут он не сможет навредить...

Я объяснил сэру Сесилю положение, каким оно рисуется мне. Во-первых, если в настоящее время Англия главенствует над союзниками, то этого, возможно, не будет в дальнейшем. Во-вторых, Англия могла бы добиться для союзников договора с Германией

[1] Спринг-Райс страшился шпионов. Он, очевидно, предпочитал, чтобы это его свидание с Хаузом осталось в тайне. Так, Хауз записывает: «Около 11 часов Сесиль направился в отель «Маджестик» повидаться с английским генеральным консулом сэром Куртене Бенетом. Сделал он это для того, чтобы иметь предлог для объяснения своей поездки в Нью-Йорк, на случай если бы об этом стало известно».

о разоружении и компенсации для Бельгии. Ведь именно этого Англия хочет, а не расчленения Германии, что наверное произойдет, даже против ее желания, в случае решительной победы союзников.

Со всем этим он согласился, но заявил, что немцы настолько ненадежны, их политическая философия до того эгоистична и аморальна, что он в затруднении, как начинать с ними переговоры. Он вообще опасается, что время для мирных переговоров еще не настало.

По его мнению, необходимо было бы обратиться одновременно ко всем союзникам, ибо Англии, если бы она того и хотела, неудобно начинать переговоры тайно, так как Германия, наверное, поступит недобросовестно и впоследствии будет изображать Великобританию как изменницу перед ее союзниками. Кроме того, предстоят затруднения с представителями Франции и России. Жюссеран, сказал он, в настоящее время в особенно нервном состоянии, а русский посол является реакционером худшего типа и почти что сумасшедший.

Сесиль сообщил мне содержание депеш, которыми он обменялся с сэром Эдуардом, и мы довольно подробно говорили о том, как лучше всего поступить при данных обстоятельствах и что сказать Бернсторфу... Он откровенен и прям, это образованный человек широких взглядов.

Он полагает, что в настоящее время президенту следует постоянно быть в курсе дел и постоянно внушать разным правительствам, что он готов действовать по первому их требованию. Он полагает, что президенту не следует делать каких-либо предложений относительно самих условий мира и держаться абсолютно нейтральной позиции...

Мне удалось внушить сэру Сесилю, что для Великобритании было бы неразумно гоняться за большими ставками в этом конфликте. Лучше всего ей было бы добиться разоружения и компенсации для Бельгии и не рисковать ужасными результатами поражения. Мне также удалось доказать ему, что если победят союзники и Германия будет целиком раздавлена, то некому будет сдерживать Россию, и положение в будущем окажется едва ли лучше прошлого».

Телеграмма с изложением американской точки зрения, которую в результате этой беседы послал Спринг-Райс, гласила:

Телеграмма Спринг-Райса сэру Эдуарду Грэю

«Б[ернсторф] согласен был войти в непосредственные сношения с С[принг]-Р[айсом]. С[принг]-Р[айс] ответил, что так как все три державы обязались заключить мир одновременно, он не может вступить в переговоры.

Я полагаю, что Б[ернсторф] действовал не без указания или ведома своего правительства. Переговоры здесь, вероятно, представляли бы затруднения.

Но следующие соображения, видимо, напрашиваются вниманию всего мира:

Если война будет продолжаться, то победит либо Г[ермания], либо Р[оссия]. Оба выхода были бы фатальными для европейского равновесия. Следовательно, настоящий момент более подходит для соглашения в духе сохранения равновесия.

Может быть, с этой точки зрения президент хотел бы помочь переговорам именно теперь. Основой переговоров могли бы послужить два принципа сэра Э[дуарда] Г[рэя]. Первое—конец милитаризма и постоянный мир; второе—компенсация для Бельгии.

Если бы другие державы пожелали внести свои предложения для достижения соглашения на основе этих двух принципов, то переговоры можно было бы начать. Если они могут внести какие-либо другие предложения, необходимо сделать это возможно скорее, а п[резидент] вполне готов в качестве доброжелательного посредника помочь обмену мнениями, не высказывая своего собственного мнения.

Г[ермания] всеми силами старается представить А[нглию] в невыгодном свете, давая понять, что А[нглия] отвергает дружественные предложения со стороны Г[ермании].

Для А[нглии] было бы опасным настаивать на том, что она ничего не может сделать. Хотя вполне понятно, что она не может вести переговоров без ведома других двух союзников. Очень полезно было бы для всех трех заставить Г[ерманию] раскрыть свои карты.

Два принципа Э[дуарда] Г[рэя] встретили бы сочувствие во всем мире».

Письма Хауза президенту

Нью-Йорк, 22 сентября 1914 г.

«Дорогой начальник!

Вчера ко мне зашел Бернсторф узнать результаты визита Спринг-Райса.

Я сказал ему, что сэр Сесиль не решался вступать в переговоры без разрешения своего правительства и без ведома союзников. Бернсторф считает это разумным. Он утверждает, что инструкции его правительства дают ему полномочия на ведение такого рода переговоров...

Бернсторф считает, что сейчас не слишком рано начинать переговоры, поскольку они едва ли смогут привести к каким-нибудь результатам ранее, чем через несколько месяцев.

Мы с сэром Сесилем оба согласны в том, что кайзер наверное согласится принять те условия, которые Англия охотно ему предложит, если только немецкая военная партия кайзеру позволит. Наибольшая трудность, с какой придется встретиться во время переговоров, будет глубоко укоренившееся недоверие англичан к германской дипломатии и к ее обещаниям. Нечто в этом роде испытывают немцы по отношению к Англии.

Бернсторф указал и на другое затруднение, состоящее в том, что ни одна страна не захочет первой выступить с предложениями. Этого, однако, можно избежать тем, что мы будем поступать так, как поступаем сейчас; тогда, сами того не сознавая, они начнут говорить об этом и не будут, следовательно, так щепетильны...

Верный и преданный вам *Э. М. Хауз*».

Нью-Йорк, 6 октября 1914 г.

«Дорогой начальник!

Думба заходил ко мне и вручил прилагаемую статью, написанную им для ноябрьского номера журнала «World Work». Он хотел бы, чтобы вы предварительно ее просмотрели.

Он почти не старался скрыть своего нетерпения по поводу начала мирных переговоров. Я сказал ему, что, по-моему, союзники не захотят начинать таких переговоров, пока германская армия остается на их территории. Он ответил: «Следовательно, германское поражение в настоящее время, пожалуй, не было бы таким большим злом?»

Я рассказал ему, как вы стремитесь помочь воюющим державам, но считаете, что вы уже и так зашли дальше, чем позволяет благоразумие, не получая никакой поддержки от заинтересованных сторон.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Несмотря на приватные заверения Бернсторфа и Думбы, публичные заявления немецкого и австрийского правительств были совершенно противоположного характера и не способствовали началу мирных переговоров. Общественное мнение в Центральной Европе приучалось к ожиданию решительной победы, и его официальные представители продолжали давать обещания. Лидеры союзников выражали в свою очередь такие же настроения с еще большей силой. Англичане считали, и не без основания, что трудно согласовать разговоры Бернсторфа о мире с той кампанией ненависти против Англии, какую все время разжигал Берлин.

Письмо Спринг-Райса Хаузу

Вашингтон, 24 сентября 1914 г.

«Дорогой полковник!

Сообщение послано по назначению и ныне рассматривается большими шишками. Пока же я замечаю, что уверения вашего друга (Бернсторфа) публично и официально опровергаются его хозяевами, так что его нельзя считать ни уполномоченным, ни ответственным. Каждое предложение с той стороны о том, чтобы условия обсуждались с одним каким-либо членом фирмы [Антанты] делается, очевидно, с намерением посеять между ними рознь. Всякий, кто хочет, чтобы условия договора были обсуждены, должен обратиться ко всем членам фирмы одновременно...

Я замечаю, что в настоящее время мы являемся объектом самых злостных нападок со стороны говорившего с вами лица [Бернсторфа] и его друзей и союзников. Нет никаких признаков мирных намерений, напротив, делается все возможное, чтобы отравить настроение, в частности и в особенности—в отношении нас.

Уже давно ничто так не радовало меня, как беседа с вами, надеюсь увидеться снова.

Всегда ваш *С. С.-Р.*».

Запись Х. С. Уоллэса о разговоре с Бернсторфом

25 сентября 1914 г.

«Сегодня, когда я один завтракал в отеле «Риц-Карлтон», Бернсторф подошел и попросил разрешения сесть за мой столик.

Он сказал, что очень хочет знать, продвинулось ли насколько-нибудь дело; я ответил, что затруднение в том, что необходимо вести переговоры с компаньонами (Францией и Россией).

В разговоре я спросил его, считает ли он момент благоприятным для начала переговоров. Он ответил, что нисколько в этом не сомневается, при условии, что первый шаг будет сделан Островом [Англией]. По его мнению, можно рассчитывать на полное содействие его страны, но сообщил он мне это под строжайшим секретом. Он сказал, что если бы можно было начать переговоры на Острове и вести их в строжайшей тайне, он мог бы устроить благоприятный прием (соответствующей делегации) в его стране. Главное опасение внушает ему общественное мнение на Острове и у компаньонов,—отсюда и необходимость соблюдения тайны.

Он также считает, что если сейчас ничего не будет сделано, дело примет затяжной характер, так как в ближайшие шесть месяцев, а то и в течение года, ничего решающего не произойдет; если же случится что-нибудь особенно радостное для той или иной стороны, то общественное мнение помешает, если совсем не по-

дорвет любые планы, кроме плана полного подавления противника. Он также сказал мне по секрету, что его народ воздерживается от ряда очень неприятных вещей, чтобы не разжигать чувств нашего народа. При этом он заметил: «Если Уинстон [Черчилль] выражает настроение правительства, то бесполезно даже пытаться». Но я сказал ему, что у Грэя другие взгляды. Он ответил, что если это в самом деле так, то многое может быть достигнуто поездкой какого-нибудь лица от имени президента сперва на Остров, а потом по ту сторону Ламанша».

«*29 сентября 1914 г.* (Беседа Спринг-Райса с Хаузом). Спринг-Райс заявил, что совместно составленная нами для сэра Эдуарда Грэя 20 сентября телеграмма обсуждается его правительством и о ней ведутся переговоры с союзниками. После моих настойчивых расспросов, он указал, что, вероятно, пройдет некоторое время до того, как мы об этом что-нибудь узнаем. Я заключил, что они намерены ничего не делать до благоприятного, по их мнению, момента, и тогда они воспользуются телеграммой как средством для начала мирных переговоров. Повидимому, сэр Сесиль целиком того мнения, что Германию следует основательно наказать до заключения мира. В его настроении чувствуется негодование и почти что мстительность. Он говорит, что простить Германию теперь и заключить мир равносильно прощению насильника и примирению с ним, после того как он вас свалил с ног и топтал ногами к полному своему удовольствию».

3

Американские послы в Лондоне и Берлине подтвердили Хаузу, что обе стороны намерены довести конфликт до конца. Пэйдж целиком поддерживал распространенный в Англии взгляд, что нет иного пути к пресечению германского милитаризма, кроме политического уничтожения Германии. Хауз с этим не соглашался уже тогда, а впоследствии он считал, что германский милитаризм потерпел поражение в битве на Марне и единственный и притом верный путь оживить его—это угрожать германскому народу политическим уничтожением, толкая его на то, чтобы принять военную диктатуру.

Письма Пэйджа того времени обнаруживают и дар предвидения, и поразительное непонимание будущего.

Письма Пэйджа Хаузу

Лондон, 15 сентября 1914 г.

«Дорогой Хауз!

...Не обманывайте себя; они вышибут Германию из седла, и никто не сможет им в этом помешать. И если только германский

флот не выйдет из стоянки и не будет в ближайшее время разбит, то война будет гораздо более затяжной, чем многие думают. Это будет борьба до конца. Ради бога, пусть миролюбивые старые бабы не думают, что мы можем или должны остановить войну до того, как с кайзером окончательно не расправятся. Это значило бы играть наруку Бернсторфу. Цивилизация должна быть спасена. А это невозможно, пока жив германский милитаризм.

Сердечно ваш *У. Х. П.*».

Лондон, 22 сентября 1914 г.

«Дорогой Хауз!

...«Война только начнется ближайшей весною»,—так заявил вчера Китченер. Вполне возможно, что это так. До наступления холодов французы сделают все, что только можно; русские разобьют Австрию, а затем Англия вступит с полутора миллионами свежих людей и получит шкуру медведя. Так поступил Веллингтон при Ватерлоо. Таков прием англичан,—взгляните только на их дипломатию... Конечно, в действительности война ведется между Германий и Англией, но Англия добилась того, что Россия и Франция вступили в войну еще до нее. У Германии есть только одна подмога—Австрия. Италия обманула ее, а Австрия уже разбита. Грэй и Китченер—этого для них оказалось слишком много[1].

На самом деле наиболее слепая сила в сегодняшнем мире—это прусская военная партия; слепая и тупая. А наиболее озабоченный человек в Лондоне, именно в этот момент, это

ваш покорный слуга *У. Х. П.*,
но к утру он будет молодцом».

Лондон, 9 ноября 1914 г.

«Дорогой Хауз!

...Мир? Боюсь, что нет, и на очень долгое время. Немцы настроены так же, как женщины, чье письмо я при сем прилагаю. Их правительство не может остановиться, пока у народа такое настроение и пока у них хватает продовольствия, пороха и людей. Англичане не могут остановиться, пока немцы не согласятся восстановить Бельгию и заплатить за страшное насилие над нею. И все-таки я молю небо, чтобы я ошибался, ибо ужас всего этого выходит за пределы вероятного. Мы рассказываем один другому, что состояние Рокфеллера—четыреста, или пятьсот, или тысяча миллионов долларов. Это ничего не означает: цифры слишком велики. Если состояние человека—сто тысяч, или полмиллиона, или миллион, или даже десять миллионов, то это мы можем себе

[1] Эти заявления не говорят в пользу глубоких исторических познаний или дара предвидения у посла.

представить. Но вот, когда я говорю, что может быть уже убито три миллиона человек, то этого нельзя себе представить. У нас нет опыта, чтобы понять эту цифру. И это невероятное жертвоприношение продолжается... Мы потеряли обычные человеческие вехи, все старые мерила вещей отброшены, новых же мерил нет; мы просто ослеплены...

Сердечно ваш *У. Х. П.*».

Указание посла о количестве убитых было преувеличено, но его заключение представляет острый интерес, так как оно указывает на сущность трагедии; не смогшая с самого начала предотвратить войну, Европа была также не в состоянии остановить ее: она была «просто ослеплена».

Как и Англия, Германия чувствовала необходимость выдержки. Немецкий народ, как и все участники войны, рассматривал ее как самозащиту. «Они главным образом озабочены тем,— гласит письмо американского корреспондента из Лейпцига в августе,—чтобы в Америке понимали, что они, пока это можно было делать, сопротивлялись войне, сохраняя собственное достоинство. Мои встречи со всякого рода людьми подтверждают их уверения, что войны никто не желал. Распространенное среди них мнение, что на войну толкнула их Россия, вполне искренно».

При таком настроении безнадежно было ожидать, что они пойдут на какие-нибудь жертвы для достижения мира. При всех их страданиях немцев укрепляла мысль, что они борются за священное дело.

Письмо Джерарда Хаузу

Берлин, ноябрь, 1914 г.

«Дорогой Хауз!

...Сегодня у меня был продолжительный разговор с канцлером, который послал за мною, приехав на несколько дней с фронта. Он говорит, что в настоящее время не видит шансов на мир. Германия очень возмущена тем, что Америка продает военное снаряжение Франции и Англии, а также условиями содержания немецких пленных в других странах, в особенности в России.

Ненависть здесь против Англии феноменальная. Оды ненависти распеваются в мюзик-холлах. Народ настроен очень решительно. И как видно, они, несмотря на сообщения союзнической прессы, бьют русских. О французском фронте нечего сообщать. Рейхстаг вотировал снова большие кредиты, а потом был распущен. Возражал один Либкнехт, а потом его собственная партия порицала его. Жизнь кажется здесь вполне нормальной, и цены на продовольствие поднялись только слегка.

До настоящего времени потери со стороны немцев составляют 4 500 офицеров и 83 тыс. солдат убитыми, около 280 тыс. ранеными и около 100 тыс. пленными. Совсем не так много, из возможных 12 миллионов. Финансы в полном порядке, и страна может продолжать войну бесконечно,—войну, принятую народом в целом довольно хладнокровно.

У нас, попрежнему, много работы. Я особенно занят ввозом сюда хлопка и вывозом химикалиев и красок. Для наших рудников нам нужен цианид, и для бесконечного числа отраслей промышленности—краски. Немцы это знают и пользуются этим, чтобы заставить нас доставлять им хлопок и шерсть. Поэтому они и дают нам каждый раз не больше месячного запаса. Кроме того они опасаются, чтобы мы не перепродавали его англичанам.

Моя работа затрудняется продажей Соединенными штатами амуниции во Францию и Англию, а также статьями и карикатурами в американских газетах. Но у меня пока еще как будто хорошие отношения с правительством, и канцлер дал мне понять, что он хотел бы, чтобы я посетил его на фронте.

Всегда ваш *Дж. У. Джерард*».

Хауз хорошо понимал, что не следует слишком нажимать на союзников, добиваясь категорического ответа на предложение о переговорах, направленное Грэю через Спринг-Райса. Такое давление легко можно было истолковать, как шаг для спасения Германии от поражения, которое, как многие оптимисты считали, будет нанесено ей весною. Сам Хауз хотел, чтобы Германия была основательно разбита, так чтобы с милитаризмом там было покончено раз навсегда.

Но он также сознавал, что если в начале зимы не будет сделано какого-нибудь шага в пользу мира, то самый благоприятный момент будет упущен. На время военные действия достигли мертвой точки. К весне каждая сторона будет надеяться на победу и будет отказываться от переговоров, пока не испробует своих новых армий. Конец осени был лучшим психологическим моментом для начала переговоров.

Но был по крайней мере один немец, который, будучи уверен, что его страна идет к гибели и может быть спасена только скорым миром, неустанно старался начать переговоры. Это был граф фон Бернсторф. Недоверие, которое возбудила у Великобритании его прежняя деятельность, было, возможно, не совсем незаслуженно, последующие месяцы однако доказали полную искренность его стремлений к миру и к сохранению дружественных отношений между Германией и Соединенными штатами. Хауз был несколько предубежден против него и не мог вести с ним переговоры с той

откровенностью, с какой он вел переговоры с англичанами. Но, в конце концов, он должен был признать способности и честные намерения германского посла.

4

Возможно, это была дипломатическая хитрость; возможно — самообман, но, во всяком случае, Бернсторф постоянно твердил о готовности Берлина согласиться на условия, которые удовлетворили бы Англию. Возможно, его правительство не прочь было, чтобы Бернсторф давал обещания, от которых оно в случае необходимости могло бы отказаться. Во всяком случае, полученное Хаузом в декабре от Циммермана письмо не давало ясного указания на какую-нибудь перемену в настроении официальной Германии, хотя в нем был намек на то, что если бы другая сторона предприняла какие-нибудь шаги, Германия, возможно, не стала бы проявлять неблагоразумия.

Письмо Циммермана Хаузу

Берлин, 3 декабря 1914 г.

«Дорогой Хауз!

Простите, пожалуйста, за то, что я задержался так с ответом на ваше письмо от 5 сентября, которое, между прочим, было получено с большим запозданием. С большими интересом прочитал я написанное вами, но мне кажется, что, принимая во внимание оборот, какой пока что приняли дела, и очевидно неослабевающий пыл наших оппонентов, вопрос о посредничестве еще не достиг стадии действия.

Когда я говорю о «неослабевающем пыле наших оппонентов», я имею в виду высказывания, какие, например, появились в лондонских корреспонденциях нью-йоркской газеты «Сан» от 9 октября и в «Трибюн» от 16 октября, где говорится, что ни Англия, ни Франция, ни Россия не станут прислушиваться к таким голосам, т. е. к посредничеству.

С другой стороны, вы хорошо знаете, что мы высоко ценим вашу и президента попытку. Вы можете быть вполне уверены, что предложение президента о посредничестве было принято именно в том духе, в каком оно было задумано, и ни на одну минуту его не считали бессодержательным.

Германия всегда желала мира, что подтверждает ее история за последние сорок лет. Война была навязана нам нашими врагами, они ведут ее, сосредоточив в своем распоряжении все силы, включая японцев и другие цветные расы. Поэтому мы не можем сделать первый шаг к заключению мира. Положение могло бы быть иным, если бы такой шаг исходил от другой стороны.

Я не знаю, направляли ли вы свои усилия в эту сторону и нашли ли они отзвук. Но поскольку вы так любезно и альтруистично предлагаете свои услуги, соглашаясь действовать по любому моему предложению, то стóит, мне кажется, попытаться выяснить, каковы настроения в другом лагере.

Само собой разумеется, я всегда рад вашим сообщениям, которые будут рассмотрены с соблюдением полнейшей тайны.

Искренно ваш *Циммерман*».

Бернсторф утверждал, что если бы Хауз поехал в Германию, то убедился бы, что берлинское правительство очень благоразумно. В середине декабря они завтракали вместе в Вашингтоне.

«*17 декабря 1914 г.* Мы занялись вопросом о европейском мире,— записывает Хауз.—Я сообщил ему, что президент решил предоставить на мое усмотрение вопрос о благоприятном моменте и о порядке действия. Он заявил, что против этого его правительство не будет возражать, и нет необходимости посещать раньше всего Германию. Если бы я мог уговорить союзников согласиться на переговоры, его правительство тоже согласится. Я ответил ему, что нет смысла поднимать вопроса перед союзниками, кроме как на условиях эвакуации и компенсации Бельгии и решительного разоружения, могущего обеспечить постоянный мир. Он заявил, что, как он полагает, в этом направлении не будет затруднений.

Я поздравил его с таким отношением к вопросу и сказал, что это произведет хорошее впечатление и покажет, что не Германия будет виновата, если мирные переговоры не будут начаты. Я попросил его подтвердить это соответствующей телеграммой своему правительству. Он сказал, что не имеет возможности сноситься со своим правительством помимо нашего министерства иностранных дел, но я возразил: «Я ведь знаю, что при желании вы можете сноситься со своим правительством. Всякий мыслящий человек легко увидит, что при настоящих условиях никто не может вам в этом помешать». Тогда он признал, что действительно может снестись со своим правительством.

Я удовлетворен исходом моих разговоров с Бернсторфом, хотя если бы начались фактические переговоры, мне, возможно, трудно было бы использовать их словесные обещания. Однако я оставил это опасение про себя».

Три дня спустя Хауз получил долгожданное сообщение от англичан. Оно было несколько двусмысленным, но, по крайней мере, давало некоторую надежду на то, что англичане рассмотрят германское предложение.

«*20 декабря 1914 г.* В 9 ч. 45 м. вечера Филиппс из министерства иностранных дел позвонил, что английский посол хочет

встретиться со мною утром по важному вопросу. Я ответил, что ночью уезжаю в Нью-Йорк и предложил пригласить посла немедленно, сам же я приеду через пять минут. Я извинился перед президентом и пошел к Филиппсу, где застал Спринг-Райса. Он получил от сэра Эдуарда Грэя сообщение о наших мирных предложениях. Грэй считает, что союзникам не следует выступать против предложения о компенсации для Бельгии и удовлетворительном плане разоружения. Сэр Эдуард просит передать мне, что это его личное мнение.

Я вернулся в Белый Дом. Президент... был очень обрадован и спросил, смог бы я выехать в Европу уже в субботу. Я заявил, что могу ехать в любую минуту. Он считает, что до моего отъезда мы должны закончить наши южноамериканские дела, так чтобы совершенно освободить меня...»

«*23 декабря 1914 г.* Когда я встретился с Спринг-Райсом, он сказал, что получил другую телеграмму от сэра Эдуарда Грэя, и хотя тот лично согласен со сделанным предложением, но еще не ставил этот вопрос на обсуждение кабинета, не говоря уже о союзниках. Он предчувствует затруднения со стороны Франции и России, особенно в выработке проекта постоянного соглашения. Сэр Сесиль хотел, чтобы мы поделились мыслями о таком проекте соглашения. Я считал, что в настоящее время дискуссия будет беспочвенной потому, что займет недели, если не месяцы, даже после того, как державы приступят к переговорам. Я сказал ему, что я не предлагаю приостановить военные действия, даже когда переговоры начнутся, и что нет необходимости заключать перемирие до тех пор, пока не вырисуется, по крайней мере, предварительное взаимопонимание сущности постоянного соглашения.

Он полагает, что Франция, возможно, потребует французскую часть Лотарингии, а Россия захочет получить Константинополь. Он не знает, согласится ли Германия на первое требование. Я заявил, что это надо будет выяснить впоследствии и что переговоры необходимо начать, исходя из общего принципа эвакуации и компенсации Бельгии и договора о постоянной ликвидации европейских недоразумений со включением сокращения вооружений.

К моему удивлению он сказал, что о компенсации для Бельгии можно будет договориться, так как вероятно, все державы согласятся принять участие в покрытии убытков, понесенных этой храброй маленькой державой. Я был так удивлен его заявлением, что он видит признаки «всеобщего испуга среди европейских народов», ибо, как кажется ему, «большинство из них боится революции...».

Он не может понять, зачем Германии соглашаться на мирные переговоры в настоящий момент, когда она имеет такие видимые успехи; он не верит, чтобы немецкая военная партия или немец-

кий народ в целом позволили довести эти переговоры до благополучного конца. Поскольку дело касается этих двух элементов, я с ним согласен, но считаю, что кайзер, канцлер, министр иностранных дел и их окружение знают, что они уже потерпели военную неудачу и не станут рисковать, если сейчас они смогут выйти из этого положения целыми...

Сэр Сесиль сказал, что сегодня же вечером он по телеграфу передаст наш разговор сэру Эдуарду Грэю и попросит его позондировать почву у союзников и дать нам знать по возможности скорее, стоит ли мне ехать в Лондон.

Я попросил передать, что мы не намерены форсировать события, но было бы неразумно дать немцам то преимущество, что они выразят готовность начать переговоры на этих условиях, а союзники потом им в этом откажут.

По возвращении в Белый Дом я застал ожидавшего меня президента. После пересказа моей беседы мы стали обсуждать, что лучше всего сказать Бернсторфу, и пришли к заключению, что его следует оставить в покое до того, пока мы непосредственно получим какое-нибудь сообщение от союзников; после чего мы смогли бы прямо поставить вопрос перед Бернсторфом, сказав ему, что я готов ехать в Лондон, но в его интересах не допускать, чтобы я поехал, а Германия при этом отказалась бы подтвердить его заявления».

5

До декабря Вильсон возлагал больше надежд на намеченную поездку Хауза, чем сам Хауз. Хауз понимал, откуда происходит недоверие англичан к искренности Германии, и частично сам его разделял. Он глубже президента понимал, насколько трудно уговорить ослепленных войной противников, что компромисс лучше риска быть уничтоженным. К тому же он настолько разделял точку зрения союзников, чтобы не желать половинчатого мира, если это означало дальнейшее существование немецкого милитаризма.

Но угроза кризиса в наших отношениях с англичанами из-за спора об ограничениях нейтральной торговли осложнила положение. Если бы дружественные отношения с Великобританией были нарушены, то возможность американского посредничества была бы исключена. Более того, немецкое общественное мнение, дружественное нам в первые недели войны, становилось все более враждебным из-за экспорта американской амуниции в союзные страны. Становилось очевидным, что через вашингтонских послов больше ничего не удастся сделать для успеха посреднической миссии. Более положительных результатов можно было добиться от глав правительств непосредственно, если отправиться в Европу. Хауз мог бы, по крайней мере, положить конец тем антиамерикан-

ским настроениям, какие появились у всех воюющих стран. В этом мнении его укрепляли письма от Джерарда и сэра Эдуарда Грэя.

Письма Джерарда Хаузу

Берлин, 29 декабря 1914 г.

«Дорогой Хауз!

...Благодарю за «намек» о немецких дамах (урожденных американках), которые пишут о нашем посольстве[1]. Одна из них, наверное, фрау фон N. N., которая угрожала мне (в письменной форме), что будет жаловаться президенту на то, что мы не принимаем ее приглашений к обеду и не приглашаем ее к себе. В действительности же мы отклонили ее приглашение потому, что чувствовали себя усталыми, и своевременно послали бы ей приглашение, если бы не ее необычная выходка; а теперь мы не можем допустить, чтобы нас насилием, угрозами или шантажем заставляли приглашать кого бы то ни было. И, во всяком случае, своя рука—владыка...

Виды на мир очень смутные, но месяца через три простой народ во всех странах устанет от всего этого дела, и тогда, если только какая-нибудь сторона не добьется какого-нибудь разительного успеха (на который все надеются весной), мир придет—медленно, нехотя. И мы надеемся встретить вас здесь в роли ангела такого мира.

В настоящее время немцы немного раздражены нашей торговлей амуницией с союзниками, а также из-за необычного приказа нашего министерства иностранных дел о том, чтобы «американский посол не осматривал и не посещал тюрем, лагерей военнопленных и т. д.». Они, естественно, считают, что мы не можем защищать их интересы во Франции, Англии и России без таких осмотров. Они также очень в обиде за то, что Чендлеру Андерсену, из нашего лондонского посольства, было разрешено приехать сюда и осматривать места заключения военнопленных англичан, а когда мы (и это было тем условием, на котором было дано разрешение Андерсену) захотели послать кого-нибудь отсюда для ознакомления с лагерями военнопленных в Англии, нас встретили упомянутым выше приказом (об этом я сообщил министерству длинной телеграммой). Я очень много поработал над ввозом хлопка и вывозом красок.

---

[1] Хауз предупредил Джерарда, а также Пэйджа быть очень осторожными и не выражать иных настроений, кроме нейтральных. В Вашингтон стали поступать жалобы, что американское посольство в Берлине проявляет себя как антинемецкое. Интересно сопоставить то, как спокойно воспринял это предостережение Джерард и отношение Пэйджа, описанное в предыдущей главе.

Кайзер был несколько дней болен, и ни я, ни кто-либо другой не видели его. Говорят, что он очень сердит на американцев за торговлю амуницией, но не думаю, чтобы он остановил заводы Круппа, если бы мы воевали с Японией. Во время испанской войны из Германии посылалось много амуниции в Испанию. Нет, конечно, никакого сомнения, что настоящий нейтралитет предполагает прекращение такой торговли, но согласятся ли наши граждане на такое стеснение американской промышленности?..

Искренно ваш *Дж. У. Дж.*».

Берлин, 20 января 1915 г.

«Дорогой Хауз!

Надеюсь, вы разберете мой почерк; но так как большинство моих стенографисток, наверное, подкуплены здешним министерством иностранных дел, то это более надежно, чем диктовать на машинку.

В газетах и во многих получаемых нами анонимных письмах много пишут о нашей торговле амуницией с союзниками. Но мы все равно не смогли бы удовлетворить немцев, разве только если стали бы воевать с ними заодно, отдали бы им все наши деньги, всю нашу одежду и Соединенные штаты вдобавок. Помимо этого было бы непозволительно для нейтрала менять порядок после того, как он уже действует,—во всяком случае, немецкое правительство протеста не заявляло. Германия продавала амуницию Испании в 1898 г., России во время русско-японской войны и Хуэрте, когда у нас были недоразумения с ним. И во всяком случае, как я уже сказал, мы не сможем удовлетворить немцев во всем. Они пишут массу статей, обвиняя президента в том, что он против Германии, и говорят, что Брайан не нейтрален потому, что его зять английский офицер.

Пока что, несмотря на непопулярность американцев, я делаю, кажется, все, что мне нужно. Зачем был послан приказ министерства иностранных дел с запрещением посещать и осматривать здешний лагерь военнопленных англичан?[1]. Это единственный путь добиться хорошего обращения с военнопленными. Не потому ли это, что Пэйдж не хочет посещать лагерей в Англии? Испанский посол посещает лагери пленных французов и русских, и одной из существенных обязанностей посла, перенявшего защиту интересов другой страны, считается личный или через чинов своего посольства осмотр этих лагерей. Сотни бедняг поумирали уже из-за нерадивости властей, и это я мог бы предотвратить. Германия даже не старается изображать, будто она со-

[1] Приказ был отменен, и Джерарду было разрешено осматривать лагери военнопленных.

блюдает Гаагскую конвенцию об обращении с военнопленными. На деньги английского правительства я покупаю одежду для этих пленных; многие из них, попавшие в плен в августе, одеты только в летнюю форму, не имеют смены белья и сплошь покрыты паразитами. Отпускаемой пищи недостаточно, а офицеры подвергаются мелким придиркам, рассчитанным на то, чтобы спровоцировать их на возмущение или на ссоры с офицерами союзных армий. Коегде начальниками лагерей назначены порядочные люди, которые выказывают себя как джентльмены и офицеры, там таких придирок нет.

Если позволят дела, я постараюсь посетить кайзера на фронте и сообщить вам о его настроении. Все здесь еще полны уверенности, а организация настолько совершенна, что я не представляю себе, как они могут проиграть войну. Вскоре они, несомненно, попытаются блокировать Англию подводными лодками и, как только погода станет более благоприятной, атаковать ее порты цеппелинами. Министерством иностранных дел все еще руководит Циммерман, так как фон Ягов на фронте. С Циммерманом у меня все идет хорошо.

Наилучшие пожелания от нас обоих м-сс Хауз.

Всегда ваш *Джэймс У. Джерард*».

Немецкий антагонизм к Соединенным штатам вместе с уверенностью в военной победе не способствовали плану американского посредничества. Еще более обескураживающим было сообщение сэра Эдуарда Грэя, полученное Хаузом через английского посла в Вашингтоне. Грэй откровенно заявлял, что англичане разочарованы отношением правительства Соединенных штатов и склонны отнестись с подозрением к мотивам президента Вильсона.

Письмо Эдуарда Грэя Спринг-Райсу

22 января 1915 г.

«Ваше сообщение получено.

Мне будет очень приятно увидеть его [Хауза] и поговорить с ним откровенно. Он, конечно, понимает, что мы здесь можем обещать только одно: если Германия искренно и серьезно хочет мира, то я посоветуюсь с нашими друзьями относительно приемлемых условий мира.

Однако до его отъезда следовало бы предупредить его о состоянии общественного мнения у нас. Боюсь, что оно неблагоприятно и глубоко задето образом действий правительства Соединенных штатов и его отношением к Великобритании. Здесь считают, что в то время как Германия сознательно замышляла войну для чистой агрессии, заняла и разорила большие районы в России,

Бельгии и Франции, причиняя безвинному населению великие страдания и несправедливости,—в это время единственным актом со стороны Соединенных штатов был протест, отметивший Великобританию, как единственную державу, поведение которой достойно порицания...

В начале войны, несомненно, существовало определенное, чисто американское настроение, порожденное несправедливостью в отношении Бельгии и одобрявшее наше вступление в войну. Это чувство, несомненно, было искренне и широко распространено; оно основывалось скорее на идеалах поведения, чем на расовых, исторических или языковых признаках. Но теперь мы видим, что немцы чувствуют себя как бы партизанами: в Америке, как и везде, они всеми доступными средствами работают в интересах германского оружия, в Европе они стараются тем или иным путем оказать влияние на прессу, на деловые круги и на правительство. На их активности и на успехе, которым они пользовались до сих пор, Германия основывает свои надежды на то, что отношение правительства Соединенных штатов к союзникам, а в особенности, можно прибавить, к Великобритании, будет все ухудшаться...

С трудом верится, что в Соединенных штатах этой политики сознательно придерживается кто-либо, кроме германо-американцев. В Европе, однако, считают возможным, что правительство Соединенных штатов незаметно для себя втянется в такую политику. Если эти опасения реализуются, то не может быть надежды на скорое окончание войны. Германия не выпустит Бельгию из рук, что же касается Великобритании, не говоря уже о ее союзниках, она не может отказаться от требования восстановления Бельгии до тех пор, пока она не истощит все свои ресурсы, разве только она сама не разделит судьбу Бельгии.

Вот каковы настроения нашего народа, и хотелось бы, чтобы он [Хауз] это знал. Чувство это еще не получило широкого выражения, но оно существует и растет. В борьбе за существование, которая решает судьбу нашей страны, мы очень надеемся на расположение Соединенных штатов, и мы не можем поверить, чтобы Соединенные штаты захотели уменьшить преимущество, которым мы располагаем вследствие нашей морской мощи, оставляя нетронутыми в распоряжении Германии ее военные и научные преимущества.

Я считаю необходимым предупредить его, что если английский народ придет к убеждению, что в политике Соединенных штатов доминирует германское влияние, это будет способствовать созданию нежелательного настроения общественного мнения, о котором всем нам придется весьма сожалеть.

Все сказанное выше представляет чисто личное мнение и таким его следует рассматривать, но при данных обстоятельствах я счи-

таю своим долгом сделать это личное и дружественное предупреждение о возможном направлении общественного настроения.

Э. Грэй».

Выраженное Грэем общественное мнение англичан об официальном отношении Соединенных штатов было в большой степени несправедливо и основывалось больше на чувствах, чем на фактах. Если единственный протест, заявленный Соединенными штатами, был направлен против Великобритании, то лишь потому, что до той поры единственное бросавшееся в глаза нарушение прав Америки как нейтральной державы проявилось в примененных англичанами военных мерах. Английские опасения насчет того, что немецкие интриги могут оказать влияние на политику Соединенных штатов, были неосновательны. Если и верно было, что германо-американцы агитировали за наложение эмбарго на вывоз военного снаряжения, то в одинаковой мере верно и то, что правительство неизменно отказывалось наложить эмбарго. Таким образом, Соединенные штаты не только настаивали на своем нейтральном праве на экспорт вразрез с требованиями Германии и германо-американцев, попутно ухудшая свои отношения с Германией, но в то же время удовлетворяли то, что сам Грэй назвал «нуждами союзников».

Эти факты, очевидно, были недостаточно оценены английским правительством и английским народом. Тем больше смысла имело послать в Англию кого-нибудь, кто сумел бы убедительно разъяснить американскую точку зрения.

В начале января Хауз решил рискнуть.

6

«*12 января 1915 г.* 12-часовым поездом я выехал в Вашингтон. В поезде я встретил Сэмюэля Хостона Томсона из министерства юстиции и Х. С. Уоллэса. В Балтиморе меня встретили Дэйвис и директор департамента статистики Харрис, так что в общем я не успел отдохнуть.

На вокзале меня встретили Мак-Аду и Грэйсон. Переодевшись для обеда, я прошел в кабинет президента; спустя несколько минут вошел и он. Перед обедом мы успели поговорить ровно двенадцать минут, и за эти двенадцать минут было решено, что я выезжаю в Европу 30 января. Еще до приезда в Вашингтон я почти решил, что это необходимо и был уверен, что после того, как изложу свои мотивы президенту, он согласится, что лучше всего сделать так.

Я полагал, что с послами в Вашингтоне мы сделали все, что только можно было, и теперь топчемся на месте. Настало время

вести переговоры непосредственно с хозяевами. У меня начинает появляться такое чувство, будто мы теряем почву и теперь мы не так близки с союзниками, как раньше; необходимо поставить вопрос непосредственно перед Лондоном, а затем перед Берлином.

За обедом гостей не было. После обеда, до половины девятого, президент читал нам отрывки из очерков А. Г. Гардинера о великих людях, потом пришел сенатор Лафоллет. После его ухода президент возобновил чтение. Меня удивило, что вместо обсуждения интересовавших нас важных вопросов он предпочитает читать. Очевидно, он был уверен, что я смогу сделать без его помощи то, ради чего я приехал в Вашингтон»[1].

«*13 января 1915 г.* После завтрака мы с президентом прошлись от лифта до его кабинета, и я успел изложить ему свой план действий: я повидаю южноамериканских послов, английского посла и Брайана. Я считал необходимым договориться о том, какое объяснение я должен дать Спринг-Райсу относительно моей поездки в Европу. Я полагал, что лучше всего сказать ему, что я хочу выяснить положение у немцев. На это президент ответил: «Конечно, если вы перед тем остановитесь в Лондоне и поговорите с английским правительством, это никого не удивит и не затронет самолюбия английского посла».

Со Спринг-Райсом я встретился у Филиппса в 10 ч. 45 м. утра. Он был в несколько хмуром настроении. Он завел разговор о нашем отношении к союзникам и дал понять, что союзники не примут посредничества президента с особой сердечностью. Я скоро привел его в доброе расположение, сказав, каким великим делом было бы, если бы Соединенные штаты бросили всю свою моральную мощь на дело организации постоянного мира, и что моей целью являются не столько переговоры с Германией об условиях мира, сколько обсуждение плана установления постоянного мира.

Он сказал, что это замечательно, что я бью в самую точку. Я рассказал ему, как велико желание президента добиться постоянного мира, но что он не намеревается предлагать приостановку военных действий до тех пор, пока на это условие постоянного мира не согласятся все воюющие державы. Сэр Сесиль одобрил эту программу и заявил, что если я это объясню в Лондоне сэру Эдуарду Грэю, тот даст свое сердечное согласие. Он порекомендовал мне поговорить с русским и французским послами и рассказать им о моих намерениях, так как они могут почувствовать себя задетыми тем, что с ними не посоветовались. Я считал, что этого делать не следовало, но уступил его совету и мы условились всем вместе встретиться у Филиппса в 4 часа...

---

[1] Непосредственной причиной этой поездки Хауза в Вашингтон была необходимость переговорить с Наоном, Да Гама и Суарезом о пан-американском пакте; эти переговоры можно сравнить с цирковым номером, исполняемым на трех аренах одновременно.

Я приехал первым, затем прибыл Спринг-Райс и последними— Жюссеран и Бахметьев (французский и русский послы). Я просил сэра Сесиля передать им обоим наш утренний разговор и подготовить их. Очевидно, он этого не сделал и не проявил особенного желания помочь мне. Вначале положение было несколько трудным. И Жюссеран и Бахметьев оба резко нападали на немцев и выразили полное неверие в их искренность. Они считали мою миссию совершенно бесплодной.

Но мне удалось убедить их, что стóит, по крайней мере, попытаться установить путем разоблачения перед всем миром как фальшивы их заявления о мире, как в действительности ненадежны и какие предатели немцы. Это понравилось им больше. Прошло немного времени и мы перешли к более веселым разговорам, они стали предлагать мне свои услуги в устройстве встреч с главами их правительств. Они были несколько задеты тем, что я направляюсь в Лондон и Берлин. Каждый, соответственно, считал, что следовало бы посетить Петроград и Париж. Я выразил согласие, но про себя подумал, что до России я смог бы добраться не ранее весны...

Я рассказал Брайану об итогах моей дневной работы с европейскими послами и чего ждет от меня президент. Он был определенно разочарован, когда услыхал, что я еду в Европу в качестве посланца мира. Он сказал, что сам собирался это сделать...

Я ответил, что по мнению президента было бы неблагоразумно кому бы то ни было выступать официально и что его поездка привлекла бы всеобщее внимание, все стали бы гадать, с какой целью он приехал.

Он очень благородно ответил, что если ему нельзя ехать в официальном порядке, то для неофициального выступления я являюсь наиболее подходящим лицом.

Мы с президентом засели за работу. Договорились о шифре для нашей телеграфной переписки, пока я буду в Европе. Я попросил его написать мне инструкцию, или нечто в этом роде, чтобы я мог, не выпуская документа из рук, показать его в случае, если мне придется отправиться в страну, где меня мало знают.

Мы условились о содержании такого письма, и он обещал мне в течение одного-двух дней прислать набросок письма для просмотра и для указания нужных изменений. Он сказал, что напишет этот проект сам на своей машинке, так что даже его личная стенографистка не будет об этом знать...»

«*14 января 1915 г.* В 2 ч. 30 м. зашел граф Бернсторф. Была интересная и полезная беседа. Он выразил удовольствие по поводу того, что я так скоро еду в Европу, и сказал, что немедленно известит свое правительство. Я откровенно рассказал ему о моей вчерашней встрече с послами союзников и о том, что никто из них не верит в искренность стремления немцев к миру...

Я предложил ему посоветовать своему правительству прекратить бесполезные и сенсационные налеты цеппелинов на Англию, так как в военном отношении они ничего серьезного сделать не могут и только губят мирных жителей. А такие налеты очень повредят успеху моих попыток...».

«*20 января 1915 г.* Я попросил германского посла зайти ко мне сегодня в 12 ч. утра.

Я снова просил его, бога ради, заставить свой народ прекратить убийства мирных жителей Англии воздушной бомбардировкой. Если бы только вчерашний налет на Сэндрингхэм был успешным, это сделало бы невозможным всякие разговоры о мире. Он обещал сообщить это мнение своему правительству, хотя не может дать никаких определенных обещаний, ибо главную роль в этом играют не гражданские власти, а военные. Он сообщит своему правительству, что я рассчитываю быть в Берлине во второй половине следующего месяца».

7

Хауз вернулся в Нью-Йорк для окончательных приготовлений. Ему предстояло закончить ряд дел, потому что помимо переговоров с европейскими дипломатами о посредничестве и переговоров с южноамериканцами о панамериканском пакте, у него на очереди была масса мелких вопросов местной политики, которые вследствие постоянного его проживания в Нью-Йорке незаметно стекались к нему. Он не рассчитывал пробыть в Европе долго. На деле же вышло, что он провел там почти шесть месяцев.

Лучшей характеристикой целей президента в командировании Хауза может служить письмо, которое он написал по просьбе Хауза. В этом письме Вильсон подчеркивал тот факт, что Хауз осуществляет не официальную попытку посредничества, а только желание президента стать посредствующим звеном для конфиденциальных сношений воюющих держав, которые, таким образом, могли бы обменяться мнениями об условиях, на которых можно было бы прекратить нынешний конфликт и предотвратить их на будущее. Сам он отказывался от всякого намерения устанавливать условия или брать на себя роль судьи; он оставался лишь беспристрастным другом, не имеющим других интересов, кроме интересов всеобщего мира.

Сообщения из Европы, которые президент передал Хаузу в последний момент, давали повод и к надежде и к опасениям. Настроение немцев не было успокоительным. Англичане казались более благоразумными, но они постоянно должны были считаться с территориальными притязаниями Франции и России, которые могли бы стать камнем преткновения для мира, основанного на status quo ante.

Письмо Пэйджа Брайану

Лондон, 15 января 1915 г.

«Сегодня я завтракал с генералом Френчем[1], который в секретном порядке прибыл сюда на военный совет. Он, конечно, говорил с полной уверенностью.

Он говорит, что война доведена до положения пат. Немцы не смогут добраться до Парижа или Калэ. С другой стороны, союзникам понадобился бы год, а может быть и два и неисчислимые потери людьми для того, чтобы прогнать немцев из Бельгии. Понадобится, возможно, года четыре и неограниченное количество войска, чтобы оккупировать Германию. Он мало надеется на русскую помощь в победе над Германией. Россия разбила Австрию и разобьет Турцию, но большего он от нее не ожидает.

Говоря только от своего имени и под строжайшим секретом, он рассказал мне о мирном предложении, которое президент по просьбе Германии направил Англии. Он сказал, что предложение заключается в том, чтобы закончить войну на условиях освобождения Бельгии и уплаты Германией за ее восстановление. Личное мнение Френча таково, что Англии пришлось бы принять это предложение, если бы оно было дополнено предложениями об удовлетворении других союзников, как, например, возвращение Франции Эльзас-Лотарингии и соглашении о том, что Россия получит Константинополь...

Американский посол в Лондоне».

Письмо Джерарда президенту

Берлин, 24 января 1915 г.

«Я полагаю, что в Америке не сознают, в какое возбуждение привели немцев американские поставки амуниции союзникам. Подлинная кампания ненависти поднята против Америки и американцев...

Циммерман показывал мне добытый очевидно хорошо действующей шпионской системой длинный список заказов, размещенных союзниками у американских фирм. Он заявил, что пускай весь мир против Германии, но на случай особых затруднений в Америке находится пятьсот тысяч обученных военному делу немцев, которые могут объединиться с ирландцами и начать революцию. Я вначале думал, что он шутит, но он говорил совершенно

[1] Главнокомандующий английской экспедиционной армией в Европе.

серьезно. Тот факт, что шесть наших военных наблюдателей находятся в Германии и их не пропускают на фронт, является знаменательным показателем. Вообще разговоры Циммермана были по большей части смехотворны...

Джерард».

8

Перед отъездом в Европу Хауз провел еще сутки в Вашингтоне, частью для окончательного устройства дел, а главным образом для того, чтобы попрощаться с президентом, который еще никогда до того не выказывал столько внимания к действиям Хауза.

«*24 января 1915 г.* Сегодня с 12-часовым поездом выехал в Вашингтон. В поезде знакомых не было, и я хорошо отдохнул. Доктор Грэйсон встретил меня в президентском автомобиле. Президент ждал меня, и мы тотчас приступили к работе, за которой провели больше часа, даже задержав минут на десять-пятнадцать обед для президента. Случай необычный...

Он настоял на том, чтобы мои расходы по поездке и расходы моего секретаря мисс Дентон были оплачены казной. Я сказал ему, что мисс Дентон настолько надежна, что он может нисколько не считать неудобным ее участие в самой важной и доверительной переписке. Он просил меня полностью изложить его мнение сэру Эдуарду, так чтобы тот знал о намерениях президента в отношении всех проблем... Он прибавил: «Скажите ему, что, пока вы в Европе, я буду действовать через вас безо всяких посредников».

Он одобрил все, что я собирался сказать сэру Эдуарду и немцам. Он сказал: «Нам нечего много говорить, потому что оба мы одного мнения и нет нужды вдаваться с вами в подробности».

Я спросил его, сможет ли он приехать в Европу в том случае, если удастся созвать мирную конференцию и если его пригласят председательствовать на этой конференции; он ответил, что это было бы хорошо и этого американский народ наверное пожелает...»[1].

«*25 января 1915 г.* В 10 ч. я направился к Филиппсу для встречи с английским послом. Он казался довольным, что я не отступаю от намерения выехать в субботу. Я снова просил его по телеграфу условиться о моей встрече с сэром Эдуардом Грэем тотчас по приезде. Он сказал, что обычно сэр Эдуард уезжает из Лондона в субботу, после полудня, и не возвращается до утра понедельника, но если я настаиваю, он уверен, что сэр Эдуард останется в городе. Я не счел это необходимым, так как мой пароход, наверное,

[1] При дальнейшем развитии событий, когда осенью 1918 г. этот вопрос стал актуальным, Хауз не одобрял поездки Вильсона в Европу.

только в субботу войдет в порт и я буду в Лондоне не ранее воскресенья; следовательно, в понедельник мы как раз и встретимся. Он пошлет сэру Эдуарду телеграмму, чтобы тот пригласил меня в понедельник на завтрак.

Спринг-Райс говорил попеременно то в оптимистическом, то в пессимистическом тоне, совершенно противореча себе... Он предупреждал меня, что в Англии я, может быть, встречу враждебное моей миссии настроение, основанное на уверенности, что моя поездка подсказывается желанием помочь Германии. Далее он сказал, что в Англии есть партия, которая готова использовать любой предлог для того, чтобы требовать скорого мира и что они напоминают наших северных «медноголовых»[1] во время гражданской войны в США. Я ответил, что ему незачем опасаться того, что я буду помогать этой партии...

Филиппс объяснил, как устроено с моими расходами. Я бы не хотел брать у них денег. Я никогда ничего не получал за свою работу—ни от администрации штата, ни от федерального правительства и до сих пор сам покрывал свои расходы, но я не имею возможности нести расходы по такой поездке, и готовность правительства финансировать эту поездку снимает у меня гору с плеч. Было решено, что 4 тысячи долларов выдаются мне сразу. Я считаю, что этого хватит на шесть месяцев...

Настало время прощания. Глаза президента увлажнились, когда он говорил последние прощальные слова. Он сказал: «Ваша самоотверженная мудрая дружба так много значит для меня»,— и он снова и снова выражал свою благодарность, называя меня своим «самым доверенным другом». Он заявил, что я единственный во всем мире человек, перед которым он может высказываться абсолютно откровенно.

Я спросил его, помнит ли он первый день нашей встречи около трех с половиною лет тому назад. Он ответил: «Да, но мы еще до того знали друг друга всегда, а тогда только встретились, ибо наши цели и наши мысли едины». Я говорил о том, как много значит он для меня, как я стремился всю жизнь встретить когонибудь, с кем я мог бы осуществить все то, что глубоко запало мне в душу, и как я стал было отчаиваться, что жизнь моя окажется неудачной, но появился он и дал мне те возможности, о которых я так долго мечтал...

Он настоял на том, чтобы проводить меня на вокзал. Он вышел из автомобиля и прошел через вокзал к кассе, а потом к самому поезду, отказываясь уходить, пока я не войду в вагон. Как радостно работать для друга, так умеющего вас ценить!».

---

[1] «Медноголовый» («Copperhead»)—от одноименного названия американской змеи-медянки; так северяне называли во время гражданской войны 1864 г. людей, сочувствовавших южанам.

ГЛАВА VI (XII)

В ПОИСКАХ МИРА

«Если бы во главе каждой воюющей страны стоял свой сэр Эдуард Грэй, то войны не было бы вовсе...»

(Из дневника Хауза, 7 февраля 1915 г.)

1

30 января 1915 г. Хауз отплыл из Нью-Йорка на пароходе «Лузитания». Это был один из ее последних рейсов. Для Хауза это была одна из первых его попыток, полных приключений, перевести на язык фактов свой принцип установления новых норм международной морали; принцип этот заключался в том, чтобы от правительств требовать таких же норм поведения, какие требуются от отдельных индивидуумов. Этот принцип был основой его прошлогодней миссии, когда он пробовал договориться о соглашении между европейскими государствами, которое предотвратило бы предвиденную им войну. Приближаясь к зоне военных действий, он не оставлял этой мысли, пытаясь найти средства, с помощью которых можно было бы осветить путь и заложить основания для постоянного мира.

Он был не слишком уверен в успехе. Европу обуяли настолько сильные страсти, что ни один знающий человек не мог надеяться на то, что найдется лазейка для мирных переговоров, а Хауз был исключительно знающим человеком. Положение было настолько сложным, что малейший промах создал бы «инцидент», который мог не только подорвать всякое влияние Соединенных штатов, но даже поставить под угрозу ее дружественные отношения с какой-нибудь из воюющих держав. По одной этой причине миссия Хауза должна была быть неофициальной. Брайан сказал Хаузу, что он лучше всех подходит для такого дела. «Надеюсь, он окажется прав,—записывает Хауз,—так как в путь я отправляюсь с очень большими опасениями. Начинание столь серьезно, а затруднения так многочисленны, что проделать все это одному

и почти без чьих бы то ни было советов и помощи представляет собой такую большую работу, какую только могу пожелать я при моей готовности принимать на себя ответственность».

Но какой бы трудной и сложной она ни была, Хауз считал попытку необходимой. Как бы малы ни были шансы на мир, эти шансы надо было использовать при всяком удобном случае. Европу охватил кошмар, от которого сама она освободиться не могла; если можно было помочь со стороны, долг повелевал это сделать. Более того, с развитием войны в воюющих странах росла вражда к нейтральным странам и особенно к самой крупной из них— Соединенным штатам. «Кто не с нами, тот против нас». Никто лучше Хауза не подходил для объяснения позиции правительства Соединенных штатов, ибо он был самым близким другом президента.

Каковы бы ни были опасения полковника,—а мужественный человек никогда не скрывает своей нервозности,—его, повидимому, подбадривала уверенность человека, который на протяжении тридцати лет наблюдал его поведение при разных политических кризисах в Техасе,—этот человек был капитан Уилл Макдональд.

Письмо У. Макдональда Хаузу

Деллас, Техас, 6 февраля 1915 г.

«Дорогой Эд!

...Если бы я мог повидать вас перед вашим отъездом в Европу, я бы постарался уговорить вас не ездить совсем из-за минированных морей и вообще из-за опасностей в тех странах. Но я не уверен, что мне это удалось бы, ибо мы с вами очень похожи друг на друга, и если решим что-нибудь сделать, то сделаем, несмотря ни на что. Не знаю точно цели вашей поездки, но вполне уверен, что вы добьетесь успеха, как вообще добиваетесь его во всем, за что беретесь.

С пожеланием приятного времяпрепровождения и безопасного возвращения в Техас остаюсь всегда ваш

У. Дж. Макдональд».

В связи с трагической судьбою «Лузитании», потопленной спустя три месяца, переезд на ней Хауза в феврале представляет некоторый сантиментальный интерес.

«*5 февраля 1915 г.* Наше путешествие подходит к концу. Первые два дня стояла летняя погода, но как только мы прошли Ньюфаундлендские отмели, задул сильный шторм с Лабрадора, и казалось, что мы погибнем. Я еще не видел на море такого шторма. Он продолжался целые сутки и «Лузитанию»[1], при всей ее громоздкости, швыряло, как щепку на бурных порогах.

[1] «Лузитания» принадлежала английской компании «Кюнард-лайн».

Сегодня после полудня при приближении к ирландскому берегу подняли американский флаг. Это создало большое возбуждение. Отовсюду раздавались догадки и предположения».

«*6 февраля 1915 г.* Я узнал от ехавшего вместе с нами м-ра Бересфорда, брата лорда Десиза, что прошлой ночью капитан Доу был очень встревожен и просил Бересфорда оставаться с ним на мостике до утра. Он опасался торпедной атаки и поэтому поднял американский флаг. Мне кажется, что этот случай может подать повод к некоторым затруднениям. Все лондонские газеты спрашивали меня об этом, но, к счастью, я лично ничего не видел и мог поэтому сказать, что знаю об этом только понаслышке.

Опасения капитана за сохранность парохода заставили его разработать целую программу спасения пассажиров, спуска спасательных лодок и т. д. и т. п. Он говорил Бересфорду, что если только котлы не будут повреждены, пароход сможет продержаться на воде, по крайней мере, час, а за это время он постарался бы спасти пассажиров.

По приезде нас встретил Пэйдж, а также представители почти всех нью-йоркских газет. Все они спрашивали, когда можно будет со мною поговорить. Я ответил, что хоть сейчас, так как скажу я им ровно столько же, сколько и потом, т. е. ничего».

Преимущество Хауза было в том, что он уже был в близких отношениях с английскими государственными деятелями, так что не надо было тратить время на предварительные шаги. Но, с характерной для него манерой, он не стал поднимать вопроса о возможности мирных переговоров до тех пор, пока не ознакомился с тем, как представляют себе положение в Европе англичане. Как и всегда, он производил впечатление человека, пришедшего в поисках новых путей, а не путаника, приехавшего надоедать своей idée fixe.

Письмо Хауза президенту

Лондон, 9 февраля 1915 г.

«Дорогой начальник!

Приехали мы сюда в субботу, после полудня, и я сразу же договорился о личной встрече с Грэем в воскресенье, в 11 час. утра. Мы беседовали два часа; он настоял на том, чтобы я остался к завтраку, так что ушел я только в половине третьего.

О положении мы говорили так же откровенно, как если бы толковали мы с вами в Вашингтоне, и, насколько я могу судить, недосказанным он ничего не оставил. Несколько раз он повторил: «Я размышляю вслух. То, что я говорю, не считайте чем-то окончательным, а просто способом совместного выяснения предмета беседы».

Я передал ему вашу книгу, это доставило ему удовольствие, он только пожелал, чтобы в обмен он мог бы дать вам только что написанную им книгу о рыболовстве.

Мы всесторонне обсудили положение; он откровенно рассказал мне о положении союзников, об их затруднениях, ресурсах и об их расчетах. Эта сторона не так благоприятна, как я ожидал, в особенности в отношении Италии и Румынии. Не приходится опасаться, что они пойдут за Германией, но можно сильно сомневаться, пойдут ли они за союзниками. Успех Германии сделал их робкими; затруднения есть и в отношении Болгарии. До сих пор не удалось уладить разногласия между Болгарией и Сербией. В настоящее время Германия прилагает огромные усилия, чтобы побудить Италию и Румынию воздержаться от участия в войне. Если бы удалось урегулировать разногласия между Болгарией и Сербией, так немедленно вступит Румыния и, пожалуй, Греция. Но они боятся это сделать, пока Болгария остается неудовлетворенной.

Трудности России не в людской силе, а в транспорте. Она себя в этом отношении не обеспечила, в то время как Германия предусмотрела все до последней мелочи. Это мешает России выставить на фронт более полутора-двух миллионов людей.

Самой интересной частью нашей беседы был вопрос о возможных окончательных условиях мира и как урегулировать трудный вопрос о вооружениях.

Он заговорил о том, чего могут потребовать Россия и Франция; я сказал ему, что если Франция будет настаивать на Эльзас-Лотарингии, я рекомендовал бы внести контр-предложение: нейтрализовать эти области так же, как это сделано в отношении Люксембурга. Это исключило бы прямое соприкосновение Франции и Германии, и впредь они могли бы нападать одна на другую только с моря [1]. Он считает, что Россия удовольствовалась бы Константинополем; об этом мы говорили довольно подробно.

Я сказал ему, что вы заинтересованы только в том, чтобы свести их всех вместе, желания предлагать условия мира у вас нет, а все то, что говорю я,—это моя личная точка зрения, высказанная ему по секрету как другу.

В одном вопросе Грэй был довольно настойчив, а именно, что мы должны участвовать в какой-то гарантии всеобщего мира. Я обошел этот вопрос, выдвинув предложение созвать специальную конференцию с участием нейтральных и воюющих держав, которая установила бы принципы цивилизованного ведения войны в будущем. Другими словами, это означало бы новую конференцию в Гааге и установление правил игры. Он не считал,

[1] Ср. с окончательно установленной в 1925 г. Рейнской демилитаризованной зоной.

что в этом именно состоит наш долг, но мы пока перешли к другим вещам...

Я поставил себе целью повлиять на здешнее общественное мнение в вашу пользу и в пользу Америки. Здесь нас основательно критикуют, и мне рассказывали, что недавно на одном публичном собрании при упоминании Соединенных штатов раздались свистки. Однако я убедился, что интеллигентная публика здесь вполне одобряет взятый вами курс. Вчера я был приглашен на чай к одному из передовиков газеты «Таймс» и обедал с ее главным редактором. Сегодня я обедаю с нашим другом А. Г. Гардинером. Напишу вам об этом позже.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

В отдельной записи Хауз отмечает:

«К концу беседы сэр Эдуард с улыбкой заметил: «Вот я участвую в руководстве делами воюющей державы, а в продолжение трех с половиной часов говорил совсем как нейтрал...».

Я быстро ставил ему вопросы один за другим так, чтобы выяснить, какие придется преодолевать затруднения. Он отвечал с полной откровенностью, как если бы я был членом его кабинета. Это была исключительная беседа, и мне бесконечно лестно, что он так доверяет моей честности и такту.

Я не раз выражал уважение к личности сэра Эдуарда Грэя, но здесь я хочу повторить это снова: «Если бы во главе каждой воюющей страны стоял свой сэр Эдуард Грэй, то войны не было бы вовсе. А если бы она и случилась, то была бы скоро закончена на принципах достаточно широких, чтобы удовлетворить всех, кроме предубежденных и эгоистичных».

Эта беседа знаменательна не только потому, что в ней были отмечены затруднения Великобритании, связанные с территориальными притязаниями Франции и России, но и потому, что в беседе Грэй требовал, чтобы Соединенные штаты сотрудничали в создании общей организации для обеспечения мира по окончании войны. Еще более знаменательно было повторное изложение Хаузом его давнего плана ограничения вооружений и гарантирования территориальной целостности.

Двум людям, за завтраком обсуждавшим эти вопросы, предстояло сыграть большую роль в создании Лиги наций. С самого начала войны Грэй утверждал, что если бы Германия приняла его предложение о конференции, это предотвратило бы войну. Ни разу не колебался он в своем убеждении, что до тех пор, пока не будет создан какой-то механизм для постоянного международного совещания, мир не будет гарантирован от угроз войны.

Через Хауза это убеждение передалось президенту Вильсону и, в конце концов, нашло свое выражение в уставе Лиги наций.

В составлении этого устава идеи и дипломатия Хауза имели крупное значение.

2

Хауз прибыл в Англию в момент, когда Германия вступила на новый путь, который еще более отравил отношения между воюющими странами и еще более затруднил миссию Хауза. Осенние военные события расстроили германские планы, так как неожиданно быстрая мобилизация в России, успешный захват русскими Австрийской Галиции и нашествие на Восточную Пруссию заставили Германию произвести контрнаступление на Восток, тогда как Германия рассчитывала сосредоточить свои главные силы на поражении Франции. Гинденбург с триумфом выгнал русских из Восточной Пруссии, но его поход на русскую Польшу не удался. Для того, чтобы лишить русских возможности дальнейшего нападения, казалось необходимым завоевать Польшу и освободить Галицию. Этот удар по русской армии был важен еще потому, что переговоры об австро-итальянском соглашении не шли гладко и нависла серьезная опасность того, что Италия может присоединиться к союзникам. Для того, чтобы она могла встретить этого нового врага, необходимо было избавить Австрию от угрозы русских атак.

Если бы Германия сосредоточила свои главные силы на Востоке, она не смогла бы поддерживать крепкий фронт против французов и англичан на Западе. Но здесь она имела большое преимущество—превосходство вооружения, на это она и рассчитывала. Для нее поэтому было крайне необходимо, чтобы Великобритания, очень медленно развивавшая производство собственного вооружения, не могла ввозить его из Америки, которая неизменно отказывалась наложить эмбарго на вывоз вооружения. Отсюда решение Германии об использовании подводных лодок.

Воспользовавшись в качестве предлога тем, что Великобритания не пропускала в Германию продовольствия, Германия нашла достойный, по ее мнению, ответ, установив с 18 февраля 1915 г. вокруг британских островов «военную зону». После этой даты,—грозила Германия,—ее подводные лодки будут топить в этой зоне любые торговые суда противника независимо от возможности спасения для пассажиров или экипажа этих судов. Она предупредила нейтральных судовладельцев об опасности, которая грозит им при вхождении в военную зону, так как возможны и ошибки, в особенности, если суда воюющих держав будут продолжать пользоваться флагами нейтральных держав.

Американское правительство ответило на это сразу и определенно. Оно предупредило Великобританию об опасности самовольного пользования американским флагом. В еще более серьезных выражениях оно предупредило Германию, что если подвод-

ные лодки начнут «уничтожать в открытом море американские суда или губить жизнь американских граждан, то правительству Соединенных штатов трудно будет расценивать такие действия иначе, как ничем не оправданное нарушение прав нейтральных стран... Правительство Соединенных штатов будет вынуждено призвать имперское правительство Германии к строгому ответу за такие действия его морских властей и будет вынуждено принять все необходимые меры для защиты жизни и имущества американских граждан и для обеспечения американским гражданам неограниченного пользования их правами в открытых морях».

Эти новые обстоятельства усложнили задачу Хауза, но не поколебали его намерения, после переговоров с англичанами, отправиться в Берлин, если только он получит оттуда прямое извещение, что там его примут. Без приглашения он отказывался ехать в Германию. В Вашингтоне Бернсторф попрежнему утверждал, что его правительство ждет Хауза, чтобы выразить через него свое стремление к «разумному» миру. 13 февраля Вильсон телеграфировал Хаузу, что через Бернсторфа он поднимает интерес Германии к миру и Бернсторф уверен, что приглашение Хаузу уже отправлено.

Почти ежедневно Хауз проводил помногу часов в переговорах с чиновниками министерства иностранных дел, ибо он понимал, что нужна полная договоренность и о недоразумениях, вытекающих из вопросов торговли, и о возможности мирных переговоров. Намеченный им визит в Германию был бы бесплодным, если бы англичане его не одобрили. Он старался также договориться о том, на каких основах может быть создан всеобщий постоянный мир, т. е. нечто большее, чем простое окончание войны и удовлетворение территориальных притязаний воюющих государств.

«*10 февраля 1915 г.* Я завтракал у нашего посла,—записывает Хауз,—ради встречи с сэром Эдуардом Грэем и с сэром Уильямом Тиррелом. Я хотел бы иметь возможность записать каждое слово наших разговоров, настолько они были преисполнены значения. Мы очень много говорили о том, насколько серьезно хочет Германия начать мирные переговоры. Я держался положительного мнения об этом, но считал, что Германия добивается преимущественного положения: она хочет, чтобы я приехал по одному приглашению Бернсторфа, официально не подтвержденному правительством, так что в случае неудачи переговоров, они смогут заявить, что никогда в них и не участвовали.

Сэр Эдуард полагал, что немцы еще не готовы вести переговоры и делают все лишь для того, чтобы поставить союзников в невыгодное положение, заявив Фердинанду болгарскому и другим, что союзники ищут мира. Я считал, что хотя и сомнительно, готова ли начать переговоры о мире военная партия, но кайзер и его окружение этого хотят.

Сэр Эдуард сказал, что он уведомил французского министра иностранных дел Делькассе о моем визите и о нашей беседе в воскресенье. Делькассе полагает, что союзники еще не добились достаточных военных успехов, чтобы начинать переговоры, и соглашается с сэром Эдуардом в том, что Германия неискренна.

Между прочим, Грэй рассказал, что английский посол в Париже сэр Френсис Берти сообщил ему о моем пребывании в Лондоне и советовал встретиться со мною. Это очень позабавило нас всех.

Говорили почти только мы с Грэем. Пэйдж и Тиррел только изредка вставляли слово. Частично мы возвращались к темам первой беседы, например, о постоянном мире. Сэр Эдуард заявил еще раз, что наше правительство тоже должно принять участие в заключении мира. К моему немалому удивлению, Пэйдж сказал, что это возможно и желательно. Я заявил сэру Эдуарду с еще большей определенностью, чем в воскресенье, что этого мы сделать не можем; что не только неписаный закон нашей страны, но и наша твердо установившаяся политика не позволяют нам вмешиваться в европейские дела[1].

Тиррел указал, что мы не всегда следовали этой политике, приведя в пример Алжесирасский инцидент. Пэйдж указал на дело Перри и марокканских пиратов. Я тем не менее настаивал на том, что это невозможно и что все, что мы можем сделать,—это присоединиться к нейтральным и воюющим державам на отдельной конференции после того, как мирный договор будет заключен и подписан воюющими державами. Я заявил Грэю, что наше правительство не сможет принять участия в решении вопроса о том, что должно быть сделано с Эльзас-Лотарингией и Константинополем, что мы вообще не можем принимать участия в выработке условий мира, чем должна будет заняться первая конференция. Но я, однако, уверен, что наше правительство охотно присоединится ко всем государствам в установлении ясного понимания прав воюющих держав в будущем и законов ведения войны, которые лишили бы войну очень многих ее ужасов.

Я сказал, что такой договор должен запрещать убийство мирных жителей с аэропланов и нашествие на нейтральную территорию, должен установить определенные безопасные морские пути для судоходства с тем, чтобы, следуя по этим путям, суда всех стран, воюющих и нейтральных, не подвергались нападениям.

---

[1] Очевидно, Хауз не был уверен в желании Вильсона вмешиваться в европейскую политику и учитывал наше предубеждение против такого вмешательства. Договор, который он предлагал, не должен был вмешивать Соединенные штаты в какие-нибудь чисто европейские дела. Наше вступление в войну, естественно, изменило его точку зрения на участие в мирной конференции.

К моему последнему предложению сэр Эдуард внес поправку, указав, что, по его мнению, Великобритания согласится, чтобы все торговые суда, независимо от того, принадлежат ли они воюющей или нейтральной державе, пользовались неприкосновенностью. Я принял эту поправку, подчеркнув, насколько я рад, что Великобритания готова итти так далеко».

«*11 февраля 1915 г.* Сегодня я завтракал с сэром Уильямом Тиррелом. Беседа наша была очень интересна, он говорил с полнейшей откровенностью...

Он считает, что если бы на конференции, о которой я вчера говорил, можно было заключить договор между всеми странами, нейтральными и воюющими, о законах ведения войны в будущем, то Великобритания согласилась бы на полную свободу торгового мореплавания во время войны. Этот пункт обсуждался нами и вчера, но сегодня Тиррел сказал, что Великобритания сознает, что применение подводных лодок изменило состояние морской войны и что в будущем Великобритания будет лучше защищена такой политикой, чем она до сих пор была защищена своим громадным флотом»[1].

Эти переговоры знаменательны, ибо тогда родилась идея, которая вскоре была развита Хаузом и которую он в дальнейшем определил как «свободу морей». Грэй и Тиррел понимали, что практическое применение этой идеи представляло бы огромную ценность для Англии—острова, зависящего в своем существовании от непрерывности морской торговли. Но Хауз понимал, что и Германия, переживавшая блокаду и тоже в значительной степени зависевшая от морской торговли, будет заинтересована в этой идее. Она могла бы послужить началом переговоров.

Будущему историку однако покажется странным, что «свобода морей», против которой так горячо потом восставала Великобритания, и которую вообще расценивали как немецкую уловку, была раньше всего предложена английским министерством иностранных дел в интересах самой Великобритании.

3

12 февраля Хауз получил ожидаемое приглашение от немцев. Оно было не вполне удовлетворительно составлено, так как Циммерман возражал против предложения о компенсации для Бельгии, но все же это было лазейкой, которой полковник мог воспользоваться.

---

[1] Грэй уже формулировал эту точку зрения в своих инструкциях английской делегации на второй Гаагской конференции в 1907 г.

Письмо Циммермана Хаузу

Берлин, 4 февраля 1915 г.

«Дорогой Хауз!

...Я с интересом прочел то, что вы так любезно писали мне о желательности обмена мнений. Хотя мы, как я уже писал вам, вполне готовы исполнить нашу обязанность для того, чтобы настал желанный конец войны, но в то же время есть некоторые границы, преступить которые мы не можем.

Ваше предложение об уплате компенсации Бельгии мне кажется невыполнимым. Наша кампания в этой стране обошлась германскому народу в такое неисчислимое количество человеческих жизней, что всякое подобие такой определенной уступки желаниям наших противников было бы встречено нашим народом исключительно неприязненно.

Я слышал, что в настоящее время вы находитесь на пути в Англию и намереваетесь посетить Германию. Буду очень рад видеть вас, если вы свое намерение исполните, и буду надеяться на личную беседу с вами, которая даст большее удовлетворение, чем может дать переписка.

С наилучшими пожеланиями
остаюсь, дорогой полковник,
искренно ваш *Циммерман*».

«*13 февраля 1915 г.* Мы завтракали одни с сэром Эдуардом Грэем,—записывает Хауз,—в доме № 33 на Экклзтон-сквере, который он, кстати сказать, арендовал у Уинстона Черчилла. Завтрак был очень скромный, и за столом я старался не касаться дел. Мы говорили о природе, об одиночестве, о Вордсворте... Он рассказал о визите Рузвельта к нему в Нью-Форесте, и как это произошло. Рузвельт сказал, что ему очень хотелось бы послушать английских певчих птиц. Сэр Эдуард вызвался удовлетворить это желание. Он говорит, что они насчитали до сорока одного голоса, из которых Рузвельту было знакомо только пение златогрудого крапивника, который, мне помнится, есть и в Америке.

Когда заговорили о Вордсворте, я спросил его, бывает ли он на английских озерах. Он ответил, что не был никогда, ибо его усадьба в деревне притягивает его больше всего на свете и потому, когда время позволяет, он всегда отправляется туда. Из всех известных мне выдающихся людей он путешествовал меньше всех.

Когда мы прошли в библиотеку, я показал ему письмо Циммермана; мы долго его обсуждали. Я считал, что мы с ним должны решить, когда следует начать переговоры о мире. Поскольку дело касается меня, я не хотел бы начинать их хотя бы на минуту раньше, чем это нужно для достижения такого мира, который оправдал бы жертвы всех храбрецов, уже сложивших свои головы, ибо

лучше уж пожертвовать другими жизнями, если нет иного пути для достижения прочного мира.

В этом духе мы полностью обсудили весь вопрос. Я считал, что с поездкой следует торопиться, так как наши отношения с Германией все ухудшаются, и скоро я могу оказаться нежеланным гостем. Я опасался какого-нибудь глупого или безрассудного нападения на море или в воздухе, которое может настолько возбудить общественное мнение против Германии, что английское правительство будет лишено возможности начать какие-либо переговоры.

Мы сидели друг против друга у камина в его библиотеке, всесторонне обсуждая положение, с одной мыслью и одной целью. Он располагал сведениями, что Германия начинает обходное движение на русском фронте с целью произвести впечателение на Балканские страны, и если она в этом успеет, то возможно, что Болгария вступит в войну,—если не против Англии или России, то против Сербии, что в сущности было бы одно и то же.

Он рассказал мне о плане отправки английских войск в Салоники и ввода их этим путем в Сербию. Он полагал, что если бы можно было высадить там 200 000 английских солдат, то Греция охотно вступит в войну на стороне союзников. Он считал, что несправедливо было бы вовлечь Грецию в войну без соответствующей защиты. Трудность, объяснил он, в том, чтобы снабжать такую армию, так как в Сербию ведет только одна одноколейная дорога.

Он сказал, что они не стали уговаривать Голландию вступать в войну, так как у них нехватило бы войск, чтобы послать их туда для защиты от германского нашествия. Он полагает, что если Германия добьется успеха в своем нынешнем обходном движении на востоке, она тогда повернет на запад и снова попытается прорваться к Парижу.

В заключение он сказал, что мне не следует отправляться в Германию прежде, чем ее обходное движение так или иначе закончится. Он считает, что гражданские власти Германии ничего не смогут сделать для мира до тех пор, пока фон Гинденбург и другие военные лидеры не попытаются провести все задуманные ими кампании.

В конце концов мы решили оставить вопрос открытым до среды, когда я буду на завтраке у премьер-министра. Пока он еще не рассказывал никому из членов кабинета о наших переговорах, но сделал заметки, о которых он намерен переговорить только с премьер-министром...»

«*14 февраля 1915 г.* — Вчера сэр Эдуард Грэй сказал мне, что когда война окончится, он намерен на год уйти на отдых. Я советовал ему совсем уйти от дел, так как его роль в настоящем европейском конфликте так велика, что впоследствии всякое его дело

будет подобно роли великого художника, занявшегося покраской забора на черном дворе своего дома. Он ответил задумчивым взглядом широко раскрытых глаз».

Письмо Хауза президенту

Лондон, 15 февраля 1915 г.

«Дорогой начальник!

... До сих пор еще я не решил, что делать в отношении Берлина. Затруднения в следующем: этому [английскому] правительству приходится быть особенно осторожным в каком-либо обнадеживании нас. Они не смеют высказать свои сокровенные мысли не только потому, что позиция Англии будет неверно понята в Германии, но и потому, что это вызвало бы бурю недовольства здесь, так как никто не верит, что условия, даже отдаленно соответствующие тому, что потребует Англия, будут в настоящий момент приняты.

Фактически, за исключением очень узкого круга, все считают, что исход войны должен обязательно выразиться в договоре о постоянном мире и в эвакуации и компенсации Бельгии; но никто не верит, что Германия готова принять такие условия.

Германия, с другой стороны, в настоящее время почти всецело управляется милитаристами. Там, как и здесь, есть группа сторонников мира, но, странно сказать, так же, как и здесь, эти группы руководят только гражданским управлением. Здешняя группа гораздо сильнее, чем в Германии, где, думается мне, она пользуется очень малым влиянием. Пока военные силы Германии продолжают пользоваться успехом, милитаристы не потерпят никаких предложений о мире.

Я теперь продумываю и рассказываю Грэю и другим свой план общей конференции всех нейтральных и воюющих стран мира, на которую вы должны быть приглашены председателем и которую следовало бы создать по вашему приглашению.

Она может заседать одновременно с мирной конференцией или, если мир еще не будет достигнут к августу, ее (эту конференцию) можно было бы созвать к этому сроку; она тоже послужила бы достижению мира среди воюющих держав. Эта вторая конференция, конечно, не станет разбирать разногласия воюющих держав, а должна будет заняться установлением правил ведения войны в будущем и прав нейтральных стран.

Такая конференция имела бы исключительно важные последствия,—фактически гораздо более важные, чем сама мирная конференция...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

В результате переговоров с Грэем и Асквитом Хауз решил отложить свою поездку в Германию, по крайней мере, на несколько

недель. Ему предстояло написать Циммерману такое письмо, что если бы Берлин действительно хотел его приезда, то и дверь для Хауза оставалась бы открытой. Письмо Джерарда, настаивавшего на немедленном приезде, не изменило его решения.

Было ясно, что немцы рассчитывали на выигрыш войны, с чем Джерард, по его заявлению, не мог не согласиться. И пока они были в таком настроении, переговоры были бы бесполезны, так как Германия просто использовала бы переговоры в дипломатических целях, без всякого намерения действительно заключить мир.

Письмо Хауза Циммерману

Лондон, 17 февраля 1915 г.

«Дорогой герр Циммерман!

Благодарю вас за ваше любезное письмо от 4 февраля.

Я полагал, что смогу выехать в Берлин в начале будущей недели. Но теперь мне кажется, что лучше оставаться здесь, пока я не получу от вас некоторых дополнительных сведений.

Все мои переговоры с послами воюющих держав в Вашингтоне базировались на предположении, что Германия согласится эвакуировать и компенсировать Бельгию, а также будет согласна договориться о постоянном мире.

Я понимаю затруднительное положение вашего правительства в отношении компенсации. И поэтому, если данный вопрос оставить на время открытым, могу ли я предположить, что ваше правительство согласно сделать остальные два пункта исходными для переговоров?

Если бы обстоятельства сложились для нас так счастливо, я убежден, что наконец можно было бы начать переговоры.

Нет нужды указывать вам, милостивый государь, какие большие моральные преимущества такое положение дало бы Германии и с каким ожиданием взоры нейтральных держав обратились бы к союзникам, чтобы те пошли навстречу такому великодушному предложению.

Надеюсь, что ваш благоприятный ответ на это письмо отметит начало конца нынешнего горестного конфликта.

Остаюсь, мой дорогой герр Циммерман,
искренно ваш *Э. М. Хауз*».

Письмо Джерарда Хаузу

Берлин, 15 февраля 1915 г.

«Дорогой Хауз!

Я получил ваше письмо из Лондона. Я также виделся с Циммерманом. Он сказал, что написал вам о том, что они рады будут вас видеть и т. д.; большего они, конечно, сделать не могут.

Здесь считают, что мы склоняемся на сторону Англии.

Они очень решительно настроены насчет подводной блокады, но согласились бы ее снять, если бы к ним пропускали продовольствие и сырье; другими словами, если бы Англия приняла лондонскую или парижскую декларацию. Но они не допустят, чтобы гражданское население было обречено на голод.

Вы только не ошибитесь,—они выиграют войну на суше и, вероятно, заключат сепаратный мир с Россией, а потом и с Францией (или раздавят ее), высадят большую армию в Египте и, возможно, полностью блокируют Англию.

Германия сама не предложит мира, но я уверен, что если бы ей предложить разумные условия *сейчас* (речь идет о днях, даже о часах), то они были бы приняты (таково *мое* мнение).

Условия мира или предложение о мирных переговорах союзники должны передать мне—*устно и секретно*. Если они будут приняты—хорошо, если нет, то никакой беды не будет; дело огласки не получит, так как заговорю я об этом открыто только *в том случае, когда узнаю, что предложения будут приняты*. Но Германия не будет платить компенсации ни Бельгии, ни кому бы то ни было. И, как я уже говорил, вопрос о мире—вопрос едва ли не часов. Как только начнется блокада подводными лодками, воцарится такое настроение, которое сделает переговоры о мире невозможными до конца этой фазы войны. Если вы сможете добиться этого от союзников и приедете сюда, то я глубоко уверен, что дело пойдет. Я не думаю, чтобы кайзер когда-нибудь на самом деле хотел войны.

Настроение теперь, как я сказал, по отношению к Америке—очень напряженное. Подоплека всего—торговля оружием, а причиной выставляется, что мы сносим от Англии то, чего мы, по мнению немцев, не стали бы сносить от Германии. Но настроение очень определенное и делает наше положение здесь весьма неудобным.

Надеюсь вскоре встретиться.
Всегда ваш *Джэймс У. Джерард*.

P. S. Я уверен, что предложения о мире были бы приняты».

Письмо Хауза Джерарду

Лондон, 1 марта 1915 г.

«Дорогой Джерард!

Народ здесь медлительный, и когда я сообщил им ваше мнение о необходимости действовать быстро, что это вопрос не дней, а часов, то убедился, что дело безнадежно. Хотя, конечно, иначе и быть не могло, ибо, как бы быстро они ни захотели действовать,

они не могут выступить сепаратно, а для того, чтобы снестись с союзниками, в особенности с Россией, требуется невероятно много времени.

Я не вижу непреодолимых препятствий к миру и полагаю, что если воюющие державы только начнут переговоры, то они быстро смогут договориться.

Здешняя военно-морская махина ныне пришла в стремительное движение, и ваше предсказание о конечном исходе здесь, сверху донизу, повидимому, никем не разделяется. Если война протянется еще шесть месяцев, то у Англии будет флот, превосходящий все остальные флоты мира, вместе взятые. Нам, американцам, следует над этим призадуматься; призадуматься над этим нужно всем.

Преданный *Э. М. Хауз*».

Письмо Хауза президенту

Лондон, 18 февраля 1915 г.

«Дорогой начальник!

С сэром Эдуардом Грэем я говорил во вторник вечером и еще раз вчера—в присутствии премьер-министра и Пэйджа.

Асквит и Грэй считают, что до выяснения результата теперешнего обходного движения немцев на востоке мне нет смысла ехать в Германию. Дела России в настоящий момент выглядят плохо, и они не хотели бы, чтобы я попал в Берлин в такое время. Если же это движение немцев окажется неудачным и дела опять зайдут в тупик, тогда, по их мнению, я должен буду поехать туда...

Я прямо поставил вопрос перед Асквитом и Грэем, спрашивая у них совета. Я сказал им, что все мы одинаково заинтересованы в благоприятном исходе и вопрос только в том, как это лучше сделать. Они с этим согласились, и сэр Эдуард предложил, чтобы я написал Циммерману в том духе, как я это и сделал.

Цель была та, что если немцы не примут эти два пункта[1], то с делом надо считать покончённым до тех пор, пока они сами проявят добрые намерения.

Сэр Эдуард заявил, что если эти два главных пункта не будут приняты, Англия будет продолжать войну до бесконечности.

На вчерашнем совещании я сказал им, что не следует совсем захлопывать дверь, нужно держать ее немного приоткрытой с тем, чтобы Германия могла распахнуть ее, если действительно захочет мира. Асквит улыбнулся и сказал: «Вы показали бы себя очень искусным человеком, если бы это вам удалось».

С каждым часом положение ухудшается из-за германской де-

[1] Эвакуация занятых территорий и гарантии постоянного мира.

кларации о торговых судах[1] и из-за минирования немцами морских путей. Я усиленно добивался от сэра Эдуарда, а затем от Асквита, чтобы они разрешили вопрос до сегодня, но с обычной английской медлительностью они отложили его до четверга или даже до вторника следующей недели.

Психологический момент для окончания войны наступил, примерно, в конце ноября или начале декабря, когда казалось, что война окончательно зашла в тупик. Вы припомните, как мы старались убедить в этом сэра Сесиля и пытались вызвать их на какие-нибудь быстрые шаги, но безуспешно...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

«*18 февраля 1915 г.* В 7.30 я заходил в д. 33 на Экклзтон-сквере повидать сэра Эдуарда Грэя, пробыл у него с полчаса. Я передал ему письмо от Джерарда и Пенфилда.

По обыкновению, сэр Эдуард был откровенен. Он заявил, что Англия может принять предложенные Джерардом условия только в том случае, если произойдет действительно все то, о чем говорит Джерард, т. е. Россия и Франция будут полностью биты, а Египет и другие британские территории будут оккупированы врагом.

Я снова настаивал на лучшем согласовании действий на восточном и западном фронтах. Он считает это невыполнимым из-за российской правительственной системы. Мне кажется совершенной глупостью не действовать более согласованно, а именно: когда немцы наступают на востоке, их нужно начать сильней теснить на западе, и наоборот...»

«*20 февраля 1915 г.* В 7 ч. 15 м. я заходил к сэру Эдуарду Грэю в д. 33 на Экклзтон-сквере. Застал у него лорда Китченера, но тот через несколько минут ушел.

Сэр Эдуард сказал мне, что союзники собираются захватить Дарданеллы, понадобится им на это три или четыре недели[2]. Это не просто демонстрация, так как в случае успеха операция окажет значительное влияние на положение на востоке, не говоря уже о том, что она откроет вход и выход для России. Он также рассказал мне, со слов Китченера, что, по данным из России, немцы захватили там не больше одной дивизии и положение на востоке совсем не так плохо, как его изображают. При этом сэр Эдуард внес, однако, поправку, сказав, что сведения из России не всегда надежны. Он полагает, что когда положение на восточном фронте

[1] В день составления этого письма входило в силу заявление Германии от 14 февраля о том, что всякое неприятельское торговое судно, застигнутое в военной зоне, будет потоплено, не считаясь с тем, будет ли при этом возможность избежать гибели экипажа и пассажиров.

[2] Интересно отметить, каким далеким от действительности оказалось это предсказание (Примечание Хауза).

несколько утихнет и военные действия снова зайдут в тупик, а Дарданеллы будут взяты, тогда как раз наступит момент для моей поездки в Германию».

Письмо Хауза президенту

Лондон, 23 февраля 1915 г.

«Дорогой начальник!

В ответ на вашу телеграмму от 20-го с указанием, что вы опасаетесь с моей стороны излишней уступчивости желанию здешнего правительства отложить мою поездку в Берлин, я во вчерашнем моем ответе постарался дать кое-какие объяснения.

Все, что мы до сих пор имеем, это—отказ Германии от возмещения убытков Бельгии и отказ сделать какие-либо мирные предложения по своей инициативе. Возможно, она согласится (а, может быть, и нет) эвакуировать Бельгию и обсудить предложения, имеющие целью установление постоянного мира. Но если бы она и согласилась на эти два главные пункта, надо помнить, что Россия и Франция не соглашаются заключить мир на подобных условиях.

Когда здесь были русский министр финансов и французский министр иностранных дел, сэр Эдуард говорил им о вашем письме и о моем пребывании здесь. Он также указал им, чего, по-моему, можно достигнуть в настоящее время, и спросил их, не хотят ли они повидаться со мной. Оба они предпочли от этого отказаться, заявив, что не подошло время для мирных предложений, ибо можно быть уверенным, что пользующаяся до сих пор успехом Германия не согласится на те условия, которые поставили бы их правительства.

Английский народ и большинство кабинета отнеслись бы не более благосклонно, чем Франция и Россия, к тем условиям, какие только и согласилась бы Германия принять теперь.

Поскольку война началась и поскольку они считают Германию агрессором и воплощением милитаризма, они твердо решили не прекращать борьбы до тех пор, пока либо не останется никакой надежды на победу, либо Германия согласится принять то, что они считают справедливым и постоянным соглашением.

Для нас почти так же важно, чтобы мирное соглашение было основано на правильных принципах, как и для европейских народов. Если эта война не покончит с милитаризмом, то будущее для нас полно забот.

Если бы было основание думать, что Германия готова предложить приемлемые для союзников условия мира, отправляться в Берлин следовало бы сейчас; но все данные говорят обратное, и результатом моей поездки туда в настоящий момент была бы потеря симпатий к вашим стараниям со стороны Англии, а, сле-

довательно, и союзников, без какой бы то ни было пользы для Германии.

Вы можете быть уверены, что Германия захочет использовать нас только тогда, когда это будет продиктовано ее интересами, и ничто не помешает ей ухватиться за ваше посредническое предложение, когда это будет выгодно ей.

Вчера Асквит заявил Пэйджу, что надеется, что я не совершу этой ошибки и в настоящее время в Германию не поеду. Это попросту означает, что если бы я в самом деле поехал, они, возможно, перестали бы считать вас посредником.

Если Циммерман ответит на мое письмо, я в Берлин поеду и побеседую с ним, но сейчас этим ничего не достигнешь, так как теперь он едва ли пойдет дальше, а на таких условиях союзники не согласятся начать переговоры.

Сэр Эдуард заботится о том, чтобы Англия заняла наиболее благородную позицию: не требовала бы ничего, кроме эвакуации и компенсации для Бельгии и договора, обеспечивающего постоянный мир.

Но в этом он сталкивается с мнениями колоний. Южно-африканские колонии вовсе не собираются возвращать Германии захваченные ими ее территории в Африке, так как, говорят они, такой сильный и воинственный сосед представлял бы для них постоянную угрозу.

То же относится к Каролинским островам, к Самоа и т. д., захваченным австралийцами.

Сэр Эдуард усиленно старается привить общественному мнению более широкие взгляды. Возможно, это ему удастся, возможно и нет, во всяком случае сейчас он еще не может быть уверен, что возобладают его идеи...

Успех может оказаться на стороне Германии. Если Франция или Россия сдадутся, она скоро будет господствовать на континенте; а ведь нигде не написано, что та или другая действительно не сдадутся. Даже если союзники и будут держаться вместе, война может протянуться еще один год...

Я стараюсь думать об этом не меньше, чем я думал в Америке, а говорить об этом я стараюсь возможно меньше, чтобы мой ум был свободен от предубеждения и я мог беспристрастно оценивать положение.

Единственная здравомыслящая и крупная личность здесь — это сэр Эдуард Грэй; все говорит в пользу того, что он будет играть доминирующую роль, когда дойдет до окончательного урегулирования дел, и я считаю наиболее разумным попрежнему поддерживать с ним ту же тесную и дружественную связь...

Я с интересом замечаю, что иногда сэр Эдуард говорит о «второй конференции, которую, может быть, созовет президент». Он привыкает смотреть на эту конференцию как на одну из на-

дежд на будущее, и если бы нам удалось сделать хотя бы только это, то и тогда вы свершили бы самое значительное дело нашего времени для всего мира.

Я имею основание рассчитывать, что на такой конференции здешнее правительство готово будет итти на большие уступки в отношении пароходства, торговли и т. п. в военное время[1].

Тем временем я собираюсь держать этот козырь «в рукаве», а когда я буду в Германии, то постараюсь использовать его для создания благорасположения к вам, разъяснив им, что при окончательном урегулировании вопроса о мире вы будете настаивать на этом плане. Иными словами, что по вашей инициативе и при поддержке Германии можно уговорить Англию принять такие условия. Это, я думаю, у немцев будет иметь успех и может сильно способствовать улучшению их отношений к нам...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

4

Как и следовало ожидать, Хауз постарался установить контакт со всеми, кто мог оказать ему содействие или помочь информацией в выполнении его миссии: с деятелями разных партий и оттенков, с людьми делового мира и журналистами.

«*14 февраля 1915 г.* Я завтракал у лэди Пэйджет. За чаем у меня был Сидни Брукс; он рассказал мне, что в Лондоне очень интересуются целью моего приезда, и он говорит всем, что в этом году мои брюки поизносились несколько раньше обычного и я приехал для того, чтобы отдать их в починку Пулю. Затем, уже в серьезном тоне, он спросил меня, хочу ли я, чтобы о моем приезде что-нибудь было в газетах и чтобы «Таймс» писал что-нибудь об англо-американских отношениях. Я настойчиво просил его, чтобы в настоящий момент ничего не появлялось. Он сказал, что «Таймс» к моим услугам, когда только я захочу использовать его для целей моей миссии, в чем бы эта миссия ни состояла...»

«*20 февраля 1915 г.* Был в посольстве и застал Гувера и Пэйджа за беседой о затруднениях, которые первый ежедневно испытывает в организации помощи бельгийцам. Он очень предприимчивый человек, а иным и быть невозможно при сложности его работы, когда приходится сталкиваться с противоположными интересами германского, бельгийского и английского правительств».

«*25 февраля 1915 г.* Сегодня я был на завтраке у лорда Брайса в его квартире, в д. № 3 по Букингем-Гэйт. Мы превосходно провели время. Он устроил так, что мы были совершенно одни, не было даже леди Брайс.

[1] Это—еще одна ссылка на программу «свободы морей».

Он спрашивал меня о президенте, я рассказал ему, как президент вслух читал мне очерк о нем в книге Гардинера «Столпы общества».

Вступительная фраза осталась у меня в памяти: «Если бы спросили, кто сейчас самый великий англичанин, я думаю, пришлось бы, с сожалением признать, что это—некий шотландец, родившийся в Ирландии».

Брайс улыбнулся и сказал, что не читал этой книги, а теперь будет опасаться ее прочесть, чтобы она не вскружила ему голову; это не помешало ему переспросить о заглавии книги.

Постепенно мы перешли к разговору о войне и вытекающих из нее проблемах. Мне казалось, что представился удачный случай проверить на таком ясном и тонком политическом уме правильность моих взглядов, и я рассказал ему под строжайшим секретом многое из моих планов. Это касалось, конечно, предложения о прекращении на ряд лет производства амуниции, а также созыва президентом второй конференции и ее объема и характера.

Брайс был, видимо, заинтересован. Я рассказал ему, что́ пытался сделать для предотвращения войны, хотя бы между западными державами. Это тоже заинтересовало его, и он признал, что это дело удалось бы, если бы несколько задержалось объявление войны. Он тоже слышал, что Великобритания и Германия были накануне заключения соглашения о Багдадской железной дороге и о разделе сфер влияния в Африке. Это соглашение оставалось только подписать, как разразилась война...»

Письмо Хауза Гордону Очинклоссу

Лондон, 2 марта 1915 г.

«Дорогой Гордон!

... Я ежедневно завтракаю и обедаю с какой-нибудь важной персоной. Во вторник я проберусь еще глубже в консервативный лагерь, так как приглашен на обед, где будут Бальфур, лорд Керзон и другие...

Мы с «учетверенным Y»[1] держим постоянную связь по телеграфу, но, насколько я понимаю, моя главная цель в настоящий момент—это отсчитывать время и стараться никого не задеть излишними стараниями...

Пока сам не возьмешься за такую работу—а до сих пор ничего подобного еще не бывало,—нельзя и представить себе, сколько ловушек на каждом шагу. То и дело приходится увертываться, и если мне удастся хотя бы выйти сухим из воды, я буду считать, что счастье на моей стороне.

[1] Очевидное указание на инициалы Вильсона—W. W. (Woodrow Wilson).

Мне удалось устроить так, чтобы мое имя совершенно не попало в европейские газеты, что уже является хорошим началом, и сейчас я в тени настолько, насколько это только возможно для человека, имеющего на руках такое дело. Никто, даже Пэйдж, не знает, когда я встречаюсь с разными министрами и другими важными персонами; мои уходы и приходы так же никем не отмечаются, как если бы я был подметальщиком улиц.

С отеческим приветом *Э. М. Хауз*».

«*4 марта 1915 г.* [Запись о беседе Хауза с Бальфуром].

Мы великолепно понимали друг друга. Больше всего говорил я, хотя временами он воодушевлялся, вставал, становился у камина и говорил так же горячо, как и я. Он с самого начала мне понравился, и я искренно хотел, чтобы это чувство было взаимное. Мне нравится направление его ума. Когда ведешь с ним серьезный разговор, то мысли твои все время на-чеку. В этом отношении он немного напоминает мне президента. В интеллектуальном отношении я склонен ставить его наравне с президентом и с Асквитом, а, по-моему, это значит быть на вершине».

Письмо Хауза Гордону Очинклоссу

Лондон, 5 марта 1915 г.

«Дорогой Гордон!

... Я виделся почти со всеми выдающимися либералами королевства, а истекшую неделю посвятил консерваторам, так как это будет очень полезно не только для правительства, но и для меня лично при окончательных переговорах.

Бальфур очень одобрительно отозвался о моих предложениях и сказал, что они оригинальны и, насколько он может в данный момент судить, исполнимы.

В течение долгого времени я видел, что ограничение вооружений является непреодолимым препятствием для соглашения о постоянном мире, и я не мог придумать какого-нибудь удовлетворительного выхода, пока я не очутился на борту «Лузитании», где на свободе мог поразмыслить об этом вопросе. Тогда мне пришла в голову идея, что если бы все основные государства, как воюющие, так и нейтральные, согласились приостановить производство вооружения на период в десять или больше лет, то вопроса о том, как велика должна быть армия у Германии, какая должна остаться у Франции, каков должен быть размер германского или английского флота,—не пришлось бы и обсуждать[1].

[1] Эта идея, очевидно, базировалась на предположении, что война окончится вничью; в то время Хаузу это казалось вероятным.

Армия и флоты остались бы в тех размерах, в каких их застанет конец войны; но без производства новых вооружений или постройки новых военных судов в течение нескольких лет все автоматически устареет. Нам нужно выиграть время. С течением времени Германия станет демократией, и с этой стороны будет не больше опасности, чем со стороны Соединенных штатов, Англии или Франции. Россия составляет отдельную проблему, которую так или иначе придется решать в будущем.

Этот план предполагает закрытие заводов Круппа, Армстронга и других фабрикантов оружия, а к концу десятилетия обеспечил бы всеобщий мир. Денег, которые ежегодно экономило бы каждое государство, хватило бы на уплату процентов по громадным, все увеличивающимся военным долгам.

Всего этого, конечно, не надо говорить никому, кроме Сидни и Мартина[1], от которых я ничего не скрываю...

С отеческим приветом. *Э. М. Хауз*».

«*5 марта 1915 г.* После полудня заходил Сидни Брукс. Он направлялся в министерство иностранных дел предложить свои услуги в качестве представителя английской стороны в решении вопросов, возникающих между Соединенными штатами и Великобританией. С этой работой он надеется справиться лучше, чем было до сих пор. Он говорит, что министерство иностранных дел делало это так плохо, как только могла бы придумать человеческая изобретательность. Он спрашивал меня: можно ли было справляться с этим хуже; я ответил отрицательно; Брукс остался доволен такой оценкой их действий...

Вместе с Чалмерсом Робертсом мы ужинали у Скотта. После этого я зашел в посольство, так как Пэйдж хотел показать мне дневник полковника Джорджа О. Скуайра, который он просил держать в строжайшем секрете. Неловко было, но пришлось сказать ему, что копию этого дневника я получил уже более двух недель назад.

Мы говорили о родине, о президенте, о Мак-Аду, об общем положении, и в общем очень хорошо провели время. Мне Пэйдж нравится. Он прямолинеен и бесхитростен».

«*8 марта 1915 г.* Обедал с лордом Лорберном. Единственным гостем, кроме меня, был Джон Бернс. Оба они здравомыслящие, благоразумные и способные люди. Мы говорили о войне, о джингоистах и о трудностях на пути к миру. Я рассказал им, какие требования предъявляют Франция и Южная Африка относительно германских колоний в Африке. Бернс заметил, что притязания Южной Африки могли бы быть удовлетворены, но требования Франции более серьезны...»

[1] Д-р Сидни Мизес и редактор журнала «Лайф» Э. С. Мартин.

«*9 марта 1915 г.* Обедал у леди Пэйджет. Было выдающееся собрание. Среди гостей были лорд Керзон, А. Дж. Бальфур, сэр Джон Коуэн, Кост [будущий лорд Браунли], лорд и леди Десборо [фрейлина королевы], герцогиня Мальборо, м-сс Джон Астор и м-сс Джордж Кеппел.

Когда подали кофе, мы разговорились с Керзоном. Он оказался худшим джингоистом из всех, кого я встречал. Мир он хочет заключить только в Берлине, сколько бы времени на это ни потребовалось. Он очень способный человек, говорит хорошо и с большой силой. Беседа наша развивалась вполне лойяльно: повидимому, он старался быть возможно любезней. С людьми такого типа я мало или вовсе не спорю, так как наши взгляды слишком расходятся, чтобы их можно было согласовать.

Бальфур гораздо более привлекателен. Я говорил также с Костом; мне удалось заставить его переменить свое мнение о Соединенных штатах...»

Письмо Хауза президенту

Лондон, 8 августа 1915 г.

«Дорогой начальник!

... Со времени моего последнего письма к вам я повидал кое-кого из миролюбивых кругов во главе с такими людьми, как бывший лорд-канцлер, лорд Лорберн, Хэрст из журнала «Экономист» и другие.

Нортклиф представляет противоположную крайность. Он заявил некоторым моим друзьям, что если вы (президент) послали меня сюда для ведения переговоров о мире, то меня следует выслать из Англии... Я упоминаю об этом, чтобы показать крайнюю трудность положения. Сидни Брукс сказал мне, однако, что ни один из тех людей, с которыми я разговаривал, теперь не настроен враждебно к нашим планам.

Я полагаю, что это антипацифистское настроение еще сильнее в Германии, в милитаристских кругах. Но если мне удастся попасть непосредственно к кайзеру, я надеюсь произвести некоторое впечатление. Главный вопрос в том, кто на самом деле управляет Германией? Боюсь, что это мне придется выяснять самому...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

5

К этому времени Грэй и Хоуз решили, что настал момент для поездки Хауза в Берлин. От фон Ягова через Вашингтон поступило собщение, что немцы его ждут. И хотя письма Циммермана и Джерарда не содержали указания на готовность Германии

пойти на уступки, все же казалось, что стоит выяснить действительное положение в Берлине.

Письмо Циммермана Хаузу

Берлин, 2 марта 1915 г.

«Дорогой полковник!

Весьма благодарен за ваше письмо от 17 февраля. С сожалением узнал, что вы намерены отказаться от поездки в Берлин, на что я рассчитывал, как на гораздо лучшую возможность обмена мнений, чем это было до сих пор.

С интересом ознакомился я с тем, что по вашему мнению явилось бы началом желательного конца. Мне, однако, кажется, что вы исходите из мысли о более или менее побежденной или почти исчерпавшей свои ресурсы Германии. Едва ли нужно доказывать, как далеко это от действительности. Хотя я могу заверить вас, что Германия очень близко принимает к сердцу благосостояние Бельгии, она все же не может забыть, какой страшной ценой пришлось заплатить за то сопротивление, какое встретили там наши армии.

Вы можете быть уверены, как я уже говорил, что стремление Германии к постоянному миру так же искренно, как и ваше. Если Англия согласится отказаться от своей претензии на монополию на море вместе с требованием отношения морских сил как два к одному,—это, я полагаю, было бы хорошим началом.

Остаюсь, дорогой полковник, искренно ваш *Циммерман*».

Письмо Джерарда Хаузу

Берлин, 6 марта 1915 г.

«Дорогой полковник!

Надеюсь, что скоро вы приедете сюда. Фон Ягов говорил, что рассчитывает на ваш приезд и хотя в настоящее время я не вижу никаких мирных перспектив, вы могли хотя бы ознакомиться с общей ситуацией и улучшить свои позиции для переговоров в других столицах...

Антиамериканское настроение как бы застыло в ожидании того, что последует за декларацией Англии о блокаде Германии. Официальных сведений у меня еще нет.

Канцлер теперь уже не босс (хозяин). Фон Тирпиц и Фалькенхайн (начальник генерального штаба) гораздо влиятельнее, особенно потому, что канцлер кайзеру надоел, и вообще среди всех этих враждующих правителей очень много интриг. За принятие разумных предложений о мире, странно сказать, были

люди из генерального штаба, и только фон Тирпиц был против наших последних предложений...[1]

Терпеть не могу писать в этот период повального шпионства; очень надеюсь, что скоро вы приедете сюда, если же поедете в Италию, я съезжу туда и, если пожелаете, доложу вам обо всем...

Всегда ваш *Дж. Джерард*».

«*7 марта 1915 г.* [Запись беседы с Грэем]. Оба мы считаем, что настало время отправляться мне в Германию. Я решил поехать через Францию и спросил его мнения, следует ли мне повидаться с Делькассе. Сперва он сказал, что не следует. Он напомнил, что когда Делькассе был здесь, то твердо считал, что теперь не время для мирных переговоров; едва ли он изменил свое мнение. Но я опасаюсь, что если не нанесу ему визита, он сочтет это неучтивым. Грэй согласился, что с этой стороны я прав и лучше с ним повидаться. Он только предостерег меня, чтобы в разговоре с ним я был осторожен. Я уверил его, что нескромности с моей стороны можно не опасаться.

Грэй полагает, что Франция будет настаивать на получении Эльзас-Лотарингии. Французы уверены, что союзники победят и смогут диктовать Германии условия мира. Может быть, впоследствии они убедятся, что для того, чтобы диктовать условия мира Германии, необходимо продолжать войну ряд лет, а когда они это поймут, то, пожалуй, согласятся пойти на уступки.

Грэй не знает настроения России, но считает, что если отдать ей Константинополь и Проливы, она согласится на любые другие условия мира...

Затруднение, которого я опасаюсь в заключительной стадии переговоров, состоит в том, что нет человека, который был бы хозяином положения... Боюсь, что ситуация в Германии еще более неопределенная. Все пошло бы легче, если бы здесь был Пальмерстон или Чэтэм, а в Германии—Бисмарк».

Таким образом в поисках мира выяснилось только то, что ни одна из воюющих держав не хочет ни на иоту отступить от своих требований. Однако миссия не была потерей времени. Хауз установил с англичанами такие отношения, которые не только помогали преодолевать существующие трудности, но должны были служить неоценимым средством предупреждения каких-либо недоразумений в будущем.

Мемуары английского министра иностранных дел показывают, какого исключительного успеха добился Хауз в установлении благожелательного взаимопонимания. «Понадобилось немного вре-

[1] Соединенные штаты предложили, чтобы Германия отказалась от установления военной зоны вокруг Англии при условии, что та отменит блокаду в отношении продовольствия.

мени,—пишет Грэй,—чтобы объяснить ему нашу позицию. У него была привычка говорить «я это знаю» таким тоном, который убеждал и в его симпатиях и в понимании им того, о чем ему говорили». И далее: «Наши беседы почти сразу стали не только дружественными, но и интимными. Я нашел в нем редкую комбинацию мудрости и привлекательности. В напряженной атмосфере военного времени откровенная беседа с ним доставляла одновременно облегчение и удовольствие. Его указания и критика были ценны, его предложения были плодотворны и все это излагалось с такой симпатией, что приятно было его слушать. После рабочего дня, начинавшегося в семь часов утра, в семь часов вечера я бросал работу и час до обеда отдыхал дома. Мы условились, чтобы в это время Хауз заходил, когда ему захочется побеседовать[1]».

Миссия Хауза была бы оправдана уже одним тем, что было достигнуто это личное взаимопонимание с министром иностранных дел, и это было одним из тех неуловимых факторов, которые имели такой серьезный вес в дипломатической истории последующих годов.

Глубоко ценя честность и умеренность Грэя, полный опасений относительно требований Франции, подозревая искренность Германии, но вместе с тем решившийся найти, если возможно, нить, чтобы перебросить ее через пропасть,—с этими настроениями Хауз 11 марта отправился из Англии в Париж и Берлин.

[1] *Грэй*, Двадцать пять лет, т. II, стр. 124.

ГЛАВА VII (XIII)

СВОБОДА МОРЕЙ

«Если бы теперь начать переговоры о мире на мало-мальски реальных условиях, это означало бы свержение нашего правительства и кайзера».

(Из письма Циммермана Хаузу, 25 марта 1915 г.)

1

Письмо Хауза президенту

Париж, 14 марта 1915 г,

«Дорогой начальник!

Мы приехали сюда в четверг ночью. Значительную часть пути наш пароход шел в сопровождении истребителя; мы прошли мимо пловучей мины на расстоянии около ста ярдов. В остальном переезд обошелся без приключений...

Только что я вернулся от Делькассе[1]. Переводил помощник министра иностранных дел[2]. Я дал ему прочесть ваше письмо и заявил, что приехал засвидетельствовать ему ваше почтение, но что вы не желаете быть навязчивым или задеть их чувства каким-нибудь незрелым предложением о мире.

Это я проговорил прежде, чем он успел что-нибудь сказать вообще, так как я хорошо знал, что́ у него на уме. Он, очевидно, был доволен таким заявлением и это сразу создало благоприятную почву.

---

[1] Министр иностранных дел Теофиль Делькассе был главной движущей силой соглашения с Великобританией и был в значительной степени ответственен за активную внешнюю политику Франции, начиная с 1904 г. Он был bête noire для Германии, которая считала его соучастником Эдуарда VII и Грэя в их попытке «окружить» Германию.

[2] Жакэн де Маржери—в то время директор политического отдела министерства иностранных дел; в период после войны был назначен французским послом в Германию.

Затем я сказал ему, что еще за год или за два вы предвидели, что, если не будет принято никаких предупредительных мер, любая искра может зажечь нынешний пожар; в мае прошлого года вы посылали меня в Европу для выяснения того, что могло быть сделано для достижения лучшего взаимопонимания, что тогда же я был в Германии, затем приехал во Францию, но в то время во Франции происходила смена кабинета и вести переговоры нельзя было.

Я хотел, чтобы он знал, что все нити у вас в руках с самого начала и вы полностью понимаете положение...

Он ответил, что Франция очень ценит проявленные вами интерес и благородное желание добиться мира, он рад, что я приехал в Париж, и с интересом будет ожидать встречи со мною по моем возвращении из Германии. Тогда он мне самым откровенным образом скажет, каковы помыслы Франции и к чему она готова. Я не стал настаивать, чтобы он высказался сейчас, так как и без того знал, каковы их помыслы, и не хотел вдаваться в беспочвенную и обескураживающую дискуссию.

Я успел больше, чем ожидал, так как не был уверен, что встретят меня доброжелательно. Даже сэр Эдуард несколько беспокоился об этом. Главное достигнуто: Франция, по крайней мере условно, согласилась на ваше посредничество, а это, мне кажется, уже много...

Джерард сообщил мне через Уинслоу, что Германия без малейших колебаний пойдет на войну с нами. С другой стороны, Уинслоу рассказал мне, что когда вы послали Германии ноту, являвшуюся почти ультиматумом[1], то на другой же день он, Уинслоу, заметил явную перемену к лучшему со стороны германского министерства иностранных дел. До того они вели себя высокомерно, а после все пошло на лад.

Похоже на то, что все считают, будто немцы буквально сошли с ума. Сам я в этом не уверен. Во многих их поступках я вижу проблески здравого смысла.

Я буду весьма осторожен во всех моих телеграфных и письменных донесениях к вам из Берлина, ибо это в высшей степени опасно. Уинслоу говорит, что у них невероятная система шпионажа, и нисколько нельзя быть уверенным, что письма и документы не просматриваются.

Я считаю, что правящий класс Франции не хочет мира, но большая часть народа и солдаты в окопах встретили бы его с радостью. Это, я думаю, верно и в отношении Германии...

Преданный вам *Э. М. Хауз.*

[1] Речь идет о ноте Вильсона 10 февраля, предупреждавшей германское правительство, что в случае потопления какого-нибудь американского парохода или потери жизни американцев, оно будет призвано к «строгому ответу».

P. S. Джерард также сообщает, что, по его мнению, в случае неудачного для Германии исхода состязания, кайзер будет низложен».

«*14 марта 1915 г.* Сегодня утром заходил Уиллард Стрэйт. Он очень дружен с Казенавом[1], а также с Маржери, а Маржери друг Казенава и Делькассе, так что круг замыкается вполне. Стрэйту я рассказал кое о чем, что я хотел бы сделать известным Делькассе через Казенава и Маржери. Стрэйт обещал это сделать. Я хотел, чтобы Делькассе знал, что по-моему Франция берет на себя большой риск, выставляя такие условия мира, какие Германия ни за что не примет, разве только союзники дойдут до Берлина. Жаль, что с Делькассе я не в таких отношениях, чтобы непосредственно сказать это ему, не люблю я пользоваться услугами третьих лиц.

Стрэйт должен подать им мысль, что союзникам было бы выгодно привлечь симпатии президента, а сделать это лучше всего через меня. Другая мысль, которую мне хотелось им внушить, такова: самое важное и великое дело—это добиваться постоянного мира, а не какого-нибудь мелкого территориального преимущества, что само по себе оставляет раны, могущие в будущем повести к новым осложнениям».

Письмо Хауза президенту

Париж, 15 марта 1915 г.

«Дорогой начальник!

Сегодня ко мне заходил де Казенав. Он возглавляет бюро печати и его главная обязанность состоит в том, чтобы об Англии, Америке и других странах французские газеты печатали то, что нужно...

Я просил его быть откровенным и сказать мне, как настроено французское общественное мнение. Он сказал, что в массе французский народ считает, что у Америки на уме одни доллары. Он говорит, что некоторые французы, побывав в Америке несколько недель, не зная языка и посмотрев только такие места, как чикагские бойни, стали по возвращении писать книги о жадности нашего народа. Он говорит, что эта манера развилась настолько, что во Франции укрепилось мнение, будто мы руководимся исключительно меркантильными интересами.

Он говорит, что когда он дает редакторам французских газет указания о том, что писать об Америке, они только улыбаются и пожимают плечами...

Я пытаюсь подружиться с де Маржери из министерства иностранных дел. Он жил в Америке, хорошо говорит по-английски

---

[1] Руководитель бюро печати министерства иностранных дел.

и, утверждают, что в министерстве иностранных дел он имеет почти такой же вес, как Делькассе, и, кроме того, он пользуется полным доверием последнего. Для этого я завязал кое-какие связи и на обратном пути я постараюсь пробыть здесь подольше, чтобы их закрепить.

То же самое я постараюсь проделать в Германии, по всей вероятности, с помощью Циммермана. Если бы мне удалось установить такие отношения, то дело едва ли уйдет из наших рук.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

2

Все его разговоры в Париже только подкрепили предположения, появившиеся у Хауза в Лондоне. Притязания Франции на территориальные аннексии совершенно не оставляли места той основе для мирных переговоров, о которой они говорили с Грэем. Джерард сообщал, что немцы тоже претендуют на большие аннексии. «Он уверен,—записывает Хауз после получения этого известия,—что они не расположены обсуждать те мирные предложения, которые намерены сделать союзники... Французы не только хотят Эльзас-Лотарингию, но также многого, кроме этого, так что обе эти страны исключительно далеки от мира. Если мир удастся заключить, то произойдет это только благодаря здравомыслию и справедливости сэра Эдуарда Грэя и английского общественного мнения».

Тут Хауз мог бы в сущности отказаться от поездки в Германию. Но ему казалось, что в личных переговорах заложен шанс на улучшение германо-американских отношений, кроме того не хотелось упустить возможности обрисовать перед немцами основу будущего соглашения с англичанами. Он, однако, решил, что поднимать в Берлине вопрос о немедленных мирных переговорах будет более чем бесполезно.

Письмо Хауза Гордону Очинклоссу

Берлин, 21 марта 1915 г.

«Дорогой Гордон!

Из Парижа мы выехали в среду в восемь часов утра. На расстоянии десяти-двенадцати миль мы ехали довольно близко к линии огня. При нашем следовании через эту территорию в поезд вошли солдаты, опустили все шторы и сами разместились в коридорах так, чтобы мы не могли смотреть в окна. Мы слышали орудийную пальбу.

Властям различных стран заблаговременно сообщалось о нашем проезде, поэтому на границах нам оказывали всяческое со-

действие. Если бы не это, путешествовать нельзя было бы вовсе. В такие-то места мы забрались.

В Базеле я беседовал с нашим посланником Стоволом из Берна и с генеральным консулом Уилбуром из Цюриха, а во Франкфурте—с генеральным консулом Харрисоном.

В Берлин мы приехали вчера утром в снежную бурю. Джерард встретил нас и повез к себе домой. Я имел беседу с Циммерманом, он был исключительно любезен и приятен. Он мне всегда нравился, и я рад возобновить наши дружественные отношения.

Я не могу писать вам более полно, могу лишь сказать, что никакого мира пока не видать. Тем не менее, я успеваю осуществить многое из моих планов и надеюсь—кое-что полезное. Дела представляются так, что для того, чтобы начались переговоры о мире, нужна решительная победа одной какой-нибудь стороны.

Если мне удастся установить сердечные отношения в столицах разных воюющих стран, я исполню все, на что мог рассчитывать сейчас.

С отеческим приветом *Э. М. Хауз*».

Письма Хауза президенту

Берлин, 20 марта 1915 г.

«Дорогой начальник!

... В Берлин мы приехали сегодня утром, и Джерард немедленно устроил мне приватную беседу с Циммерманом. Я зачитал ему ваше письмо, которое, как и везде, произвело на него очень хорошее впечатление. Я откровенно рассказал ему, что́ мною было сделано в Англии, с кем я там встречался, при каких обстоятельствах и к каким выводам я пришел.

Он удивился, когда я рассказал ему о том, что в Англии нет чувства озлобления против Германии, точно так же удивился он, когда я ему сказал, что главные затруднения—с Францией. Повидимому они пытались наладить добрые отношения с Францией и Россией с тем, чтобы заключить с ними сепаратный мир. Я думаю, что убедил его в том, что у Англии нет желания совершенно раздавить Германию и что в конечном счете договариваться придется этим двум государствам. Это настолько очевидно, что я не понимаю, как они этого сами не поняли. Это и к лучшему, поскольку разногласия между ними не так велики; они могли бы сговориться и теперь, если бы не то обстоятельство, что народы и в Германии и в Англии приучены ожидать большего, чем может быть осуществлено. Ни то, ни другое правительство не может выполнить этих чаяний. Если бы они попытались заключить мир на других основаниях, чем те, к которым приучили свои народы,

то весьма вероятно, что сами правительства были бы низвергнуты. В настоящее время это составляет главную трудность, и весь вопрос в том, как ее устранить.

Я стараюсь смягчить общее настроение. Циммерман говорит мне, что главное, чего хотела бы Германия, это—договоренности, которая обеспечила бы постоянный мир. Тот же призыв слышен во всех воюющих странах.

Я указал Циммерману ряд точек совпадения наших интересов и предложил, чтобы мы сообща взялись за достижение наших целей. В связи с этим я поднял вопрос о второй конференции (для организации постоянного мира), к этому он отнесся очень сочувственно. В частности я сказал ему, что мы, как и Германия, желаем, чтобы в будущем наша торговля была защищена и не нарушалась, независимо от того, участвуем ли мы в войне или соблюдаем нейтралитет. Я сказал ему, что мы полностью признаем за Англией право держать флот, достаточный для ее защиты от нашествия, но больше этого она не должна требовать.

Он особенно сочувствует этой мысли, и я думаю, что это поможет созданию здесь благоприятных для нас условий.

Канцлер на несколько дней уехал, но Циммерман устроит нам встречу, как только тот вернется. Он также предполагает, что кайзер может захотеть повидать меня. Джерард говорит, что это невозможно, что он сам не видел кайзера в течение нескольких месяцев из-за резкого недовольства кайзера нами, вследствие наших поставок оружия союзникам. Сейчас неважно, увижу я его или нет, это я оставлю на усмотрение Циммермана...

Я несколько неуверен в том, как поступать дальше, так как сейчас очевидно, что только после какого-нибудь сильного поражения одной из сторон правительство этой страны осмелится предложить переговоры о мире. Я предвижу трудные времена, и будет чудом из чудес, если правительства выйдут из этого невредимыми.

Мир напряжен,—как никогда, и в недалеком будущем где-то что-то треснет.

Кажется, для нас теперь лучше всего ждать появления трещины.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Берлин, 21 марта 1915 г.

«Дорогой начальник!

Постепенно я добираюсь здесь до сути вещей и хотя не могу писать вам вполне вольно, все же постараюсь дать вам достаточное представление о положении.

Так же как в Англии, я встречаюсь со многими и надеюсь скоро иметь полную картину всего происходящего.

Вчера вечером я познакомился с дельным и благоразумным человеком, д-ром Ратенау[1]. Говорят, что он большая сила в германском деловом мире. У него такое ясное представление о положении и такое пророческое предвидение будущего, что хотелось бы знать, есть ли в Германии еще люди, мыслящие как он. Было грустно услышать от него, что, насколько он знает, он одинок. Он говорит, что начинает размышлять, действительно ли все кругом сошли с ума или сумасшедший он сам...

Было почти трогательно слышать, как он упрашивал, чтобы мы не прекращали наших стараний добиться мира. Он говорит, что это самая благородная задача, какая когда-либо выпадала на долю человека и что он будет молиться за то, чтобы мы не были обескуражены. Этот мотив я слышу во всех странах. Матери и жены, отцы и братья говорят в этом же духе, и кажется, будто все свои надежды они возлагают на нас.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

«Грустно подумать,—добавляет Хауз,—что правительство каждой из воюющих стран вероятно приветствовало бы начало мирных переговоров и вместе с тем ни одно из них не чувствует безопасным для себя начать их». Чтобы обеспечить нужное для войны воинственное настроение, каждое из них создало своего Франкенштейна[2], который строжайше запрещает даже шептаться о мире. Циммерман заявил (записывает Хауз 24 марта), что «если бы теперь начать переговоры о мире на мало-мальски реальных условиях, это означало бы свержение правительства и кайзера».

Письмо Хауза президенту

Берлин, 26 марта 1915 г.

«Дорогой начальник!

Хотя я знаю, что сделал здесь много полезного, я уезжаю разочарованным тем, что мы были введены в заблуждение, полагая, что мирные переговоры могут быть начаты на базе эвакуации Франции и Бельгии.

Меня приняли очень благосклонно, к прежним я прибавил много новых знакомств. Я нахожу, что здешние гражданские власти также благоразумны и толерантны, как и в Англии, но в настоящее время они бессильны.

[1] Доминирующая фигура первых дней послевоенной Германской республики. С 31 января по 24 июня 1922 г. был министром иностранных дел; представлял Германию на Генуэзской конференции в 1922 г.; 24 июня 1922 г. был убит реакционерами.

[2] Герой романа Шелли (жены поэта), создавший и одушевивший злобное и всеразрушающее чудовище (Прим. пер.).

Опасное дело—зажечь народ и внушить ему преувеличенное представление об успехах. Это именно то, что происходило и происходит почти в каждой из воюющих стран...

Если те, кто в настоящее время возглавляют аппарат гражданского управления, останутся у власти ко времени мира, можно не сомневаться в их помощи и содействии при условии, конечно, что наши отношения более не ухудшатся, а, кроме случая прямой войны, они хуже быть не могли.

Это ухудшение целиком происходит из-за наших поставок оружия союзникам. Почти не верится, как остро ненавидят нас немцы. Получается, что каждый убитый или раненый немец был убит или ранен из американской винтовки, американской пулей или снарядом. Я никогда не думал, что наши пушки и снаряды так совершенны. Только они одни разрываются и во всяком случае изготовлены так, что несут смерть.

Я здесь обращаю внимание на опасность такой агитации против нас и пытаюсь показать, насколько это уменьшит для нас возможность притти на помощь Германии, когда такая помощь понадобится. Я указывал, где наши интересы совпадают и как ценно было бы для обеих стран работать в одном направлении, а не в противоположных...

Как и везде, все здесь настаивают, что когда будет заключен мир, это должен быть настоящий мир, но представления о том, как этого достигнуть, диаметрально расходятся...

Джерард мне очень помогает. Он нисколько мне не мешал и настаивал, чтобы я один беседовал с разными членами кабинета и влиятельными немцами. Он обладает большим мужеством и отличается от некоторых наших представителей тем, что его точка зрения целиком американская.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Как и в Лондоне, Хауз поставил себе задачей встречаться с людьми разных типов, но больше всего он выискивал людей умеренных взглядов. У него были долгие беседы с Ратенау и фон Гвиннером[1], с министром колоний Зольфом, впоследствии игравшим большую роль в переговорах о перемирии, с Гельферихом («молодой человек,—отмечает Хауз,—которого считают одной из восходящих в Германии сил»), с министром иностранных дел фон Яговом и канцлером.

3

Кроме собирания сведений и создания дружественной Соединенным штатам атмосферы, Хауз хотел проверить в Германии воз-

[1] Банкир, инициатор постройки Багдадской железной дороги.

можность проведения плана, который он считал пригодной основой будущего соглашения Германии и Великобритании. Это и было то, что впоследствии было названо принципом «свободы морей».

Полковнику Хаузу эта задача представлялась в следующем виде. Существующие морские законы допускали захват частной собственности нейтральных стран в открытом море, если она подходила под категорию «военной контрабанды», а при нынешних способах ведения войны было неминуемо, что понятие военной контрабанды будет постепенно расширяться вплоть до того, что на деле оно будет включать всю промышленную продукцию. В случае войны Великобритании с любой державой на континенте, первой мыслью англичан, естественно, будет использовать свое морское могущество для прекращения прямого и косвенного снабжения врага. Неизбежно последует конфликт между Великобританией и Соединенными штатами, наиболее крупной экспортирующей нейтральной державой, ибо ограничения, устанавливаемые англичанами, означали бы разрушение американской торговли. События 1914 и 1915 гг., как и события, вызвавшие войну 1812 г., являлись наглядным примером этого всякий раз проявляющегося фактора разногласий,—единственного фактора, серьезно угрожавшего дружественным отношениям этих двух стран.

Помимо опасности осложнений с Америкой, были и другие обстоятельства, неблагоприятные для Великобритании. Англичане—островные жители, существование которых зависит от торговли с внешним миром, и в особенности со своими колониями—в большой опасности, которая еще не вполне осознана. Они могли быть уверены в своей полной безопасности, пока их флот господствует. Но появление подводной лодки поставило вопрос о том, не может ли случиться так, что английская морская торговля будет уничтожена и нация будет лишена обычных поставок продовольствия и сырья, между тем как ее боевой надводный флот даже оставался бы невредим. Такая угроза жизни страны стала весьма актуальной в 1917 г.

Германия тоже зависела, хотя не в такой степени, от морской торговли. В борьбе с Англией немцы рассчитывали на нейтральные порты Голландии, Дании, Швеции и Норвегии. Но, господствуя на море, англичане могли бы конфисковывать грузы или очень сильно мешать торговле с немецкими портами и таким образом угрожать Германии голодом. Это признавали даже сами немцы в своих протестах против английской продовольственной блокады.

Хауз предлагал, чтобы список военной контрабанды состоял только из действительных средств ведения войны, все остальное должно свободно пропускаться. Торговым судам как воюющих, так и нейтральных держав должно быть разрешено свободное плавание вне территориальных вод при условии, что они не везут военной контрабанды. Им должен быть разрешен вход и в порты

воюющей державы, если только эти порты фактически не блокированы неприятельским флотом. Такая блокада в отношении Англии была бы фактически невозможна, благодаря многочисленности ее портов и мощности ее флота. Точно так же была бы невозможна и полная блокада Германии, как это показала настоящая война.

Зачем же тогда нужен флот, можно было спросить. Для обороны, отвечал на это Хауз,—для обороны от неприятельского десанта и для того, чтобы держать открытыми наиболее важные порты.

Это предложение было менее революционным, чем казалось многим, и за ним стояла сила английских и американских традиций. Английская делегация на второй Гаагской конференции в 1907 г. получила от сэра Эдуарда Грэя инструкцию добиваться ограничения списка военной контрабанды; по его внушению делегация довела эту идею до логического конца, и выразила желание совсем ликвидировать понятие военной контрабанды[1]. В своих беседах с Хаузом в феврале Грэй и Тиррел одобрили также идею неприкосновенности торгового судоходства воюющих держав во время войны. В сущности одобрение ими этого принципа и легло в основу теперешнего предложения Хауза.

Не менее удивительно, что в 1907 г. министр иностранных дел Соединенных штатов Элайю Рут в директивах делегатам на Гаагскую конференцию говорил почти о том же, что предлагал теперь Хауз: отказ от захвата частной собственности граждан воюющей державы. Но Рут ничего не говорил об ограничении понятия военной контрабанды.

«Частная собственность всех граждан или подданных договаривающихся держав (так гласила инструкция), за исключением военной контрабанды, должна быть в открытом море и повсюду свободна от захвата или конфискации со стороны военных судов или военных сил названных договаривающихся держав, но сказанное здесь не освобождает от захвата или конфискации судов или грузов, пытающихся войти в порт, блокируемый морскими силами любой из названных держав».

Это было в полном соответствии с «Окончательным актом» первой Гаагской конференции, который устанавливал «неприкосновенность частной собственности в морской войне».

Новым в этом предложении было только применение термина «свобода морей», которое как видно было придумано Хаузом. Гротиус в 1609 г. употреблял термин «mare liberum», а в XVIII и XIX

---

[1] Со стороны Великобритании было сделано следующее заявление: «В целях уменьшения затруднений для нейтральной торговли во время войны, правительство его величества готово ликвидировать понятие контрабанды в случаях войны между державами, которые подпишут соответствующую конвенцию. Право осмотра может быть использовано только для установления нейтральной принадлежности самого судна».

веках привыкли употреблять такие лозунги как «свободное море или война»[1], «свободные суда», «свободные грузы», «свободный флаг». Термин «свобода морей» употреблялся в 1798 г. французским революционным деятелем Барером, в его известном изложении французской иностранной политики: «свобода морей, мир всему миру, равные права всем нациям». Но только Хаузу пришлось применить это выражение к понятию, которое Чоут в 1907 г. назвал «неприкосновенностью частной собственности на море» и включить в него предложение о строгом ограничении понятия «военной контрабанды».

План Хауза о свободе морей таким образом базировался на английских и американских авторитетах. В них было заложено то прямое и конечное преимущество, что для Соединенных штатов он исключил бы почти все поводы к осложнениям с воюющими европейскими державами. Если понятие военной контрабанды будет ограничено, то морская торговля Соединенных штатов может во время войны продолжаться так же свободно, как в мирное время. Преимущества его для всего мира были еще более очевидны, поскольку роль флота сводилась бы главным образом к обороне и дело морского разоружения могло быть быстро двинуто вперед.

Несомненно, что и Германия очень много выгадала бы от «свободы морей». Неприятель с сильным флотом, как например Англия, мог, конечно, и тогда блокировать германские порты, если бы ему удалось до них добраться, но он не мог бы закрыть доступ продовольствию и сырью, которые Германия пожелала бы получить через нейтральные порты или через соседние страны. Англия, таким образом, потеряла бы одно из своих орудий нападения,— орудие, закономерность которого была весьма сомнительна. Зато как усилилась бы обороноспособность Великобритании! Недостатки ее островного положения были бы почти целиком устранены, ее продовольственное снабжение было бы обеспечено, а торговля с многочисленными частями империи не нуждалась в защите дорогостоящего флота. Подводные лодки не могли бы охотиться за торговыми судами. От принципа «свободы морей» выиграла бы больше всех та держава, которая имеет больше всего колоний и наибольшую морскую торговлю.

Все это было ясно Хаузу, хотя он был достаточно осторожен, чтобы в Берлине не проронить и слова о том, что по его мнению львиная доля преимущества достанется Великобритании.

Величайшей иронией войны для него было то, что его предложение было так горячо подхвачено немцами и так презрительно отвергнуто английским общественным мнением.

---

[1] В Англии—накануне войны с Испанией в 1739 г. («Война из-за уха Дженкинса»).

Слабым пунктом его плана было то, что какая-нибудь неразборчивая в средствах страна, в принципе приняв его план, на деле не станет выполнять взятых на себя обязательств. Англичане не могли избавиться от страха того, что Германия, уже нарушившая свои обязательства по отношению к Бельгии, вполне способна была бы согласиться на «свободу морей», а после частичного разоружения Великобритании, в результате этого плана, занялась бы массовым уничтожением английского торгового флота. Для гарантии от такой опасности Хауз настаивал на необходимости образования содружества наций, которое было бы обязано объединиться для применения силы против любой страны, нарушившей свои международные обязательства.

Полковник считал, что принятие идей «свободы морей», как принципа международного права, необходимо для устойчивости отношений между Соединенными штатами и европейскими державами. Кроме того, он считал, что эту идею можно использовать, как средство для начала мирных переговоров между воюющими державами. Если бы англичане приняли его предложение со всеми вытекающими для них преимуществами, он представил бы это немцам, как дипломатическую победу Германии, что удовлетворило бы германское общественное мнение и оправдало начало мирных переговоров.

Письмо Хауза президенту

Берлин, 27 марта 1915 г.

«Дорогой начальник!

Необходимо найти какой-нибудь способ, чтобы правительства могли понемногу образумить свои народы. Это почти что самая трудная задача.

Сегодня мне пришло в голову сказать канцлеру, что при посредничестве Соединенных штатов можно было бы уговорить Англию согласиться на окончательное установление «свободы морей» в той степени, в какой я вам это излагал. Я сказал ему, что Соединенные штаты сочтут себя вправе произвести в этом отношении давление на Англию, так как в этом вопросе у нас с Германией общие интересы.

Он, как и все другие люди, с которыми я об этом говорил, удивился, когда я заявил ему, что мой план метит гораздо дальше Парижской декларации или намечавшейся Лондонской декларации. Для того, чтобы начать постройку моста, кто-то должен перебросить первую нить через пропасть, и я не вижу другого предложения, более пригодного для этой цели; если Англия даст согласие, то германское правительство могло бы показать своему народу, что, поскольку Англию удалось заставить пойти на уступки, Бельгия больше не нужна как база для германского флота.

С момента приезда сюда я широко сею эти мысли о «свободе морей», и результаты уже видны... Я думаю, что смогу показать Англии, что в конечном счете, если смотреть на вещи более широко, она в этом вопросе так же заинтересована, как и другие страны мира.

Канцлер, а также Циммерман, видимо считают, что своим предложением я подал наилучшую мысль для начала мирных переговоров...

Я откровенно и определенно сказал им, чтобы они не рассчитывали на то, что мы наложим эмбарго на вывоз военных припасов, и в этом отношении они должны смягчить тон прессы и настроение народа. Они обещали это сделать. Я указал им, что впоследствии я приду им на помощь в больших вопросах, а в настоящее время они должны быть довольны тем, что мы делаем.

Я уезжаю отсюда, вполне удовлетворенный положением, так как теперь у нас есть кое-что определенное для начала действий, поскольку воюющие державы условно приняли ваше посредничество...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

К несчастью, у немцев нехватило осмотрительности и такта, необходимых для развития идеи «свободы морей» Хауза. Он надеялся на одобрение Великобритании, так как знал, что Грэй сочувствует этому плану. Единственное, чего он хотел в этот момент от Германии—благожелательное молчание. Но немцы тотчас же стали афишировать эту идею, выдавая ее за свою собственную, чем сразу погубили всякие шансы на успех. Руководитель германского агитационного бюро в Соединенных штатах Деренбург заявил, что если Англия согласится на «свободу морей», то Германия уйдет из Бельгии, в противном же случае Германия создаст постоянную укрепленную базу на Ламанше. Англичане не знали, что значит «свобода морей», выгодно ли отказаться от нее или невыгодно. Но поскольку это дошло до них в форме угрозы, они немедленно решили, что это—немецкое изделие и всякий истый англичанин предпочтет драться до последней капли крови, чем разговаривать об этом плане. Так родилось необдуманное предубеждение против этой идеи, в конце концов ставшее непреодолимым.

К тому времени Хауз уехал из Германии в Париж через Ниццу и Биарриц, где он виделся с американскими посланниками в Италии и Испании.

«*2 апреля 1915 г.* [Ницца]. Мы с Пэйджем[1] продолжали разговор. Он подробно рассказал о положении в Италии, описав все хитросплетения итальянской политики, в особенности соперни-

---

[1] Томас Нелсон Пэйдж.

чество между нынешним премьером Саландрой и прежним премьером Джиолитти. Пэйдж считает, что Италия ведет исключительно эгоистическую политику; ей безразлично, поддержать ли союзников или страны Двойственного Союза, лишь бы остаться в выигрыше. Аристократия сочувствует Германии, а народные массы—Антанте. Нет такого уголка в Италии, где бы ненависть к Германии была так сильна, как к вековечному врагу—Австрии.

Пэйдж считает, что Италия не долго продержится в войне; если бы она вступила в войну с самого начала, она уже была бы побеждена и разоружена. Он считает, что она вступит в войну на стороне союзников, когда убедится, что конец войны наступает через несколько месяцев.

Он считает, что Англия сделала ошибку в том, что не пошла хоть сколько-нибудь навстречу ее притязаниям на новую территорию, или, вернее, на ее старую территорию, которую она желает вернуть. Сюда входит часть Австрии вокруг залива, называемого итальянцами Венецианским, двенадцать островов, которых она давно добивается, и сфера влияния в Малой Азии...[1]

«*8 апреля 1915 г.* (Биарриц). Сегодня из Мадрида приехал посланник Уиллард... Он рассказывает, что к королю в Испании прислушиваются и что в душе он передовой либерал. Он знающий человек и вообще просвещенный правитель в современном смысле слова. Министры его далеко не так прогрессивны и во многом мешают ему.

Король хочет участвовать в переговорах о мире, но готов на то, чтобы возглавил дело президент, а он будет ему помогать на вторых ролях. Я сказал Уилларду, что не представляю себе, как король мыслит сотрудничество в этом деле, поскольку оно должно делаться кем-нибудь одним, и что если только положение не изменится, то это несомненно будет президент. Положение, понятно, может измениться не в пользу президента, если воюющие державы будут настолько предубеждены и раздражены нашей нейтральной политикой, что захотят посредником кого угодно, только не президента. Я объяснил Уилларду, что апеллирую к желанию выгоды у обеих сторон, а одно это вероятно заставит их принять посредничество Вильсона.

Уиллард говорит, что король скорее франкофил, чем англофил, он настроен против Германии, но за Австрию. Он потому не особенно стоит за англичан, хотя его жена и англичанка, что его недостаточно хорошо приняли в Англии во время его визита. Кроме того вечным укором испанской гордости остается Гибралтар...»

---

[1] В этот период велись переговоры, закончившиеся Лондонским договором, по которому Антанта гарантировала Италии получение требуемых ею территорий.

Письмо Хауза президенту

Париж, 11 апреля 1915 г.

«Дорогой начальник!

Впервые со времени моего выезда отсюда я имею возможность писать вам свободно. Мой визит в Берлин был исключительно тяжел и неприятен во многих отношениях. Все, кого я ни встречал—снизу доверху—немедленно приставали ко мне с разговорами о наших поставках амуниции союзникам, и временами их тон был почти оскорбительным.

На улицах надо было остерегаться говорить по-английски, чтобы не нарваться на оскорбление...

Я, однако, считаю, что с правительством, а также с теми влиятельными людьми, с которыми я говорил, удалось добиться лучшего понимания наших намерений, и я надеюсь, что рано или поздно к этому придет и весь народ...

С Германией беда в том, что в некоторых отношениях она очень отстала. Она пошла по пути управления силой, в то время как наиболее передовые нации шли уже в другом направлении.

Я старался показать германскому правительству, что для него лучше действовать в согласии с нами. Если бы нам удалось внушить им эту мысль, они, вероятно, пожелали бы иметь вас посредником, так как стремления их узко эгоистичны, широких взглядов на общее благо всего человечества у них нет.

В правительственных кругах я заметил отсутствие единства, что предвещает недоброе. Гражданские власти тоже перессорились... военные и гражданские власти действуют несогласованно.

Кайзер до сих пор является абсолютным владыкой, хотя гражданская и военная части правительственного аппарата критикуют почти все его действия. Наибольшее влияние на него имеют, повидимому, Фалькенхайн и фон Тирпиц, но Фалькенхайн непопулярен в армии.

Наследный принц, повидимому, не привлекается к решению важных дел, его вообще игнорируют и гражданские и военные власти, хотя он, повидимому, более популярен в народе, чем его отец, так как говорят, что он не эгоистичен и более демократичен в обращении.

Гинденбург—народный герой; он единственный человек, который осмелился противостоять кайзеру. Я считаю, что для кайзера впереди очень неспокойные времена, одним из результатов войны может быть более демократичная Германия...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

В Париже Хауз не стал поднимать вопроса о мире: тогда шансов на это было меньше всего. На востоке немцы гнали русских из Польши. На западе французы готовились к большому насту-

плению в районе Шампани. Англичане развивали наступление на Дарданеллы. Италия готовилась вот-вот присоединиться к союзникам. Оба лагеря старались привлечь на свою сторону Болгарию. Каждый надеялся на победу. Хауз ограничился собиранием сведений и укреплением личных связей, в особенности с Делькассе и Пуанкаре. Хауз тогда впервые познакомился с Пуанкаре. Один американский дипломат предупредил его, чтобы он не был обескуражен обычным для французского президента холодным приемом. «Я ответил,—записывает Хауз,—что его холодность и молчаливость меня нисколько не стеснят, лишь бы они не стесняли его, а я могу быть молчаливым как угодно долго».

Телеграмма Хауза президенту

Париж, 13 апреля 1915 г.

«В частной беседе со мной Делькассе очень любезно выразил удовлетворение тем, как до сего времени велись переговоры. Он сказал, что я дал Берлину правильное представление о позиции Франции; он одобряет все, что я там говорил и делал...

Он просил меня передать вам благодарность Франции за то беспристрастие, с каким вы поддерживаете наши отношения с воюющими державами. До своего отъезда я повидаю Пуанкаре.

Э. М. Хауз».

Письмо Хауза президенту

Париж, 17 апреля 1915 г.

«Дорогой начальник!

Только что я телеграфировал вам о своем визите к Пуанкаре. Мне говорили, что он очень суров в обращении, и я вовсе не был подготовлен к тому теплому приему, какой он мне оказал.

Очевидно он понимает мои отношения к вам и выразил удовлетворение по поводу того, что вы направили меня во Францию.

Когда в четверг я составлял свою телеграмму, я было написал, чтобы вы приписали что-нибудь для передачи ему и Делькассе. Потом я это вычеркнул, не желая излишне затруднять вас. Когда вчера я получил вашу телеграмму с обращением к ним обоим, это показалось мне случаем передачи мысли на расстоянии...

Пуанкаре был, видимо, польщен. С тех пор я еще не виделся с Делькассе, но постараюсь увидеться через день-два для того, чтобы поговорить с ним о второй конференции. Ничто так не помогло бы улучшению отношений, как получение от вас время от времени нескольких слов, которые я мог бы повторить правителям тех стран, где мне приходится бывать. Все мы очень падки на такие небольшие знаки внимания...

Я убедился в том, что ваши намерения очень плохо поняты во Франции. Они считают, что американский народ в целом симпатизирует союзникам, но вместе с тем думают—и, к сожалению, я должен сказать, что это распространено по всей Франции—что лично вы стоите за немцев. Это самый нелогичный вывод, какой только можно себе представить, и я едва удерживаюсь в границах вежливости, когда с кем-нибудь об этом спорю...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Письмо Хауза министру иностранных дел Брайану

Париж, 15 апреля 1915 г.

«Дорогой Брайан!

... Здесь как будто все хотят мира, но уступить для этого никто не хочет. Точно так же все говорят, что хотели договориться навсегда с тем, чтобы такие катастрофы больше не повторялись, но существует опять-таки такая масса разногласий в том, как этого достигнуть, что в настоящий момент примирить их невозможно...

Германия вовсе не хочет эвакуировать Бельгию, ни даже Францию без компенсации, следовательно, заявление графа фон Бернсторфа о том, что это можно было бы устроить, очень далеко от истины. Союзники, конечно, не согласятся на меньшее,—вот каково сейчас положение.

С наилучшими пожеланиями вам и м-сс Брайан
остаюсь преданный вам *Э. М. Хауз*».

«*16 апреля 1915 г.* Из бесед,—записывает Хауз,—не только с Делькассе и Пуанкаре, но и с другими я убеждаюсь, что было бы ошибкой пытаться заговаривать сейчас о мире. Вся Франция считает, что президент не совсем сочувствует союзникам, что он расположен к немцам и, желая сохранить достоинство Германии, занимается миротворчеством. Очень обескураживает, когда в разговоре с умными людьми приходится спорить с ними о таком вопросе, но именно этим мне и приходится заниматься.

Здесь также думают, что президент гонится за голосами части населения, стоящей за Германию. Мне приходится им объяснять, что человек такого ума, как президент, едва ли будет гоняться за 15 процентами голосов, рискуя потерять 85 процентов. Об этом они не подумали. Мне кажется, что думают они вообще немного.

Незнание в Европе того, что касается их самих, не говоря уже об Америке, удивительное.

Франция в настоящее время не понимает Англии, ее намерений, сколько сил вложила она в эту войну. Им кажется, что все делают они, а Англия бездельничает. Только некоторые из быв-

ших в Англии французов имеют представление о могуществе собираемых там сил и о той несокрушимой энергии и стойкости, которые, вероятно, потянут в конце концов весы в сторону союзников».

Письмо Хауза С. Э. Мизесу

Париж, 18 апреля 1915 г.

«Дорогой Сидни!

... Мы ведем занятой и интересный образ жизни, и нам некогда обращать должное внимание на бомбы, падающие то впереди, то позади нас. Только что их пронесло мимо нас в Париже, как проносило на всех станциях и полустанках по всему нашему пути. Теперь с улучшением погоды у нас больше шансов, поскольку все воюющие державы обещают вскоре усилить свою деятельность в этом направлении.

Мартин, очевидно, с интересом ждет, чтобы где-нибудь на территории союзников меня хватило бомбой, так как уверен, что это привело бы нас к войне с Германией, а из-за этого, говорит он, стоит умереть. А с другой стороны, сент-луисская газета «Глоуб-демократ» в передовой выражает надежду, что я останусь невредим, потому что, как бы желательна ни была моя смерть, но слишком дорого было бы заплатить за это войной с Германией...

Братски ваш *Э. М. Хауз*».

«*19 апреля 1915* г. Вчера у посла Шарпа был обед. Кроме нас, в числе гостей были испанская инфанта Евлалия, испанский посол с супругой, посол Уиллард, Роберт Блисс, миссис Кросби, чета Ток. Я сидел с инфантой и сразу же завоевал ее внимание, похвалив ее недавнюю статью о кайзере в американском журнале. Я сказал, что она замечательно его обрисовала и всякий, кто его знает, признает, как верно он описан. Она ответила, что ей он очень нравится и она старается внушить французскому народу, что кайзер вовсе не такое чудовище, каким его представляют. У нас зашел оживленный разговор о войне и ее исходе. Она хорошо знает о положении в Италии и об опасной позиции итальянского короля. Она знает, что король и аристократия стоят за немцев, а народ—за союзников.

Она говорила о мелких распрях и разногласиях среди членов императорских семей и со смехом рассказала, что когда приходится делить фамильное серебро, то начинается спор, кому какую ложку получить. Говоря о кайзере, я сказал, что он окружил себя недостаточно способным кабинетом. Она ответила, что это—один из его недостатков, так как он хочет делать все сам и не хочет иметь вокруг себя сильных людей, поэтому ему плохо служат...»

Письмо Хауза президенту

Париж, 20 апреля 1915 г.

«Дорогой начальник!

... Испанский посол сообщил мне, что меня хочет видеть испанский король и просит приехать в Мадрид. Он подтвердил слова Уилларда о том, что король хотел бы принять участие в переговорах о мире и готов в этом отношении следовать вашему руководству.

Я ответил послу, что вы не хотели бы, чтобы в настоящее время я посещал нейтральные страны, поэтому я ограничиваюсь поездками в воюющие страны, и что мы не делаем никаких предложений о мире, а только знакомимся с положением.

Однако я прибавил, что после того, как я побываю в России, я, может быть, поеду в Сан-Себастьян для встречи с королем. Это обещание неопределенное, и еще многое может помешать моей поездке...

Ежедневно все больше выясняется непонимание нашей позиции французским народом вообще. Они очень боятся, что мир будет подписан слишком быстро и немцы не получат должного возмездия за все свои преступления.

Еще через два-три месяца им станет ясно, что все те чудеса, которые они ожидают от армии, не осуществились, и тогда они займут более благоразумную позицию.

Я вижу, что Деренбург подхватил намек из Берлина и всюду повторяет, что если «свобода морей» не будет установлена, они оставят за собой Бельгию. Вчера я слышал это от одного видного гамбуржца. Видно, германское правительство ухватилось за мою мысль о том, что это лучший способ сохранить свое достоинство в глазах народа.

Сегодня я завтракал с Жозефом Рейнаком. Это, германо-французский еврей, семья которого проживает во Франции 60 лет. Говорят, он патриот и человек с влиянием.

Он пишет для «Фигаро». Я наметил несколько пунктов, которые, по-моему, ему следовало бы включить в его ближайшую статью. Я обратил его внимание на тот факт, что для Франции важнее, чем для нас, чтобы Соединенные штаты были привлечены к участию в окончательных переговорах и смогли оказать свое моральное влияние.

Я также говорил ему то, что я говорю другим: о вас и о ваших делях...

Рейнак получает через Швейцарию немецкие газеты и говорит, что за последние две недели он заметил большую перемену в их отношении к Англии. Хотелось бы знать, не стали ли приносить плоды мои разговоры в Берлине и не поняли ли немцы, насколько было бы благоразумно сбавить тон кампании англо-ненавистничества.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

28 апреля Хауз выехал из Парижа в Лондон. Его визит во Францию был безрезультатен в отношении ускорения дела мира, но он укрепил те личные связи, которые в дальнейшем имели огромное дипломатическое значение. В Англии он сразу возобновил свои знакомства с английскими друзьями и установил новые интересные и важные связи.

«*5 мая 1915 г.* Я завтракал с лордом Нортклифом. Был также Л. Дж. Мэкс из журнала «Нэйшенэл ревью».

Нортклиф очень откровенно говорил о войне и без стеснения критиковал правительство. Он считает, что Китченер слишком стар, и не понимает, в какого рода войне он сейчас участвует. Нортклиф считает, что англичане не сознают величия стоящих перед ними задач и не проявляют той решимости и умения, каких требует существующее положение. Нортклиф и Мэкс оба считают, что в армии и правительстве нет действительно крупных людей. Нортклиф указал, сколько войска у них сейчас во Франции, называя численность каждого отдельного соединения. Говорить об этом, если это действительно верно, было в высшей степени неосторожно. Не приходится удивляться тому, что к немцам попадает так много сведений, ибо я часто слышу, как самые секретные сведения об армии и флоте повторяются так открыто, что меня охватывает дрожь...»[1]

«*6 мая 1915 г.* Я обедал у генерала сэра Артура и леди Пэйджет. Кроме меня были г-жа Мак-Гуайр, дочь покойного лорда Пиля, леди Фингол, Артур Бальфур и сэр Хорэс Планкетт.

За обедом разговор зашел о том, выполняет ли Великобритания свой долг и играет ли она в войне ту важную роль, какая определяется ее ресурсами и положением. В течение нескольких минут я не вмешивался в разговор, а затем вставил замечание, что из всех воюющих стран Великобритания лучше всех выполняет свои обязанности. Германию считали самой сильной военной державой в мире, а Великобританию—доминирующей морской державой. Германия не смогла удержать своего главенства на суше в то время, как Великобритания установила свое превосходство и стала неоспоримой владычицей морей уже через неделю после начала войны. Кроме того, она выставила громадную армию чего, думали, от нее и не потребуется; из воюющих держав она единственная обладает широким взглядом на задачи войны и ее последствия, отличаясь в этом отношении от Франции, Германии и даже России, которые смотрят на все с узко местной точки зрения и с точки зрения того, как это повлияет на них самих.

Когда Великобритания вступила в войну, все нейтральные страны решили, что Германия обречена на поражение, и я считаю,

---

[1] В вышеуказанных словах не было никакого намерения чернить честь или патриотизм м-ра Л. Дж. Мэкса.

что сама Германия в глубине души полна страха. Меня часто прерывали английским «слушайте, слушайте», а когда я закончил, Бальфур сказал: «Это самая красноречивая речь, какую я когда-либо слышал».

Конечно, это была простая любезность...

Когда дамы удалились, сэр Артур рассказал нам о своем недавнем путешествии в Россию, Болгарию, Румынию, Сербию и Грецию, откуда он только что вернулся. Десять дней он провел с великим князем, и он дал мне гораздо лучшее представление о его способностях и характере, чем я имел до сих пор. Он с восторгом говорил о русской армии, но с огорчением—о русском взяточничестве, которое мешает великому князю надлежащим образом экипировать свою армию. Он говорил, что великий князь был недоволен настояниями Жоффра о том, чтобы он переменил свой план кампании и повел наступление на Пруссию, между тем, как великий князь считал, что против пруссаков ему следует только укрепиться, а всю свою энергию направить против Австрии. Он считает, что эта перемена стоила России бесчисленных жертв людьми и средствами».

«*7 мая 1915 г.* В 10 часов я зашел к сэру Эдуарду Грэю. Я показал ему приглашение от короля на 11 ч. 30 м. Пока мы решили проехаться в Кью[1]. Перед тем я показал ему несколько телеграмм и писем: одно от Уилларда о положении в Испании, другое от Томаса Нелсона Пэйджа об Италии и, самое важное, телеграмму президента относительно задержки американских грузов...

Когда мы приехали, вход в Кью был закрыт, но мы прошли через помещение привратника. Никогда еще не видел я такого прекрасного парка. По-моему, это один из прекраснейших уголков Англии. Указывая на различные деревья, Грэй давал мне объяснения о каждом. Пели дрозды. Мы говорили о том, чем они отличаются от дроздов нашего далекого Техаса.

Зрение Грэя все ухудшается, и доктора предупредили его, что если он не перестанет заниматься чтением, он настолько испортит глаза, что вовсе не сможет читать. Он говорит, что, повидимому, это и есть та жертва, которую он должен принести для своей страны и потому он не слушает докторов, зная хорошо, что ждет его впереди».

5

Тем временем Хауз снова поднял перед сэром Эдуардом вопрос о «свободе морей», о чем они переписывались еще во время пребывания Хауза в Париже, и что́ Хауз, как он писал Вильсону, надеялся использовать как средство для начала мирных переговоров между воюющими странами. Грэй, может быть, не без осно-

---

[1] Ботанический сад и парк.

вания подозрительно относился к обещаниям немцев и хотел быть уверен, что если Англия примет принцип «свободы морей», Германия согласится на общее разоружение.

Письмо Хауза сэру Эдуарду Грэю

Париж, 12 апреля 1915 г.

«Дорогой сэр Эдуард!

...Положение в Берлине оказалось неподходящим для переговоров о мире. Поэтому оставался я там не долго и говорили немного. Поездка, однако, оказалась очень полезной, и я чувствую, что теперь знаю, каково в действительности положение там и потому мог усвоить более правильную линию поведения.

Я убедился, что только в некоторых пунктах наши интересы совпадают с их интересами настолько, чтобы могло создаться созвучное настроение; один из таких пунктов—это то, что может быть названо «свободой морей».

Постановки одного этого вопроса было достаточно, чтобы пробудить надежду на то, что найден путь к миру.

Рассматривая вопрос с узко эгоистической точки зрения, они не могут поверить, что в этом отношении Англия настолько далеко пойдет навстречу, что Германия сможет согласиться на то, без чего мир никогда не будет возможен. Но из наших разговоров с вами я знаю, что в этом направлении вы усматриваете более обеспеченное и лучшее будущее для Англии. Об этом я и виду не подал, предоставив им размышлять над тем, какие они могут сделать уступки, чтобы достигнуть столь желанной цели.

Хотя я желал бы как можно скорее поговорить с вами об этом и о других вещах, я все же считаю, что лучше не спешить и изображать некоторое безразличие в отношении времени.

Искренно ваш *Э. М. Хауз*».

Письмо Хауза президенту

Париж, 12 апреля 1915 г.

«Дорогой начальник!

...Чего я хотел бы—это добиться согласия сэра Эдуарда на то, что может быть названо «бумажной кампанией». Если он на это согласится, то, пребывая в самом Лондоне, я буду писать ему и постараюсь заставить его отвечать. Копии писем будут посылаться или прямо германскому канцлеру, или канцлеру и Циммерману через Джерарда.

Это, в свою очередь, потребует ответа, и, таким образом, мы сможем заставить их вступить в переговоры прежде, чем они спохватятся...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Письмо сэра Эдуарда Грэя Хаузу

Лондон, 33 Экклэтон-сквер,
24 апреля 1915 г.

«Дорогой Хауз!

...Ваши новости из Берлина не особенно ободряют. Выходит, что вашингтонские разговоры Бернсторфа о мире были простой болтовней.

То, что вам сообщают из Берлина и что вы там узнали, подтверждается еще и из другого источника, тоже нейтрального, но не американского.

Что касается «свободы морей», то, если Германия полагает, что во время войны ее морская торговля должна вестись беспрепятственно, а сама она будет иметь возможность по своему желанию нападать на другие страны, то это несправедливое предложение.

Если же Германия после войны войдет в какую-нибудь лигу наций, где она должна будет принимать те же обязательства против войны, что и другие страны, то расходы всех стран на вооружения были бы уменьшены и можно было бы установить новый порядок для обеспечения «свободы морей». В мирное время море и так свободно[1].

Искренно ваш *Э. Грэй*».

Письмо Хауза президенту

Лондон, 30 апреля 1915 г.

«Дорогой начальник!

...Я приехал сюда в среду вечером. Уже два раза беседовал я с сэром Эдуардом Грэем, а сегодня у нас будет первая официальная беседа, назначенная через Пэйджа.

Разумеется, никто, кроме вас, не должен знать о первых двух беседах.

Я подробно изложил ему идею «свободы морей»: как лучше всего представить ее Берлину, какие уступки он должен будет сделать со своей стороны. Я не буду сообщать Германии, насколько охотно Грэй воспринимает эту идею, но, наоборот, попытаюсь им внушить, каких трудов стоит этого добиться; время от времени я буду им подавать крупицы надежды. Таким образом, дело будет все время в наших руках.

---

[1] Странная непоследовательность, если иметь в виду, что речь шла о морской торговле в военное время. Может быть Грэй имел в виду довод, впоследствии принятый Вильсоном, что если будет создана Лига наций для предотвращения войны, вопрос «морской торвовли в военное время» станет академическим.

Сэр Эдуард говорил мне, что придется приучать к этому здешнее общественное мнение, в особенности—консерваторов. Я постараюсь это сделать...

Нам придется держать этот план действий в полной тайне, о которой знаем только мы с вами и сэр Эдуард; и даже те люди, с которыми я буду говорить об этом плане, не должны знать всех наших намерений...

Я сказал сэру Эдуарду, что уверен в том, что берлинское правительство хочет мира, но удерживает его, главным образом, германское общественное мнение, которое надо будет приучить к мысли об уступках...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Историк обратит внимание, что уже в то время Хауз начал разрабатывать план мирной конференции, так как он всегда считал необходимой тщательную подготовку. Запись, сделанная им после этого разговора с Грэем, бросает свет на то, чего он хотел достигнуть на парижских конференциях 1918 и 1919 гг.

«*30 апреля 1915 г.* Я сказал Грэю.., что организовать эту конференцию я хочу заранее, подготовив и переварив весь материал, который должен быть представлен ей так, чтобы ничто не было предоставлено случаю. Я постараюсь, чтобы делегаты всех нейтральных государств—и сколько можно от воюющих стран—заранее договорились в нужном нам направлении, до того как они соберутся на конференцию.

Я объяснил ему свои методы организации политических конференций в прошлом; если по внешнему виду на них все идет как будто само собою, то в действительности там ничего не предоставлено случаю. Предложения вносятся разными организациями, а к концу оказывается, что они так пригнаны одно к другому, что получается нужный узор мозаики[1]. Грэя заинтересовал такой план действий. Я доказал ему, что никакая оппозиция не может противостоять такой организации... Нами движут не эгоистичные мотивы, и мы не будем предлагать ничего такого, что давало бы преимущество одной только Великобритании или Соединенным штатам. Мы будем предлагать только то, что ведет к благу для всего мира. Придерживаясь этого принципа и при нашей подготовке к организации, мы сможем делать великое и вечно доб-

---

[1] Болезнь, уложившая Хауза как раз перед созывом парижской мирной конференции, помешала ему провести в жизнь намеченный им порядок. Редактор иностранного отдела газеты «Таймс» Генри Уикхэм Стид, пишет по этому поводу: «Конференцию поразило несчастье, даже катастрофа, вследствие болезни Хауза. Тяжелое заболевание гриппом не позволило ему работать в течение этого критического подготовительного периода. Вследствие этого его руководящее влияние отсутствовало тогда, когда оно острее всего было нужно; и еще до того как он смог приступить к работе, дело зашло так далеко, что исправить его было нельзя». («Сквозь тридцать лет», т. II, стр. 266).

рое дело,—дело, предел которому может положить только наша способность его осознать и провести в жизнь.

Для того, чтобы собрать нужные материалы и подготовиться к правильному обсуждению вопросов, могущих стать перед мирной конференцией, я считал необходимым договориться по соответствующим вопросам с выдающимися умами Англии. Я упомянул лорда Лорберна как знатока, к которому можно обращаться по вопросам адмиралтейства. Грэй одобрил этот выбор, но указал также на лорда Мерси и сказал, что в этом отношении также может быть полезен Бальфур.

Грэй определенно заявляет, что какой бы гарантии добросовестности союзники ни потребовали от Германии, такую же гарантию она получит от союзников. Направление мыслей у нас с ним одинаковое, и мы редко расходимся во мнениях. Я знаю наперед, так же как и в отношении президента, каковы будут его взгляды почти на каждый вопрос. Я часто вхожу в контакт с очень знающими людьми, течение мыслей которых прямо противоположно моему, и с ними мне трудно сговориться по любому вопросу. Большим счастьем для меня поэтому является, что судьба дала мне таких двух друзей, как Вудро Вильсон и Эдуард Грэй.

Грэй прибыл к Пэйджу в пять часов. Я постарался быть к этому времени у входа так, чтобы встретиться с ним, как только он войдет и чтобы мы вместе могли подняться в гостиную. Таким образом, нам не пришлось бы притвориться, что мы еще не виделись.

Он пробыл около получаса, и разговор не представлял большого интереса, так как мы уже обо всем переговорили раньше. Я просто заполнил некоторые пробелы в рассказах о моем путешествии. Я рассказал Пэйджу, как кто-то в генеральном штабе в Берлине говорил, что сэр Эдуард хочет быть Джорджем Вашингтоном, Линкольном, Бисмарком и Наполеоном. Пэйджа это очень рассмешило, но сэр Эдуард... воспринял это серьезно и стал рассуждать о странном направлении немецкого ума, который может сравнивать Вашингтона и Линкольна с Бисмарком и Наполеоном».

Письмо Хауза президенту

Лондон, 3 мая 1915 г.

«Дорогой начальник!

... Сегодня утром я виделся с лордом Лорберном. Он не только человек, на которого можно вполне полагаться, но я думаю, что он ко мне дружественно расположен. Он сказал, что если бы мы могли осуществить идею «свободы морей», мы совершили бы величайшее государственное деяние за много веков. Он считает, что это имело бы стопроцентную ценность для других стран и сто-

двадцатипроцентную ценность для Англии, хотя очень трудно будет убедить в этом англичан.

Он отзывался о Бальфуре, как о человеке больших способностей, но считает, что у него слишком женский ум, чтобы он мог постичь значение этого плана. Он предложил,—то же говорил и сэр Эдуард,—чтобы я повидался с Бонар-Лоу, который обладает хотя и менее глубоким умом, но он практичен и поэтому его, вероятно, легче будет убедить.

Он говорит, что если бы мы могли включить эту формулу в мирный договор, то это явилось бы не только великим государственным деянием, но, пожалуй, самой удачной в истории шуткой, какую удавалось сыграть с ничего не подозревающей страной, т. е. с Германией.

Я рассказал ему, что, излагая этот план в Берлине канцлеру и в министерстве иностранных дел, я дрожал при мысли, что они догадаются, что в нем содержится больше преимуществ для Англии, чем для них, и поэтому они не захотят делать уступок...

Лорд Лорберн является одним из наиболее горячих ваших почитателей в Англии, что естественно укрепляет узы нашей взаимной симпатии.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Письмо Хауза Циммерману

Лондон, 1 мая 1915 г.

«Дорогой герр Циммерман!

С тех пор как мы виделись в Берлине, я побывал в Швейцарии и Франции и два дня тому назад приехал сюда. Я осуществил свои планы, которыми поделился с канцлером и с вами, и виделся со многими нашими представителями в разных столицах Европы, приехавшими по моему приглашению для свидания со мной. Мы говорили с ними о тех вопросах, которые меня занимают.

Я виделся с сэром Эдуардом Грэем и рассказал ему о том, какой интерес проявляют Соединенные штаты и Германия к идее «свободы морей», и я рад сообщить вам, что он готов, по крайней мере, выслушать это предложение.

Он, однако, объяснил мне, что если бы его самого даже удалось уговорить, это было бы возможно только при том условии, что ведение агрессивной войны на суше будет сделано настолько же невозможным, как и ведение морской войны. Другими словами, если морская торговля во время войны даже между воюющими державами должна оставаться свободной и коммерческие суда должны беспрепятственно пропускаться в собственные и нейтральные порты, то земная твердь так же должна быть избавлена от угроз, как и море.

Поэтому он не мог присоединиться к моему предложению и особенно подчеркивал, что говорит от своего имени, а не от имени правительства или страны.

Он обещал обсудить этот вопрос со своими коллегами, а я постараюсь выяснить общее отношение к подобному плану.

Вы, конечно, понимаете, что весь этот разговор исходил из предполагаемой эвакуации Бельгии и Франции и согласия всех союзников.

Если воюющие страны действительно хотят заключить достойный мир, то это принесло бы много добра не только им самим, но и всему миру, и я думаю такая возможность скоро представится.

Если вы можете дать мне какое-нибудь заверение в том, что вы считаете эти вопросы по меньшей мере дискутабельными, это чрезвычайно облегчит наши старания. Я понимаю, что ни прямых, ни косвенных обязательств никто на себя не берет, что все это совершается неофициально, но, мне кажется, что это было бы многообещающим началом.

Много времени потребуется на то, чтобы провести в Англии успешную кампанию за «свободу морей», но мы предпримем ее с радостью и воодушевлением, если только наши усилия будут должным образом поддержаны другими заинтересованными государствами.

Прошу передать мои теплые чувства их превосходительствам— канцлеру и министру иностранных дел.

Остаюсь искренно ваш *Э. М. Хауз*».

6

Главное затруднение, мешавшее продвижению плана Хауза, состояло в очевидной неспособности англичан постигнуть, какие преимущества они извлекли бы из «свободы морей». Этот недостаток понимания основывался частью на ложном чувстве безопасности и на недооценке угрозы от немецких подводных лодок. Он также вытекал из того естественного, вызванного войной, чувства, которое среднего человека заставляло думать, что все, что годится для Германии, уже по одному этому не годится для Великобритании. Малейшее усиление враждебных чувств между этими двумя странами неминуемо означало бы провал плана Хауза.

Как раз в это время германский флот совершил преступление против человечества,—преступление, о котором современный Талейран наверное сказал бы: «хуже чем преступление—ошибка». Оно сразу же сделало совершенно безнадежной какую-либо попытку примирить воюющие страны.

Это не было совсем непредвиденным для Хауза. 5 мая он получил от Вильсона телеграмму с просьбой дать совет в связи с нападением на американское нефтеналивное судно[1]. Хауз ответил, что угроза Германии начать неограниченную подводную войну должна быть принята за чистую монету.

Телеграмма Хауза президенту

Лондон, 5 мая 1915 г.

«Я считаю, что в настоящем случае достаточно будет резкой ноты с указанием, что вы намерены потребовать полной компенсации.

Я опасаюсь, что в любой момент может произойти более значительное нападение, так как они совершенно не считаются с последствиями.

Эдуард Хауз».

Утром 7 мая Хауз и Грэй поехали в Кью. «Мы говорили о возможности потопления океанского парохода,—записывает Хауз,—и я сказал ему, что если это произойдет, то по всей Америке пронесется волна возмущения, которая сама по себе, вероятно, втянет нас в войну». Через час Хауз был у короля Георга в Букингэмском дворце. «Странно сказать,—записывает в этот вечер Хауз,—мы заговорили о том, что немцы могут потопить какой-нибудь океанский пароход... Король заметил: «А вдруг они потопят «Лузитанию» с американскими пассажирами на борту...»

Вечером Хауз обедал в американском посольстве. Пришло известие, что в два часа дня вблизи южного берега Ирландии, немецкая подводная лодка потопила «Лузитанию». Погибло множество людей.

Так Германия истолковала «свободу морей».

---

[1] Речь идет о пароходе «Голфлайт», который 1 мая был поврежден торпедой с немецкой подводной лодки, но не затонул. Капитан умер на другой день от сердечного припадка, а два матроса утонули.

ГЛАВА VIII (XIV)

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ

«Я считаю, что постепенно мы окажемся втянутыми в войну с Германией».

(Из письма Хауза Вильсону, 16 июня 1915 г.)

1

Потопление «Лузитании» разрушило все надежды на переговоры между Германией и Великобританией. Теперь скорее возникал вопрос, смогут ли сами Соединенные штаты остаться в стороне от войны. Пэйдж считал немедленное вмешательство неизбежным и в таком духе телеграфировал Вильсону. «Пэйдж настойчиво убеждает президента,—записывает Хауз,—чтобы мы приняли участие в борьбе на стороне союзников, утверждая, что в противном случае мы не сможем сохранить свой престиж».

Хауз сам считал, что безрассудное поведение Германии не позволяет Соединенным штатам оставаться в стороне. «Мне представляется ясным,—записывает он 9 мая,—что потопление «Лузитании»—только первый случай в этом роде, за которым последуют и другие; Германия не согласится дать никаких заверений в том, что она прекратит свою политику уничтожения пароходов с пассажирами-американцами и подданными других нейтральных стран». Для него было совершенно ясно, что Соединенные штаты должны получить такие заверения, даже если для этого им придется вступить в войну. 9 мая он послал президенту тщательно продуманную телеграмму. Она является исторической, поскольку Вильсон читал ее своему кабинету одновременно со своей нотой протеста, адресованной Германии.

Телеграмма Хауза президенту

Лондон, 9 мая 1915 г.

«Теперь несомненно известно, что при потоплении «Лузитании» погибло множество американцев. Я полагаю, что необходимо

потребовать от Германии обещания, что этого больше не случится. Если она этого обещания не даст, я поставил бы ее в известность, что наше правительство предпримет все меры, необходимые для обеспечения безопасности американских граждан.

Если последует война, это будет не новая война, а попытка поскорее закончить старую. Наше вмешательство не увеличит, а скорее уменьшит потери людских жизней.

Америка подошла к распутью, когда она должна определить, стоит ли она за цивилизованные или нецивилизованные методы войны. Мы больше не можем оставаться нейтральными наблюдателями. От наших действий при настоящем кризисе будет зависеть, какую роль мы будем играть при заключении мира и насколько мы сможем повлиять на то, чтобы благо человечества было обеспечено на долгие времена. Мы—в центре внимания. Сейчас человечество определяет наше место в среде народов.

Эдуард Хауз».

Письмо Хауза президенту

Лондон, 11 мая 1915 г.

«Дорогой начальник!

...Я не вижу другого выхода, если только Германия не обещает прекратить ведения войны против мирных жителей. Если вы не привлечете ее к ответу за гибель американцев при потоплении «Лузитании», то следующим ее актом, возможно, будет потопление уже американского судна с оговоркой, что на нем были военные грузы и что она предупреждала не посылать судов в опасную зону.

Рано или поздно вопрос должен быть решен, и мне кажется, что, откладывая его решение, вы потеряете престиж.

У Германии на уме одно из двух: либо она считает, что мы не пойдем воевать, несмотря ни на какие провокации, либо если мы и вступим в войну, то окажемся бессильными и потому она и хочет нашего вступления. Первое более понятно, чем второе, хотя она возможно думает, что если мы начнем воевать, то перестанем посылать снаряжение в Европу, оставляя его для собственных нужд.

Она, может быть, также полагает, что на мирной конференции мы используем наше влияние для достижения менее жестких и более легких условий для Германии.

Возможно, она считает, что потопление наших пароходов усилит изоляцию Англии.

Если, к несчастью, мы вынуждены будем вступить в войну, то я надеюсь, что вы покажете миру образец американской умелости, который послужит хорошим уроком на целое столетие. По всей Европе думают, что мы настолько неподготовлены и потре-

буется так много времени для приведения в действие наших ресурсов, что наше вступление в войну очень мало изменит дело.

В случае войны мы должны будем настолько усилить производство амуниции, чтобы обеспечить не только нас самих, но и союзников, и с такою быстротою, которая удивила бы мир.

Вы не знаете, как глубоко я сожалею о том, что дела приняли такой оборот, но, в конце концов, оно может быть и к лучшему. Душа моя рвется теперь к вам, как никогда. Я думаю о вас ежечасно и желал бы быть возле вас. Моим утешением является сознание, что я могу принести бо́льшую пользу здесь.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Лондонские беседы полковника Хауза ясно показывают, что как он, так и его английские друзья, считали, что Германия стала на путь, который неминуемо вызовет вступление Соединенных штатов в войну. Хауз говорил с Китченером о том, какое значение для союзников может иметь вмешательство Соединенных штатов.

«*12 мая 1915 г.* Лорд Китченер предложил встретиться и пригласил меня зайти в военное министерство или к нему на дом в Йорк-хауз. Я редко хожу в учреждения, поэтому мы встретились с ним в Йорк-хаузе в 6 часов...

Принял он меня очень приветливо. Когда я поставил вопрос, будет ли союзникам выгодно вступление Соединенных штатов в войну, он ответил: «только дурак может подумать, что это не будет выгодно для нас, и я удивляюсь, как может сомневаться в этом англичанин». Это относилось к передовой в «Сент-Джеймс газетт», которую я ему показал, а также к моим разговорам с некоторыми из его соотечественников.

Далее он сказал: «Сохрани бог любую страну от вступления в такую войну» и попросил меня передать президенту, чтобы тот не думал, будто Великобритания требует или желает, чтобы мы вступили в войну, но если мы сочтем нужным это сделать, то, по его мнению это намного сократит срок войны и сохранит неисчислимые жизни не только у союзников, но и у немцев.

Он говорит, что это—война на выносливость, и в тот момент, когда мы вступим в нее, немцы, если только они не совсем сошли с ума, поймут, что конец близок, и постараются предложить более приемлемые условия мира. Положение сходно с таким, когда на свободе бегает бешеная собака и каждый старается помочь ее поимке. Если мы готовы вступить в войну и я извещу об этом, он немедленно займется этим вопросом и поможет нам не только в отношении организации, но во всем, что мы пожелаем. Он дал блестящий отзыв об американской храбрости и сказал: «Если американские войска присоединятся к английским, нам на запад-

ном фронте не нужны будут французские войска, и мы сможем держать их в резерве».

У него под ружьем 2 200 000 человек, из этого числа 500 000 уже находятся во Франции, а 650 000 готовы отправиться туда по первому требованию. Кроме того, 120 000 человек у них на Дарданеллах. Он говорит о войне и об армии, как будто бы это его армия и его война, и вообще тоном, которым говорил бы монарх.

Мы беседовали около часу, хотя я все время порывался уйти, зная, как он должен быть занят и насколько драгоценно для страны его время. Когда я поднялся уходить, он тоже встал, но стал ходить по комнате и продолжал говорить. Он снова и снова повторял, что вступление в войну Соединенных штатов значительно сократит срок войны и принесет такую большую пользу, какую только человек его опыта может оценить. Он заявил, что вступление в войну Италии ничто по сравнению с нашим вступлением, хотя та и имела большую обученную армию...

Его очень заинтересовало мое замечание о том, что у Германии в официальных кругах нет «первоклассных» людей. Он также интересовался фон Тирпицем и Фалькенхайном. Я сказал о последнем, что он гораздо способнее фон Тирпица и способнее фон Мольтке, которого он заменил. Китченер несколько раз заговаривал об их военных методах и заявил, что никогда не ожидал, чтобы народ, претендующий на цивилизованность, до такой степени себя унизил. Он особенно обозлен применением удушливых газов и заявил, что единственное, что ему остается—это отвечать тем же.

Это была моя первая встреча с Китченером и он показался мне способным и сильным человеком, хотя, возможно, без искорки гения,—если не считать гениальностью его крупные организаторские способности[1]. На меня произвело большое впечатление его добросовестное и беспристрастное обсуждение возможности нашего вступления в войну.

Хотя это и был наиболее выгодный способ ведения разговора об этом со мною, это не делалось, однако, именно с такой целью, ибо как мог он знать, что повлияет на меня и что нет. Так же как король он несомненно понимает, что мои советы президенту

[1] Организаторские способности Китченера лучше, однако, отвечали трудностям его ранней деятельности, чем тем, с которыми он встретился в качестве военного министра в 1915 г. Значение имени Китченера было неоценимо, он создал большую армию; но он более привык к положениям, когда действовал один, как диктатор, и не понимал необходимости хорошего генерального штаба при военном министерстве. «Его представление о работе,—писал Грэй,—было как о единоличном деле. Он брал на себя всю ответственность и работал как титан, но не понимал, что общую ответственность надо делить с кабинетом, военную ответственность—с наиболее независимыми и знающими военными умами, организованными в генеральный штаб и работающими рядом с ним».—*Грэй,* Двадцать пять лет, т. II, стр. 246.

могут при настоящем кризисе иметь большое значение, но все же в его замечаниях не было никакой поспешности или настойчивости. Он не скрывал своего мнения, что наше вступление в войну сыграет решающую роль, но не сказал ни слова для ускорения этого решения. Китченер не является самым крупным умом среди всех, с кем я встречался, но в его манере есть что-то свидетельствующее о большой скрытой силе, и если бы я отправлялся на охоту на тигров, я рад был бы иметь его компаньоном».

«*13 мая 1915 г.* Я завтракал с Артуром Бальфуром. Мы вели очень интересный разговор. Я рассказал ему о свидании с Китченером и о моем совете президенту в связи с потоплением «Лузитании»; он горячо одобрил текст моей телеграммы. В разговорах с Бальфуром я чувствую себя свободнее, чем с остальными людьми в Англии, за исключением Грэя, так как последнему я доверяю целиком. Грэй и Бальфур оба истые джентльмены, в их такте я уверен.

Бальфур критиковал правительство за то, что оно так сильно зависит от Америки в отношении амуниции. Он считает, что с самого начала надо было форсировать производство амуниции в такой степени, чтобы к настоящему моменту уже не нуждаться в посторонней помощи...»

В течение шести дней после потопления «Лузитании» Хауз не получал никаких сообщений о намерениях президента Вильсона. Он совсем не подозревал, что тот постарается уклониться от вопроса, поднятого в связи с поступком Германии, но проявлял некоторую озабоченность в связи с произнесенной Вильсоном речью, которую все истолковали как признак непоколебимого пацифизма Вильсона.

11 мая Хауз записывает: «Пэйдж и все мы очень расстроены речью президента в Филадельфии, где, как сообщают, он заявил: «Есть такая вещь, как гордость, не позволяющая вступать в драку». Пэйдж послал ему длинную телеграмму, которую показал мне, желая знать мое мнение.

У Вильсона был выбор: либо немедленно порвать дипломатические отношения, считая, что потопление «Лузитании» с тысячью ее пассажиров является преступлением против цивилизации, либо потребовать официального дезавуирования и заявления, что такого рода бесчеловечные акты больше не повторятся. Порвать отношения, не давая Германии шанса изменить ее методы ведения подводной войны, противоречило натуре президента, и сомнительно, чтобы страна поддержала его с тем единодушием, какого потребовал бы такой шаг.

Он выбрал второй путь и 13 мая послал Германии ноту, которая по мысли и по выражениям была очень решительна, но вместе с тем по форме и по тону не являлась ультиматумом. Перечисляя все прежние нападения подводных лодок, явившиеся

причиной потери жизней американцев, «ряд фактов, которые правительство Соединенных штатов наблюдало с возраставшей озабоченностью», он требовал, чтобы Германия «дезавуировала действия, относительно которых заявляет претензию правительство Соединенных штатов, чтобы она компенсировала, поскольку компенсация вообще возможна, эти безмерные потери и чтобы она приняла немедленные шаги к предотвращению повторения всего, что так очевидно противоречит принципам ведения войны... Выражения сожаления или обещания компенсации в случае потопления нейтральных судов по ошибке хотя и могут удовлетворить международным обязательствам в тех случаях, когда это не сопровождалось потерей человеческих жизней, не могут, однако, оправдать или извинить деяния, естественным и неизбежным последствием которых является новый и безмерный риск для нейтральных стран и нейтральных лиц».

Эта нота не удовлетворила воинственных требований Рузвельта о немедленном разрыве с Германией. Но другой экс-президент— Уильям Хауард Тафт, отзывается о ней, как о «превосходной по тону... достойной того уровня, который занимает автор в отношении международных обязательств... она (эта нота) целиком заслуживает нашей поддержки и подтверждения». Даже Пэйдж выразил свое удовлетворение и телеграфировал президенту: «Разрешите выразить мое личное поздравление по поводу ноты» и прибавил, что большинство членов английского правительства, а также представители оппозиции Лэнсдаун, Бальфур и Бонар-Лоу «частным образом выразили похвалу»[1].

За редкими исключениями общественное мнение внутри страны и за границей одобрило ноту; только потом, после многих месяцев дипломатической проволочки со стороны Германии, ряд крепких задним умом критиков заявил, что Вильсон должен был предъявить ультиматум и дать Германии срок,—курс, который может быть заставил бы Германию, а может быть и нет—немедленно прекратить подводную войну. Сидни Брукс, в журнале «Инглиш ревью» писал, что «эта нота стоит в ряду величайших дипломатических документов. Кажется, что видишь президента борющимся с Вильгельмштрассе за душу Германии». «Таймс» заявляла, что «сама совесть человеческая поднимает свой голос в его, Вильсона, размеренных и проницательных словах». Правда, из Франции Уитни Уоррен писал Хаузу, что там растет убеждение, что «президент и в прошлом и в настоящем находится под влиянием немецких традиций и духа». А американские эмигранты в Париже, всегда враждебно настроенные к Вильсону, резко нападали на него за раболепствование перед Германией. Но официальные круги во Франции и в Англии считали, что президент поступил не только мудро, но и соответственно данному положению.

[1] Жизнь и переписка Уолтера X. Пэйджа, т. III, стр. 245.

Письмо посла Шарпа Хаузу

Париж, 2 июня 1915 г.

«Дорогой Хауз!

...В то время как почти все здесь одобряют ноту президента к Германии в связи с потоплением «Лузитании», лойяльному американцу приходится выдерживать горячие минуты, когда читаешь мелочные нападки, подобные тем, которые я для вас отметил... Но те, кто стоят во главе французского правительства, полностью понимают и одобряют позицию президента Вильсона и питают полное доверие к честности его принципов.

Английский посол сэр Фрэнсис Берти на-днях сказал мне, что очень надеется, что мы вступим в войну с Германией, так как, не участвуя в войне, мы можем оказать союзникам бóльшую помощь, чем прямым участием в ней...[1]

С уважением ваш *Уильям Дж. Шарп*

Письмо Дж. Сент-Лоу Стрэйчи[2] Хаузу

Лондон, 1 июня 1915 г.

«Дорогой Хауз!

...Идя домой, я все думал: «Мы не хотим, чтобы Америка вступила в войну». Мысль о втягивании наших ближних в эту ужасную борьбу мне ненавистна, но я хотел бы, чтобы американцы сказали немцам: «Если вы посмеете разрушить Вестминстерское аббатство, Америка никогда вам не простит. Оно так же принадлежит *нам* как и *им*».

И все-таки с этими маньяками такой способ может оказаться худшим для охранения аббатства. Может быть это по-детски, но я предпочел бы увидеть разрушенным пол-Лондона, чем аббатство в Вестминстер-Холл. Если бы не это, цеппелины меня бы не беспокоили.

Искренно ваш *Дж. Сент-Лоу Стрэйчи*».

Очевидно, Хауз не верил, что Германия изменит свои методы морской войны, если не станет действовать более сильный фактор, чем одни протесты Соединенных штатов. 18 мая он писал министру Мак-Аду: «Немецкий ум, очевидно, не способен понимать чего-нибудь кроме здоровых тумаков, они заражены странной идеей, что в войну мы не вступим ни при каких обстоятельствах. В сущности говоря, эта идея господствует во всей Европе и рано или поздно это вовлечет нас в войну». Две недели спустя после

---

[1] В своих частных записках английский посол выражал противоположное мнение.

[2] Редактор журнала «Спектэйтор».

нового нападения подводной лодки, он записывает: «Я пришел к заключению, что война неизбежна».

Хауз и Пэйдж были согласны в том, что если Германия не удовлетворит требований, изложенных в ноте Вильсона и не прекратит нападений на суда без предупреждения, Соединенные штаты не смогут избежать вмешательства в войну.

Но в противоположность Пэйджу Хауз разделял мнение президента, что война с Германией не может быть оправдана, если не будут испробованы все пути для достижения мирного соглашения. И он усиленно старался найти путь к тому, чтобы побудить Германию отказаться от жестокой и незаконной подводной войны. В этом ему содействовал сэр Эдуард Грэй, который с исключительной широтой взгляда, столь редкой для страстей военного времени, готов был обсудить любой разумный компромисс.

Письмо Хауза президенту

Лондон, 14 мая 1915 г.

«Дорогой начальник!

Вчера я завтракал с сэром Эдуардом Грэем. Главной темой нашего разговора была катастрофа с «Лузитанией» и вопрос о том, что предпримете вы.

Грэй сказал мне, что, по его мнению, вы не могли поступить иначе, чем поступили, при этом он дал понять, что если бы мы сделали меньшее, то поставили бы себя в такое же положение, в каком была бы Англия, если бы не выступила на защиту нейтралитета Бельгии. Иными словами, он полагает, что в концерте наций мы, сейчас или после, остались бы без друзей и без влияния. Я уверен, что это так.

Если бы мы не предприняли решительных шагов, это значило бы потерять дружбу союзников, с одной стороны, а с другой стороны, ничуть не уменьшило бы той ненависти, какую питает к нам Германия. Если только Германия не будет окончательно раздавлена, то рано или поздно нам придется считаться с нею, и тогда мы не имели бы среди великих наций ни одного сочувствующего друга.

Грэй спросил меня, какой, по моему мнению, ответ даст Германия. Я ответил, что если бы этот ответ составлял я, то заявил бы, что если Англия снимет эмбарго на продовольствие, Германия согласится прекратить потопление торговых судов. Грэй ответил, что если бы, кроме прекращения этого способа ведения войны, Германия согласилась также прекратить применение удушливых газов и бессердечное избиение мирных жителей, Англия согласилась бы снять эмбарго на продовольствие.

Я поспешил послать вам телеграмму об этом. Меня угнетает, что я не могу одновременно вести непосредственные переговоры

с вами, с Грэем и с Берлином. Если бы это было возможно, многое из того, что сейчас невыполнимо, стало бы выполнимым.

Это письмо я составляю в спешке, чтобы поспеть к вечерней почте. Вам, наверно, будет интересно узнать, что Италия подписала договор с союзниками о вступлении в войну не позднее 26-го[1]. Этот договор будет проведен в жизнь, если только итальянский парламент не откажется его ратифицировать. Об этом я узнал уже более десяти дней назад, но не писал вам об этом договоре, поскольку на пути к его окончательному заключению было очень много препятствий...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Разговор с Грэем наметил возможность нового соглашения, которое очень помогло бы устранению разногласий с Англией по поводу задержаний морских грузов, а также предотвратило бы более реальную опасность открытого разрыва с Германией из-за подводных лодок. Европейская война, поскольку это касалось Соединенных штатов, превратилась к тому моменту в борьбу между германскими подводными лодками и английской блокадой. Оба вида войны нарушали нейтральные права американцев. Если бы можно было уговорить воюющие державы отказаться от применения этого оружия, отпали бы многие наши затруднения.

Многим этот компромисс представлялся справедливым, ибо если английская блокада угрожала Германии голодом, то германские подводные лодки грозили уничтожить английскую торговлю.

Предложение о соглашении не было новым. В феврале президент Вильсон, следуя намеку посла Бернсторфа, сделал подобное предложение Великобритании. Поскольку Германия утверждала, что подводная война была лишь ответом на попытку Великобритании обречь на голод мирное население Германии, Вильсон заявил, что если Великобритания станет пропускать продовольствие в Германию, последняя должна будет отказаться от незаконной подводной войны. Грэй одобрил это предложение. В разговоре с Хаузом 27 февраля он указал, что при таком соглашении Великобритания могла бы вести войну до бесконечности. Но английское общественное мнение не учло, каким опасным оружием может стать подводная лодка, и считало, что, отказываясь от эмбарго на продовольствие, Великобритания поступалась бы слишком многим.

---

[1] Подписанный 26 апреля 1915 г. Лондонский договор—один из «тайных договоров». В нем не была установлена дата вступления Италии в войну, а было лишь указано, что она обязуется использовать все свои ресурсы для войны на стороне союзников, против их врагов. 23 мая Италия объявила войну Австрии, но не объявляла войны Германии до 27 августа 1916 г. 30 апреля 1917 г. Бальфур ознакомил президента Вильсона с подробностями этого договора.

Посол Пэйдж держался того же мнения и отнесся к предложению президента как к чему-то, исходящему от Германии, не стараясь проводить его с нужной энергией.

«Я отправился в посольство повидаться с послом,—пишет Хауз.—Он вернулся после визита в летнюю резиденцию премьер-министра только в 12 часов... Пэйдж рассказал, что он провел за городом два неприятных дня. Одной из привилегий премьер-министра является пользование старым замком близ Дувра; там Пэйджу пришлось провести две холодные, сырые ночи. Камины горели не во всех комнатах и, хотя Пэйдж вегетарианец, ему не давали ничего, кроме разных мясных блюд...

Пэйдж не склонен обращаться лично к Грэю относительно предлагаемого президентом компромисса с Германией в вопросе об эмбарго. Я обратил его внимание на телеграмму президента ко мне с предложением передать Пэйджу, что он желает, чтобы предложение было представлено со всей возможной определенностью. Тогда он сказал, что повидает Грэя и постарается это исполнить, хотя и видно было, что дело ему не по душе. Он не верит в разумность такого предложения и не считает его выгодным для английского правительства. Я стал доказывать противное, убеждая его, что то хорошее впечатление, какое он произведет на нейтральные страны, послужит достаточной компенсацией за уступки, необходимые от здешнего правительства, а сами эти уступки ничуть не больше тех, которые должна сделать Германия».

Повидимому, английский кабинет, за исключением Грея, разделял мнение Пэйджа, что предпочтительнее сохранить активное оружие продовольственной блокады, даже если это значило итти на риск угрозы подводных лодок,—угрозы, которую ни тогда, ни даже позже, они полностью не сознавали. 15 марта кабинет отклонил компромисс.

В мае положение настолько обострилось по сравнению с февралем, что Хауз горячо ухватился за возможность возобновления предложения о том, что Германия откажется от подводной войны при условии ослабления Англией продовольственной блокады. Он искренне считал, что от этого англичане получат моральные и материальные выгоды, и был убежден, что это является единственным средством избежать прямого вмешательства Америки в войну, которое в противном случае стало бы неизбежным из-за нападений германских подводных лодок.

«Грэй принял это очень хорошо,—записывает Хауз,—он заявил, что для Великобритании, конечно, было бы выгодно вступление Соединенных штатов в войну, между тем сделать то, что предлагаем мы, означало бы, что Соединенные штаты сохраняют нейтралитет. Тем не менее, он соглашается поступить так, как мы считаем наиболее выгодным для себя, и что, в конце концов, по его мнению, будет выгодно и для Англии.

Говорили мы об этом очень подробно. При этом я настаивал на том, что Великобритания очень рискует быть изолированной в результате германской подводной войны, между тем, если бы ее морская торговля была свободна от этой угрозы, Англия могла бы неограниченно продолжать войну, не опасаясь поражения».

Президент Вильсон немедленно телеграфировал Хаузу о своем глубоком интересе к этому предложению. Он рассматривал его не только как средство ликвидации германо-американских затруднений, но также как возможность устранения разногласий с Англией из-за блокады. С точки зрения дипломатической последовательности, заявлял он, ему вскоре придется направить Великобритании ноту в отношении чинимых ею препятствий американской торговле с нейтральными портами. Со стороны Англии было бы очень ловким ходом, указывал президент, если бы она по собственному почину облегчила положение, поставив этим Германию в невыгодное положение неправого, а это было бы очень малой ценой в уплату за прекращение нападений подводных лодок.

Письмо Хауза президенту

Лондон, 20 мая 1915 г.

«Дорогой начальник!

Когда пришла ваша телеграмма от 16-го, я попросил Пэйджа договориться о свидании с Грэем для того, чтобы мы могли заявить протест против задержки грузов и точно установить, согласна ли Англия снять эмбарго на продовольствие при условии прекращения Германией подводной войны. Пэйдж обещал устроить свидание, но не устроил, и в конце концов заявил, что считает это бесполезным, потому что, по его мнению, английское правительство в настоящий момент не станет обсуждать предложения о снятии эмбарго.

Именно тогда я и послал вам обескураживающую телеграмму. Но когда поступила ваша вторая телеграмма, я пошел к сэру Эдуарду, не советуясь больше с Пэйджем.

Я увидал, что Грэй куда охотнее, чем во время нашего последнего свидания, готов выслушать наше предложение; он обещал употребить все свое влияние в этом направлении при условии, что предложение будет исходить от Германии. Он прибавил, однако, что в договоре непременно должно быть условие о прекращении применения удушливых и отравляющих газов.

Он объяснил, что кабинет сейчас расформирован, поэтому он может выражать лишь свое личное мнение и просит не считать, будто он говорит от имени правительства. Я выразил готовность удовольствоваться его личным заверением касательно намечаемых им шагов, считая, что он принимает только личные обязательства. Он сказал, что если бы кабинет отказался стать на его точку зре-

ния в обычное время, он ушел бы в отставку, но не считает себя вправе делать это во время войны. Я воспользовался случаем рассказать ему о вашем высоком о нем мнении и уверить его, что мы сочли бы его отставку бедствием.

Он продиктовал мне пункты соглашения между нами, текстуально следующее:

1. Безоговорочный пропуск основных видов продовольствия в нейтральные порты.

2. Все задержанные в настоящее время продовольственные грузы должны быть возможно скорее представлены призовому суду.

3. Все претензии относительно задержанных грузов хлопка должны быть представлены, как только отправитель каждого груза удостоверит, что он является действительным его собственником, с которым следует производить расчет.

Если Англия согласится принять первый пункт, Германия должна прекратить нападения подводных лодок на торговые суда и прекратить применение удушливых и отравляющих газов.

Второй и третий пункты касаются нас и Великобритании и не имеют отношений к Германии. Они будут проведены немедленно.

Я сказал Грэю, что я немедленно телеграфирую Джерарду, чтобы Германия задержала свой ответ на вашу ноту до получения дальнейших сообщений от меня. Я также сказал ему, что предложу через Джерарда германскому правительству, чтобы в ответ на вашу ноту оно сделало вышеуказанное предложение...

Я принял на себя всю ответственность с тем, что если дела пойдут не так, как намечено, вы и сэр Эдуард сможете отказаться от всякого причастия к ним.

Если Германия откажется обсудить это предложение, то всем видно будет, что вы сделали все возможное для предотвращения войны между Соединенными штатами и Германией.

Сэр Эдуард взял себе копию записки, так чтобы между нами не могли возникнуть недоразумения. Конечно, недоразумений все равно быть не может, поскольку он хорошо помнит, что говорит, и никогда не отступает от своего слова...

Очень жаль, что кабинет реорганизуется. Я уверен, что при теперешнем его составе, если только Германия сделает предложение, план будет принят. Входящий в кабинет новый элемент менее расположен к принятию предложения, чем нынешний его состав.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Телеграмма Хауза Джерарду (через Копенгаген)

Лондон, 19 мая 1915 г.

«...Можете ли вы уговорить германское правительство ответить на нашу ноту предложением, что если Англия в будущем разрешит

безоговорочный провоз продовольствия в нейтральные порты, то Германия прекратит нападение подводных лодок на коммерческие суда и перестанет применять отравляющие газы? Такое предложение со стороны Германии в настоящий момент даст ей большие преимущества, и, по-моему, она допустит серьезную ошибку, если не ухватится за него.

Эдуард Хауз».

«*19 мая 1915 г.* Пэйдж считает, что вся моя затея ошибочна,— записывает Хауз:—результатом этого будет ухудшение отношений между Англией и Соединенными штатами, если Германия предложение примет, а сэру Эдуарду Грэю не удастся склонить свое правительство к принятию его. Я ответил, что это не в моей власти; моя цель—поставить Соединенные штаты и президента в правильное положение, так что, если бы возникли неприятности между нами и Германией, для всех было бы очевидно, что президент сделал все возможное для предотвращения войны, и тогда с чистой совестью и в полной уверенности в одобрении со стороны американского народа он сможет занять позицию, вытекающую из его ноты.

Я обедал с лордом Холдэйном. По обоюдному согласию мы были одни, так чтобы можно было говорить откровенно... Он показал мне дневник, который вел во время своего памятного визита в Берлин 9 и 10 февраля 1912 г. Как всем известно, он был послан в качестве представителя короля и английского правительства, чтобы попытаться добиться лучшего взаимоотношения с Германией и выработать для этого проект соглашения...

Я воспринял это как намек на то, что, давая мне это читать, он оказывает мне доверие. При этом он пояснил, что мне следует знать обо всем, что происходило между германским и английским правительствами в отношении Малой Азии, африканских колоний и более важных проблем Тройственного Согласия на случай, если Германия или Англия будут втянуты в войну с третьими державами.

Грэй рассказывал Холдэйну о моем предложении касательно снятия эмбарго на продовольствие и прекращения подводной войны. Он заявил, что постарается добиться принятия этого предложения, но не знает, каково будет решение нового министерства.

Он заговорил о себе, о своем долгом служении родине; в его голосе зазвучала печаль, когда он заговорил о том, как на него клеветали, как он был непонят в начале войны с Германией[1].

[1] Холдэйн был военным министром в кабинете Асквита. Он создал территориальную армию и сделал возможной быструю отправку хорошо снаряженного экспедиционного корпуса. «Если бы не его работа,—писал Грэй Асквиту,—армия не была бы готова в такой короткий срок... Если из всех людей именно Холдэйна обвиняют в недостатке патриотизма, то это нетер-

Он дал мне две свои книги; мы много говорили о Германии, о ее будущем и о германском народе. Я упомянул о своей идее «свободы морей». Он считает ее превосходной; я понял, что могу рассчитывать на его влияние в пользу этого предложения, когда для этого настанет время...»

«*21 мая 1915 г.* Я завтракал с Грэем и зачитал ему сообщение президента... Он виделся почти со всеми нынешними министрами и со многими представителями оппозиции, вероятными участниками кабинета, на основании чего он мог сообщить мне, что, по его мнению, если Германия сделает намеченное мною предложение, оно будет обсуждено правительством.

Он всегда очень осторожен в своих заявлениях, отсюда я делаю вывод, что его слова означают, что английское правительство примет это предложение. Если его удастся провести, это будет большим дипломатическим триумфом для президента и устранит наши разногласия с обоими правительствами...»

Каково бы ни оказалось окончательное решение английского кабинета, германское правительство своим резким отказом обсуждать предложения Хауза положило конец всякой возможности компромисса. Из Германии попрежнему раздавались протесты против жестокости Англии, обрекшей на голод женщин и детей, но втайне германские лидеры очевидно не хотели заплатить необходимую цену за снятие блокады. Они решили до конца использовать подводные лодки и тем менее были склонны прислушиваться к предупреждениям Америки, что сами не были убеждены, что Соединенные штаты станут подкреплять свои предостережения иными способами, кроме словесных. Из двух сообщений Джерарда Хаузу стали известны провал предложения и объяснение причин.

Телеграмма Хауза президенту

Лондон, 24 мая 1915 г.

«Джерард телеграфирует мне следующее: «Вчера Циммерман сказал мне, что австрийский посол Думба сообщил ему по телеграфу, будто Брайан заявил, что Америка не придает особого значения делу с «Лузитанией».

Разумеется, Брайан этого не говорил, но, мне думается, вы должны знать, что говорил Циммерман Джерарду...

Эдуард Хауз».

пимый случай грубого невежества, злостной преднамеренности или сумасшествия» (*Грэй*, Двадцать пять лет, т. II, стр. 244). Однако консерваторы поставили условием своего участия в правительстве исключение Холдэйна из нового коалиционного кабинета.

Джерард странным образом узнал о телеграмме Думбы. Циммерман был у него на завтраке и после своих обычных двух бутылок мозельского стал довольно откровенно говорить с одной американской дамой, женой немца. Он уверял ее, что с Соединенными штатами из-за «Лузитании» разрыва не будет, так как протест Вильсона был несерьезен. Как только Джерард узнал об этом разговоре, он явился к Циммерману и потребовал назвать ему источник таких сведений. Циммерман показал ему телеграмму Думбы. Джерард стал перед трудной задачей. Необходимо было дать знать Вильсону, но сделать это через министерство иностранных дел было невозможно, поскольку его телеграмма первым долгом попала бы к Брайану. Тогда он сообщил об этом Хаузу, зная, что тот немедленно известит президента. Телеграмма Думбы имела катастрофическое влияние, так как она убедила немцев, что они могут безнаказанно продолжать нападения подводных лодок. Отсюда их отказ принять предложенный Хаузом компромисс.

Телеграмма Хауза президенту

Лондон, 25 мая 1915 г.

«Я получил следующую телеграмму от Джерарда: «Ваше предложение передано сегодня утром фон Ягову. Подобное предложение о пропуске продовольствия взамен прекращения нападения подводных лодок однажды уже было сделано и не было принято. Если бы был прибавлен пункт о сырье, то вопрос, может быть, был бы решен. В продовольствии Германия нужды не ощущает».

Разумеется, их условия неприемлемы. Это аннулирует их заявления о том, что обречение Германии на голод оправдывает подводную войну. Я считаю, что это усиливает вашу и без того сильную позицию.

Эдуард Хауз».

Телеграмма Хауза Джерарду

Лондон, 25 мая 1915 г.

«Союзники ни за что не согласятся пропускать сырье... Поэтому я ничего больше сделать не могу; отпадает необходимость в дальнейшем откладывании ответа Германии на нашу ноту.

Я ужасно сожалею об этом, так как последствия этого могут оказаться весьма серьезными.

Эдуард Хауз».

«*26 мая 1915 г.* Я снова завтракал с сэром Эдуардом Грэем. Я показал ему телеграммы, которыми обменялся с президентом и Джерардом со времени нашей последней встречи. Сперва мы об-

судили телеграмму Джерарда об отказе Берлина принять мое предложение. Грэй считает, что это, по крайней мере, ставит Великобританию в более выгодное положение, и заявил, что *это кладет конец жалобам немцев на то, что они вынуждены вести свою подводную войну против Великобритании, ввиду ее намерения уморить голодом шестьдесят пять миллионов немецких мирных жителей*.

Он рассказал, что в разговорах с ним остальные члены правительства заявляли, что если бы Германия предложение приняла, это означало бы, что она в самом деле начинает испытывать нужду в продовольствии и именно поэтому Англии не следует ослаблять своего натиска. Но Грэй настаивал на том, что этому соображению противостоит столько других, что с одним этим считаться не следует. Кроме того, он хочет, чтобы Соединенные штаты знали, что Англия делает все возможное для того, чтобы не втягивать нас в войну с Германией. Мое восхищение и уважение к нему все возрастает».

Так закончилась самая благоприятная возможность урегулировать разногласия, которые в дальнейшем имели такое большое влияние на ход войны и на судьбу Германии. Если бы Германия согласилась на этот компромисс, она не только имела бы возможность получать продовольствие, которого, как она заявляла, ее мирное население было лишено вследствие незаконной блокады, но избежала бы разрыва с Соединенными штатами, разрыва, втянувшего Америку в войну.

«Кого боги хотят наказать...»

3

Отказ Германии воспользоваться предоставленной ей возможностью убедил полковника Хауза в том, что дальнейшее его пребывание в Европе бесполезно. Возможность начала мирных переговоров между воюющими державами, если она когда-нибудь и существовала, теперь совершенно исчезла. Настроение обеих сторон было настолько отравлено, что всякое предложение мирных переговоров считали преступным. Хауз также убедился, что политика Германии повлечет за собой прямое вмешательство Америки и пожелал быть возле президента для того, чтобы настоять перед ним на более энергичном ведении войны.

«Я пришел к заключению, что война с Германией неминуема,— записывает он 30 мая—и сегодня я решил уехать в субботу на пароходе «Сент-Пол». Президента я известил об этом телеграммой.

Я обсудил вопрос с Уоллэсом, который тоже едет с нами, и говорил об этом также с Пэйджем, который советовал уехать, если мы вообще хотим в этом году попасть домой. Пэйдж всегда дает очень откровенные советы...

«*1 июня 1915 г.* Я сказал Планкетту, что уезжаю в Америку, и объяснил причину. Я сказал, что намерен убедить президента повести не «кисло-сладкую» войну, а напрячь все усилия, всю энергию нашего народа так, чтобы Европа целый век помнила, что значит спровоцировать миролюбивую страну на войну.

Я намерен посоветовать образовать комиссию, возможно во главе с членом кабинета, для лучшей организации производства амуниции и военных припасов. Планкетт посоветовал мне повидаться перед отъездом кое с кем из членов английского кабинета. На 6 часов он устроил мне встречу с Ллойд-Джорджем...»

Письмо от американского посла в Берлине показывало, что Германия пошла по новому пути войны, с полной уверенностью, и усилило убеждение Хауза в том, что войны не избежать.

Письмо Джерарда Хаузу

Берлин, 1 июня 1915 г.

«Дорогой полковник!

Боюсь, что мы стоим перед очень серьезными последствиями.

Я опасаюсь, что здесь не откажутся от торпедных атак без предупреждения торговых и пассажирских судов, а их недавние победы над Россией создали здесь величайшую самоуверенность. Они как будто также хорошо держатся и на Дарданеллах, и во Франции, и в Бельгии, а Италия, вероятно, будет побеждена.

Единственное, что может дать победу союзникам, это введение всеобщей воинской повинности в Англии и отправка по меньшей мере свежих двух миллионов английских войск. Если бы Англия знала, что готовит для нее Германия в случае победы, то мертвые восстали бы, чтобы взяться за оружие.

Германия надеется «волынить» с вопросом о «Лузитании», пока американская публика не будет отвлечена бэйзболом или новым скандалом в свете. В то же время ненависть к Америке растет с каждым днем.

Что касается продовольствия и даже сырья, то для ведения войны их в Германии довольно. Сырья нехватает для промышленности вообще, но есть все, что нужно для производства амуниции, поскольку же средства на изготовление военных припасов они расходуют внутри собственной страны, то финансовое положение пока тоже хорошее. Они рассчитывают, что стоимость войны будет покрыта какой-нибудь другой страной.

В правительственных кругах и не говорят больше о возвращении Бельгии. Они хотят удержать ее и вырвать у других стран огромные контрибуции.

Они строят новые крупные подводные лодки (в 2 800 тонн) и спускают их на воду в таком множестве, что вскоре они явятся, я думаю, серьезной угрозой для Англии. Вот почему необходима большая сухопутная армия...

Буду телеграфно сообщать всякие новости. Наилучшие пожелания м-сс Хауз.

Всегда ваш *Дэжэймс У. Джерард*».

Если бы даже против всех ожиданий Германия согласилась отказаться от своей подводной войны или смягчить ее, или если бы кризис был кое-как улажен, Хауз все равно хотел теперь быть в Соединенных штатах возле президента, так как в этом случае спор с Великобританией из-за задержания американских грузов наверное обострился бы. Эти разногласия были серьезными даже при наилучшем положении вещей, а взаимные недоразумения ухудшали их еще больше. Полковник Хауз хотел, чтобы президент понимал, какие затруднения стоят перед сэром Эдуардом Грэем, чтобы он знал, как сильно нажимают на него английское общественное мнение и адмиралтейство, и насколько важно, чтобы Соединенные штаты оставались в дружественных отношениях с союзниками. Как бы велико ни было раздражение, вызванное ограничением американской торговли, Хауз не колебался в своем убеждении, что наше благосостояние связано с поражением Германии. Все это Пэйдж отстаивал в ряде длинных писем. Но сама многочисленность и размеры этих писем, да еще с привкусом союзнических настроений, уменьшали влияние Пэйджа, который в глазах Вашингтона был больше защитником интересов союзников, чем представителем американского правительства. Хауз хорошо понимал, что чисто объективное изложение ситуации, с упором на интересы Америки, будет иметь большое значение.

«*4 марта 1915 г.* Вчера,—записывает Хауз,—когда Пэйдж составлял свое письмо президенту с просьбой ничего пока не предпринимать в отношении предполагавшейся блокады Германии, там было много такого, что я предложил вычеркнуть. Это представляло собой сильнейшую в своем роде просоюзническую аргументацию, и я знал, что она уменьшит влияние Пэйджа как в глазах министерства иностранных дел, так и президента. Он нехотя урезал письмо до размеров очень короткого сообщения...»

Письмо Хауза президенту

Лондон, 25 мая 1915 г.

«Дорогой начальник!

...Нового для сообщения ничего нет. Кажется, что дело идет к затяжной войне... Я очень хотел бы видеть вас и лично обрисовать положение. Есть столько вещей, о которых не напишешь, что мне стоит, кажется, поехать, даже если бы пришлось вскоре вернуться обратно.

Нет сомнения, что занятая вами позиция, как в отношении Германии, так и Великобритании, правильна; но я считаю, что наше

отношение к союзникам несколько иное, поскольку мы более или менее связаны с их победой, и я думаю, что по возможности нам не следует делать чего-либо такого, что могло бы ухудшить их нынешнее расположение к нам. Если мы лишимся этого благорасположения, то не сможем играть никакой роли при мирных переговорах, пожертвовав слишком многим во имя защиты всех наших торговых прав.

Я знаю, что мы переживаем очень трудное испытание и что вы действуете с исключительным терпением и рассудительностью.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Хауз постоянно внушал своим английским друзьям, насколько важно учитывать недовольство и потери Соединенных штатов из-за задержания американских грузов и почты. С момента своего приезда в феврале 1915 г. он подчеркивал, что хотя это единственная серьезная причина трений между двумя государствами, тем не менее она столь существенна, что может привести к очень серьезным результатам, если только их не затмит какое-нибудь затруднение с Германией. Германия нарушала права человечества, между тем как разногласия с Великобританией были гораздо менее значительны. Но они задевали карман и самолюбие многих американцев.

Более того, президенту нельзя было достаточно энергично протестовать против нарушения международных законов Германией, пока Германия имела некоторое основание жаловаться на то, что англичанам он позволяет менять морские законы по своему усмотрению. Письма президента и министров рисовали Хаузу ясную картину тех затруднений, перед которыми стоял Вильсон. В дружественном тоне президент старался дать ответ на указание, что бестактность американских протестов излишне ухудшает англо-американские отношения.

Он повторил свое настойчивое указание на перемену настроения в Америке из-за помех, чинимых англичанами нейтральной торговле, и выразил опасение, что нельзя будет помешать конгрессу вынести решение о запрещении вывоза оружия. Вильсон сообщал, что он постарается это предотвратить, но хочет, чтобы Грэй понял опасность положения. Он направил это предупреждение не через Пэйджа, а через Хауза, ибо хотел, чтобы оно было сделано совершенно неофициально и в чисто дружеском тоне. Министр Лэйн выразил те же мысли.

Письмо Лэйна Хаузу

Вашингтон, 5 мая 1915 г.

«Дорогой Хауз!

Рад был получить ваше письмо. О положении здесь мало что можно сказать. Президент несет свое бремя безропотно. Несмотря

на все оскорбления со стороны Германии, он решил выдержать до конца: подставить левую щеку, а затем спину, если это окажется необходимым. Но, разумеется, он не может терпеть оскорбление за оскорблением безгранично, ибо в таком случае восстала бы страна. Мы народ с самолюбием, как в том убедились сто лет тому назад наши английские друзья.

А англичане ведут себя не очень хорошо. Они задерживают наши суда, они установили новые международные законы. Мы очень мягко и покорно отнеслись к их хозяйничанью на океане, словно это их собственная дорога. Конечно, симпатии большей части нашего народа на стороне Англии, но они далеко не были бы так велики, если бы не упорная близорукость наших немецких друзей. Я не могу понять, что хочет сказать Англия своей политикой задержания, помех и затруднений. Ее победа явно зависит от строжайшего нашего нейтралитета и вместе с тем она нам не дает пользоваться своими правами нейтральной державы.

Вам интересно было бы, я думаю, послушать наши разговоры, когда собирается кабинет. Среди нас, я считаю, нет ни одного человека, в жилах которого текла бы хоть капля немецкой крови. Двое из нас родились под английским флагом. У меня два родственника в английской армии, у моей жены—трое. Большинство из нас по происхождению шотландцы, и, тем не менее, как только мы собираемся, начинаются волнения по поводу каких-нибудь глупых действий англичан. Может ли быть, чтобы они хотели воспользоваться войной для сокращения нашей торговли?..

Если бы теперь шла сессия конгресса, мы бы уже сегодня оживленно обсуждали резолюцию о наложении эмбарго...

В конце концов наш единственный актив—это доверие народа к президенту. Народ не любит его, поскольку он кажется ему кабинетным человеком, но уважает его как мудрого, благоразумного руководителя, который избавит его от забот. Поэтому, какая бы глупость ни совершалась, все склонны валить вину на Брайана, что очень несправедливо. Мое уважение к Брайану растет с каждым днем. Он слишком хороший христианин, для того чтобы управлять нашим грешным миром, и недостаточно сильно ненавидит, но это несомненно благородный и широких взглядов человек, до последнего вздоха преданный президенту...

Остаюсь всегда ваш *Ф. К. Л.*».

В самой Англии было немало людей с умом, понимавших, что задержание нейтральных грузов, следующих в нейтральные порты, даже если эти грузы, в конце концов, предназначаются для Германии, не оправдывает вызываемых этим затруднений. Этого мнения хотя и придерживалось меньшинство, но не одни только пацифистские круги.

«*3 марта 1915 г.* Брукс и Поллен[1], записывает Хауз,—согласились со мной, что Великобритания начинает опасную фазу ведения войны, пытаясь установить газетную блокаду Германии, ибо подлинная блокада, повидимому, не осуществима. Я говорил об этом со всей серьезностью, так как хотел заручиться поддержкой их газет на случай тех неприятностей, которые, как я вижу, назревают между нашими двумя странами».

«*4 марта 1915 г.* Сегодня ко мне во второй раз зашел редактор «Экономиста» Фрэнсис У. Хэрст. Он заходил вчера, но не застал меня. Это, по-моему, совершенно новый тип англичанина... Он противник правительства, хотя и либерал. Он резко критиковал Грэя и Асквита, хотя Асквит его близкий родственник... Он против войны и заявляет, что далеко не одинок, так как убежден, что в Англии война непопулярна, и это стало бы явным, если бы общественное мнение нашло свое подлинное выражение. Он предложил познакомить меня с лордом Морли и с бывшим лорд-канцлером лордом Лорберном. Он говорит, что оба они противники войны и считают, что мира надо добиться сейчас.

Хэрст считает, что президент должен активно противодействовать предполагаемой блокаде; если бы президент полностью запретил экспорт во все воюющие страны, он мог бы заставить здешнее правительство фактически исполнять его волю. Он хочет, чтобы президент установил новое международное право и заставил все государства его соблюдать. Я пытался объяснить ему, сколько препятствий стояло бы на пути к такому порядку.

Он сказал, что его предшественник по журналу «Экономист» Ричард Бэйджхот, которым так восхищается президент, заявлял, что еще в 1870 г. Англия должна была осуществить этот порядок».

«*9 марта 1915 г.* У меня на чае был Роберт Доналд, редактор газеты «Дэйли кроникл». Это очень толковый и умный шотландец. Мы говорили об эмбарго, о войне и обо всем, с этим связанном. Он очень дружен с Ллойд-Джорджем и считает его величайшим человеком в Англии. Он считает ошибкой объявление Великобританией блокады против Германии и полагает, что если она будет проводиться, наше правительство будет вправе наложить эмбарго на вывоз амуниции. Он обещал в осторожной форме затронуть этот вопрос в своей газете и постараться повлиять на правительство в нужном нам направлении...»

4

Письма Хауза президенту

Лондон, 7 мая 1915 г.

«Дорогой начальник!

Ваша телеграмма о задержании грузов получена мною вчера. Так как у меня уже было условлено повидать сэра Эдуарда Грэя сегодня с утра, я не стал добиваться свидания вчера.

[1] Журналист и знаток морского дела.

Я прочел ему ваше сообщение и сказал, что, по-моему, положение очень критическое и с этим вопросом тянуть не следует; немцы делают все возможное, чтобы поставить вас в затруднительное положение и вынудить вас установить эмбарго на вывоз оружия.

Он ответил, что прекрасно понимает положение. Он составил меморандум для рассылки всем членам кабинета, который он мне зачитал. В нем он изложил все в очень решительных и настойчивых выражениях и сказал мне, что сделает все от него зависящее.

Он сказал, что ему приходится считаться со здешним общественным мнением, которое требует полной блокады Германии. Кроме того, я полагаю, в кабинете в оппозиции к нему находятся Китченер и Уинстон Черчилл...

Сэр Эдуард хочет сделать все, что только возможно, и просил передать вам, что ему приходится преодолевать большие затруднения...

Со времени моего последнего письма к вам, я виделся со множеством людей, в том числе с русским послом. Он очень дельный человек, но так же не понимает ваших целей, как французская публика...

Когда я приехал сюда, почти все во Франции, в Англии и, как я теперь убедился, в России считали, что хотя американский народ в целом за союзников, вы сами—за немцев. Я считаю, что это мнение было создано сэром Сесилем[1], потому что все, что я слышу здесь, очень похоже на то, что он не раз говорил мне. Он заявил Норману Хэпгуду, что наше правительство за немцев, то же самое он говорил другим.

Я воспользовался случаем, чтобы сказать сэру Эдуарду, что сэр Сесиль очень нервный человек и ему постоянно чудятся страсти; мне он заявил, что еще до окончания войны все мы станем германофилами. Рассказал я это потому, что уверен, что то же самое он писал и сэру Эдуарду...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Лондон, 27 мая 1915 г.

«Дорогой начальник!

Вчера я виделся с сэром Эдуардом Грэем и говорил с ним о задержании грузов.

В отношении хлопка он заявил, что, основываясь на прецеденте, его правительство вправе считать хлопок военной контрабандой точно так же, как это считало наше правительство во время гражданской войны у нас. Но, исходя из ваших желаний, они до сих пор этого не делали и поэтому надеются, что мы будем снисходительны.

Он сказал также, что теперь они делают все возможное, чтобы

[1] Сэр Сесиль Спринг-Райс, английский посол в Вашингтоне.

избежать трений с нами: дано распоряжение быстро принимать решения в каждом случае, чтобы их нельзя было больше обвинять в волоките.

Он рассказал мне кое-что интересное о балканских государствах. Первое—Румыния согласилась вступить в войну при условии, что союзники передадут ей часть венгерской территории[1]. Сэр Эдуард отказался обсуждать такие условия, так как это было бы несправедливо по отношению к Сербии. Он заявил, что поскольку Великобритания вступила в войну для защиты прав одного малого государства, она не пойдет на нарушение прав другого государства, несмотря на все преимущества, какие получили бы от этого союзники.

Если бы не Фердинанд, Болгария, вероятно, тоже вступила бы в войну на стороне союзников, а вслед за нею вступила бы и Греция. Они все боятся, чтобы одно какое-нибудь балканское государство не осталось в стороне, а потом воспользовалось ослаблением других...

Я рад, что Бальфур вошел в новый кабинет. Это человек типа Грэя; я уверен, что теперь у нас будет меньше неприятностей с задержкой грузов, чем когда во главе адмиралтейства стоял Черчилл[2].

В понедельник сэр Эдуард уезжает на целый месяц, замещать его будет, вероятно, лорд Крю. Он обещал договориться с лордом Крю, чтобы тот принимал меня по первому моему желанию и у себя на дому. Живет он очень близко. Я никогда не хожу в министерство иностранных дел или в какое-нибудь другое правительственное учреждение, дабы не привлекать внимания. Все они хорошо понимают мои соображения...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Перед отъездом в Соединенные штаты у Хауза был ряд продолжительных бесед с членами нового кабинета и с другими влиятельными людьми с целью оградить англо-американские отношения от каких-либо недоразумений. Почти во всех этих беседах он особо выделял вопрос о блокаде, так как считал весьма важным, чтобы англичане правильно поняли американскую точку зрения.

«*22 мая 1915 г.* В 10 часов зашел лорд Брайс. Я рассказал ему о некоторых недоразумениях между Великобританией и Соединенными штатами в связи с задержанием грузов. Он выразил

---

[1] Темешварский Банат и переднюю Трансильванию. Сербия настоятельно требовала передачи ей юго-западной части Баната. Мирная конференция 1919 г. согласилась со значительной частью требований Сербии и разделила Банат между нею и Румынией.

[2] Это предсказание не оправдалось, несмотря на благоразумие Бальфура и на его расположение к Соединенным штатам.

готовность использовать свое влияние в министерстве иностранных дел, но я попросил ничего пока не делать, так как уверен, что больше того, что удалось мне с Грэем, ему не сделать.

Оба мы были того мнения, что это вина не министерства иностранных дел, а военного министерства и адмиралтейства. Я заговорил с ним о «свободе морей». Он спросил, имеет ли это отношение к вопросу о «задержании и досмотре на море». Идея ему,как видно, не нравилась, ибо он слышал, что ее очень добивается Деренбург. Я ответил, что я явился инициатором ее в Германии и немцы только повторяют те мысли, которые я им преподал. Он рассмеялся и сказал, что после таких слов ему лучше, так как если этого добиваемся мы, он уверен, что это не такая плохая вещь, и что в дальнейшем он будет относиться к ней с бо́льшим расположением».

«*2 июня 1915 г.* В 10 часов я встретился с Ллойд-Джорджем. Меня удивило, как он, не стесняясь, критиковал военное министерство. Он заявил, что Великобритания к настоящему моменту должна была иметь все потребное количество снарядов, поскольку после Соединенных штатов она является наиболее оснащенной в техническом отношении страной, и у нее сколько угодно заводов, могущих вырабатывать взрывчатые вещества. Он показал мне данные о количестве шрапнельных и разрывных снарядов, которые англичане выпустили в последних сражениях. В одном сражении было выпущено 50 000 шрапнельных снарядов и только 1 600 разрывных, а на деле нужно обратное.

Он находит, что солдаты слишком самоуверенны и не удовлетворяют требованиям. Но заявил, что намерен настолько усилить производство вооружений, что это революционизирует все положение. Он показал мне список американских фирм, которые поставляют для них оружие. Фирмы очень солидные, но число их не так велико, как я ожидал...

Он заявил, что если бы мы теперь приостановили отправку союзникам амуниции, это создало бы для них серьезную угрозу.

Кажется, это был его первый день в министерстве вооружений. В кабинете совсем не было иной мебели, кроме стола и одного стула. Он все предлагал мне занять этот стул, но я отказался, заявив, что мне больше чем министру приличествует сидеть на столе.

Он снова и снова говорил о «военной волоките», которую он обещал уничтожить в кратчайший срок. Он полон энергии. Я уверен, что очень скоро его министерство себя покажет. Он больше напоминает мне живой агрессивный тип американского политикана, чем английского министра... В нем есть что-то динамическое, чего нет у его коллег и что так нужно в этот великий час...

После завтрака я, как было условлено, зашел к новому канцлеру казначейства Реджиналду Мак-Кенна... Я воспользовался

случаем указать ему, что благодаря Германии Англия избавлена от крупных нареканий из-за совершенно незаконного задержания грузов, которое мы терпим только потому, что Германия позволяет себе еще бо́льшие нарушения. Я убеждал его использовать свое влияние в кабинете министров для того, чтобы эти действия Великобритании были изменены. Если это не сделать, а мы к тому времени уладим наши недоразумения с Германией, то, заверил я, мы потребуем более серьезного ответа от его правительства. Дело не во мнении президента о противоречиях между воюющими державами, а в том, что́ он должен сделать для ограждения прав значительной части американского народа, которая настаивает на том, что задержание грузов нарушает ее права.

Он целиком согласился с этим и надеется, что эти шероховатости смогут быть благополучно сглажены. Мы сошлись также на том, что если мы вступим в войну на стороне союзников, он будет поддерживать со мною неофициальную связь с тем, чтобы я мог помочь разрешению финансовых вопросов, могущих встать между нашими правительствами...

В 5. 30 я отправился в Лэнсдаун-хауз к маркизу Лэнсдауну... Я очень энергично говорил с ним о политике его правительства в связи с задержанием грузов нейтральных стран и указал ему, что, если бы Германия не вела себя еще хуже, мы призвали бы Великобританию к ответу. Я уверен, что при подобных обстоятельствах Великобритания и минуты не потерпела бы такого задержания, между тем в своем желании избежать неприятных разногласий с ними президент дошел до критической точки.

Я описал ему президента как человека, обладающего всем упорством шотландца, и просил его иметь в виду, что если в глубине души президент и сочувствует союзникам и их целям, он все же президент Соединенных штатов, а наш народ не делает различия между нарушителями международного права, и президенту по необходимости приходится держаться одинаковой политики по отношению ко всем».

«*3 июня 1915 г.* Я завтракал с лордом Крю наедине для того, чтобы переговорить на прощанье о вещах, о которых неудобно говорить в присутствии третьих лиц...

Я прочитал ему письма президента о задержании грузов и просил его убедить своих коллег в необходимости урегулировать этот вопрос, если только не случится так, что сами мы будем очень скоро вовлечены в войну с Германией. Я сказал ему, что президента критикуют за то, что Германии он пишет одного рода ноты, требуя немедленного ответа, а Великобритании—другого рода и ответа не получает месяцами. Я сказал, что им необходимо немедленно приготовить ответ на нашу февральскую ноту о задержании грузов и иметь его наготове на случай нужды. Со своей стороны я посоветую президенту не настаивать на этом ответе

до тех пор, пока не будет разрешен тем или иным путем вопрос о нападениях германских подводных лодок. Если же решением вопроса окажется война с Германией, то ответ, конечно, не потребуется. Но если наши недоразумения с Германией будут улажены, ответ необходимо будет дать немедленно. Я рассказал, какое производится давление на президента, поэтому в будущем им не следует поступать так, как они поступали до сих пор».

«*4 июня 1915 г.* Я прочитал королю две-три телеграммы, посланных мною президенту, главным образом в связи с задержкой наших пароходов. Я хотел, чтобы вся официальная Англия понимала, каково отношение нашего правительства к этой проблеме, так чтобы не было недоразумений, если в будущем нам придется выступить более решительно.

Его величество говорил о недавних налетах цеппелинов; он считает, что в ближайшем времени надо ожидать гораздо более серьезного налета, причем они попытаются спалить Лондон. Я показал ему карикатуру в последнем номере журнала «Лайф», которую Мартин прислал мне до напечатания ее в журнале, где его (короля) почтенный кузен Вильгельм изображен повешенным на мачте. Я не совсем был уверен, удобно ли показывать ему карикатуру, но он как будто бы остался очень доволен. Чем больше я вижу короля, тем больше он мне нравится. Он хороший парень и заслуживает лучшей участи, чем быть королем...

Я завтракал с Бальфуром. Кроме нас был сэр Хорэс Планкетт, которому мы вполне доверяем. Бальфур заявил, что он обеспечит особо тщательное конвоирование парохода «Сент-Пол»...

В Англии в настоящее время царит определенное чувство подавленности, главным образом из-за недостатка амуниции, а также из-за того, что Россия все время терпит поражения—тоже из-за недостатка амуниции.

Он заявил, что флот в настоящее время больше всего нуждается в истребителях против подводных лодок, и он заключает договоры на постройку большого числа малых быстроходных судов этого типа. Броненосцев у них достаточно. Он рассказал, что с транспортами у них благополучно: до сих пор они не потеряли ни одного транспортного судна. Он вытянул руку и постучал по дереву[1], как добрый американец.

С ним, как и с другими членами кабинета, я заговорил о недоразумениях с задержанием грузов; кажется, он понял, в каких трудных условиях приходится работать нашему правительству».

5

5 июня Хауз отплыл на пароходе «Сент-Пол». Через неделю по прибытии в Соединенные штаты он сообщил президенту свои

[1] Обыкновение у американцев—«чтобы не сглазить».—*Прим. пер.*

впечатления о европейских делах и подчеркнул серьезность кризиса, который встал перед американским правительством.

Письмо Хауза президенту

Рослин, Лонг-Айлэнд, 16 июня 1915 г.

«Дорогой начальник!

Поскольку дело касается союзников, положение не внушает бодрости. К большому своему разочарованию и к удивлению немцев, они не смогли достигнуть тех успехов, на которые рассчитывали с наступлением весенней и летней погоды. Они допустили две кардинальные ошибки. Первая—это попытка взять Дарданеллы только со стороны моря. Это оказалось невозможным, и прежде чем они успели послать большую армию для десантных действий в помощь флоту, турки под руководством немецких офицеров успели настолько укрепить проливы, что они стали почти неприступными. В конце концов они возьмут их, но страшной ценой[1].

Вторая ошибка состояла в том, что они в течение зимних месяцев не усилили производство снарядов. Когда началась весенняя кампания и они попытались штурмом взять немецкие окопы, оказалось, что у них не только не было достаточно амуниции, но и имевшаяся амуниция была не того рода, что нужно. Эта ошибка была допущена главным образом не французами, а англичанами.

Германия, очевидно, через своих шпионов знает об этом слабом месте союзников; отсюда—их величайшая забота о поставках амуниции из Америки. Когда в марте я был в Берлине, мне казались бессмысленными их заявления о том, что война окончилась бы очень быстро, если бы мы приостановили отправку амуниции.

Англичане едва удерживают свои позиции, а русские совершенно не в состоянии противостоять напору немцев по той причине, что нехватает ни винтовок, ни снарядов. Война больше превратилась в войну амуниции, чем в войну людей.

Осенью Германия была гораздо более склонна к миру, чем сейчас. Я прилагаю письмо от Джерарда, освещающее этот вопрос.

В Англии к моменту моего отъезда царила исключительная озабоченность, хотя все уверены в конечной победе, если союзники будут держаться вместе, но эта победа откладывается на более отдаленный срок, чем предполагалось, и, возможно, она совсем не придет, если снабжение амуницией из Америки будет по какой-либо причине прекращено.

Нет нужды говорить вам, что если союзники не победят, это повлечет необходимость поворота во всей нашей политике.

---

[1] Это предсказание не оправдалось, ибо хотя цена и была заплачена, но союзники вынуждены были в наступившую зиму отозвать экспедицию из Галлиполи.

Потопление «Лузитании», применение отравляющих газов и другие нарушения международного права сделали для меня невозможным продолжение переговоров в Англии о «свободе морей» или о предварительном формулировании мирного договора. Если бы не это, я мог бы продолжать свое дело, и к середине лета воюющие страны обсуждали бы через ваше посредство условия мира.

Трудность с Германией заключается не в гражданских властях, а в военных и морских, представленных кайзером, фон Тирпицем и Фалькенхайном. Плохие отношения установились между министерством иностранных дел и фон Тирпицем, их разногласия непримиримы. По-моему, фон Тирпиц будет продолжать подводную войну, предоставляя министерству иностранных дел объяснять все это «несчастными случаями».

Я считаю, что постепенно мы окажемся втянутыми в войну с Германией, так как среди немецких морских и военных кругов есть значительные группы, считающие, что для Германии это будет скорее лучше, чем хуже.

Как это ни печально, но это будет иметь свои преимущества. Война будет быстрее закончена, и усилятся наши позиции для оказания помощи другим демократиям в том, чтобы повернуть мир на правильный путь. Мы должны встретить эти факты стойко, утешая себя мыслью, что какие бы жертвы нам ни пришлось нести, они будут оправданы достигнутой целью.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Хауз не свершил мирового чуда мира, что́ в 1915 году оказалось практически невозможным. Но он достиг того, о чем знали только немногие: полного взаимопонимания с теми, кто управлял судьбами союзников. В дальнейшем, при всех недоразумениях между министерствами иностранных дел, установленные им личные отношения всегда способствовали сохранению духа сердечности. У него был частный шифр, которым он мог сноситься быстро и неофициально с сэром Эдуардом Грэем, который обещал ему писать откровенно и часто. Хауз, повидимому, завоевал доверие английского правительства в такой момент, когда общественное мнение в Англии оборачивалось против Америки. Он приобрел за границей массу друзей, которые стали снабжать его регулярной и надежной информацией. И президент Вильсон, которого считали мало осведомленным и чуждающимся этих дел, мог через Хауза быть в полном курсе всех течений европейской политики.

Письмо Хорэса Планкетта президенту

Планкетт-хауз, Дублин,
4 июня 1915 г.

«Дорогой м-р президент!

...Полковник Хауз с обычной для него спокойной, тактичной и изумительно убеждающей манерой оказал, как мне точно известно, неоценимые услуги нашему правительству своими советами и указаниями в вопросе о наших отношениях с Соединенными штатами при настоящем кризисе. О подобном же его служении вам и своему народу в бытность его в других европейских странах вы сами лучше знаете. Завтра он отплывает, и я хорошо понимаю, что поскольку он не может одновременно быть в Америке и в Европе, то, вероятно, лучше, чтобы в настоящий момент он был рядом с вами. Поскольку я имел честь познакомить его с рядом лиц, с которыми он изъявил желание встретиться здесь и объяснить им некоторые стороны американской общественной жизни для того, чтобы они могли оценить помощь Хауза, я обещал сделать все, что в моих силах, в тех случаях, когда в его отсутствии произойдут какие-либо недоразумения, которые лучше всего можно было бы урегулировать неофициальным вмешательством. Я также обещал ему осведомлять его обо всем происходящем или о переменах настроений, о которых, по моему мнению, он должен знать. Я лишь желаю заверить вас, м-р президент, что здесь кое-что будет делаться для уменьшения этой потери для нас, потери, которой надо противопоставить выгоды для вас и для Соединенных штатов от присутствия полковника Хауза в Вашингтоне.

С глубочайшим уважением искренно ваш
Хорэс Планкетт».

Так президент Вильсон, вполне осведомленный обо всех сторонах европейского положения, стал лицом к лицу с затянувшимся кризисом наших отношений с Германией, последовавшим за потоплением «Лузитании».

